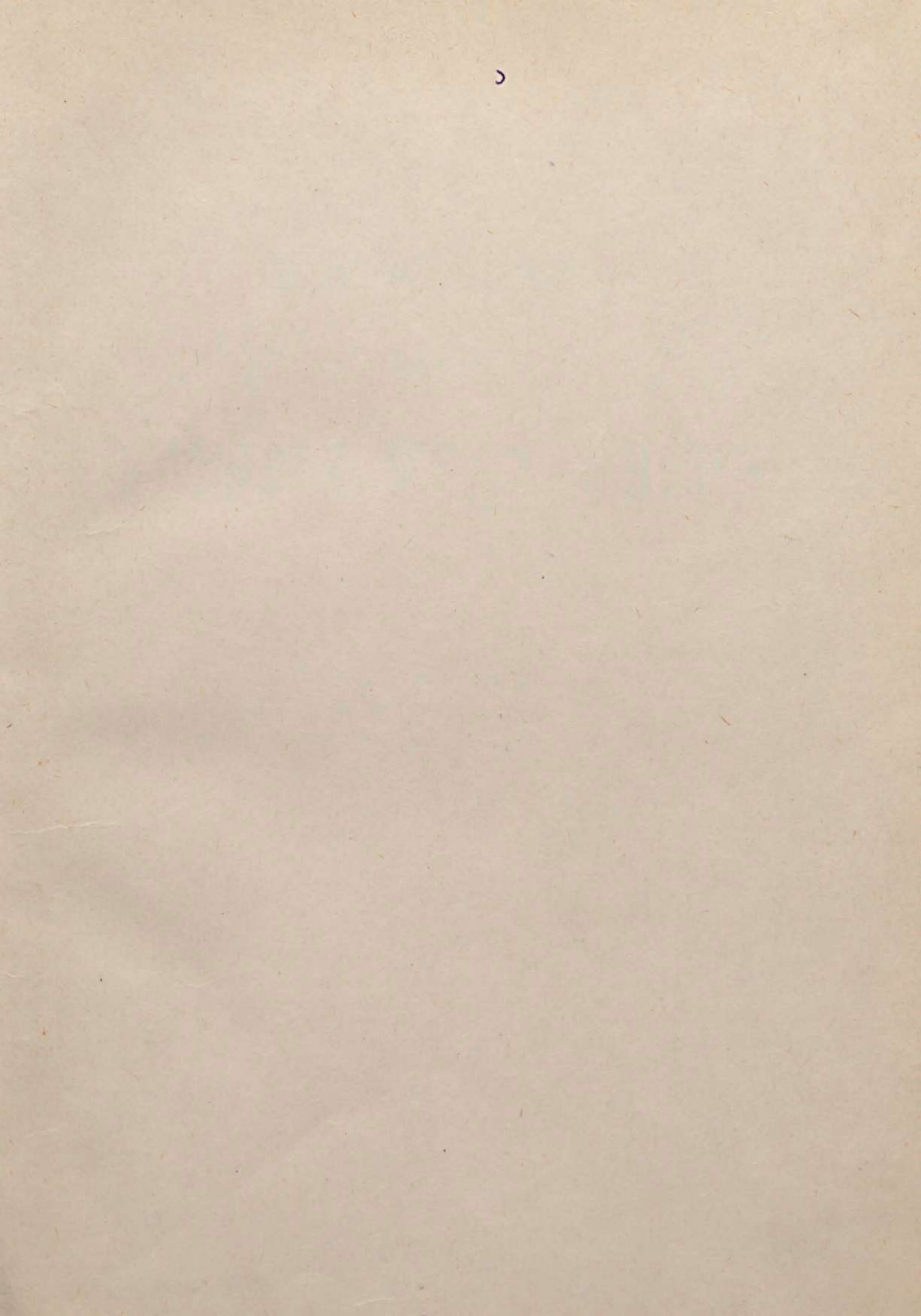
G 54/336

М. Лахтинъ,
Приватъ-Доцентъ Императорскаго Московскаго Университета.

5 J 0
54/336
Библіот. Гинекологическ. И. Т-Т.
ДОПОЛНЕНО

ЭТЮДЫ
по
ИСТОРІИ МЕДИЦИНЫ.

I. Врачи и врачебная дѣятельность въ прошломъ.
II. Исторія развитія госпитальнаго ухода.
III. Военно-медицинская организація въ прошломъ.

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульваръ.
1902.

М. Лахтинъ,
Приватъ-Доцентъ Императорскаго Московскаго Университета.

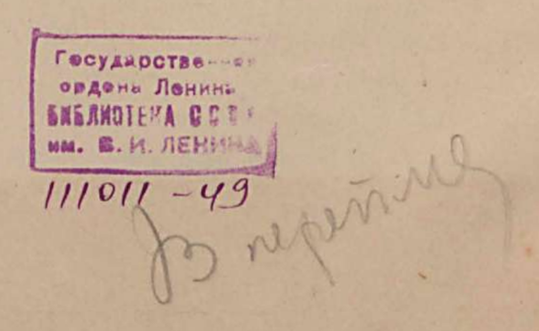
9 54/336

ЭТЮДЫ
по
ИСТОРІИ МЕДИЦИНЫ.

I. Врачи и врачебная дѣятельность въ прошломъ.
II. Исторія развитія госпитальнаго ухода.
III. Военно-медицинская организація въ прошломъ.

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульваръ.
1902.

Дозволено цензурою. Москва, 23 Октября 1901 года.

КНИГА ИМЕЕТ

Листов печатных	Выпуск	В перепл. един соедин. №№ вып.	Таблиц	Карт	Иллюстр.	Служебн. №№	№№ списка и порядковый	1965 г.
12				П			539/974	

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ виду крайней бѣдности русской медицинской литературы не только оригинальными, но и переводными работами по исторіи медицины, мы считаемъ необходимымъ въ предисловіи къ настоящему труду сказать нѣсколько словъ о той роли, какая принадлежитъ исторіи медицины въ общемъ циклѣ человѣческаго знанія.

Въ прежнія времена врачъ, изучая древнихъ писателей, думалъ изъ знакомства съ ними почерпнуть не только общія умазрѣнія въ области медицины, но и спеціальныя указанія для своей практической дѣятельности. Теперь эту задачу взяли на себя клиники и лабораторія. Современная же исторія медицины преслѣдуетъ совершенно иныя цѣли. Раскрывая передъ нами исторію человѣческихъ страданій и способовъ побороть ихъ, она знакомитъ насъ съ исторіей того долгаго пути, какимъ шло человѣчество отъ жизни, основанной на инстинктѣ, аффектѣ, обычаѣ и привычкѣ къ жизни освѣщенной и сознательной нравственностью и направляемой научнымъ пониманіемъ.

Въ полномъ соотвѣтствіи съ тою важною ролью, какую играетъ исторія медицины, находится одна присущая только ей одной особенность, именно, удовлетворяя, съ одной стороны, всѣмъ требованіямъ, предъявляемымъ ей какъ самостоятельной научной дисциплинѣ, т.-е. представляя обособленную область фактовъ, группирующихся такимъ образомъ, что до нѣкоторой степени является

возможность угадывать и послѣдующій ходъ развитія медицинскихъ знаній, она съ другой стороны представляетъ самую тѣсную связь присущей ей области фактовъ съ группами фактовъ другихъ научныхъ дисциплинъ. На развитіе медицинскихъ воззрѣній не безъ вліянія остались философія, церковь, научныя идеи и т. д., однимъ словомъ, всѣ стороны культуры.

Эта тѣсная связь исторіи медицины со всѣми другими сферами человѣческаго знанія уже сознана въ наукѣ. Доказывается это тѣмъ, что исторія медицины выдѣляется въ самостоятельную секцію одновременно какъ на съѣздахъ и конгрессахъ врачей и естествоиспытателей, такъ равно представителей соціальныхъ и историческихъ наукъ; другими словами, исторія медицины включается одновременно въ двѣ совершенно разнородныя группы научныхъ дисциплинъ, которыя издавна представлены въ университетахъ различными факультетами. Въ виду такой тѣсной связи исторіи медицины съ различными проявленіями человѣческаго духа, она въ состояніи болѣе, чѣмъ какая-либо другая область человѣческаго знанія, освѣтить переживаемую нами фазу развитія, удовлетворить тѣмъ запросамъ пытливой мысли, которые являются въ результатѣ всей совокупности нашихъ знаній о природѣ и человѣкѣ.

Итакъ, конечная цѣль исторіи медицины, понять всѣ когда-либо господствовавшія въ медицинѣ воззрѣнія, какъ нѣчто цѣлое и единое, и связать ихъ съ теоретическимъ пониманіемъ другихъ проявленій жизни.

Ближайшая цѣль исторіи медицины другая; она заключается въ томъ, чтобы познакомить насъ съ возникновеніемъ медицинской науки, выяснить насколько въ отдѣльныхъ теченіяхъ ея отразилось прошлое, насколько подготовлялось въ нихъ будущее, короче говоря, ближайшая

цѣль исторіи медицины выяснить законы эволюціи и трансформизмъ медицинскихъ знаній.

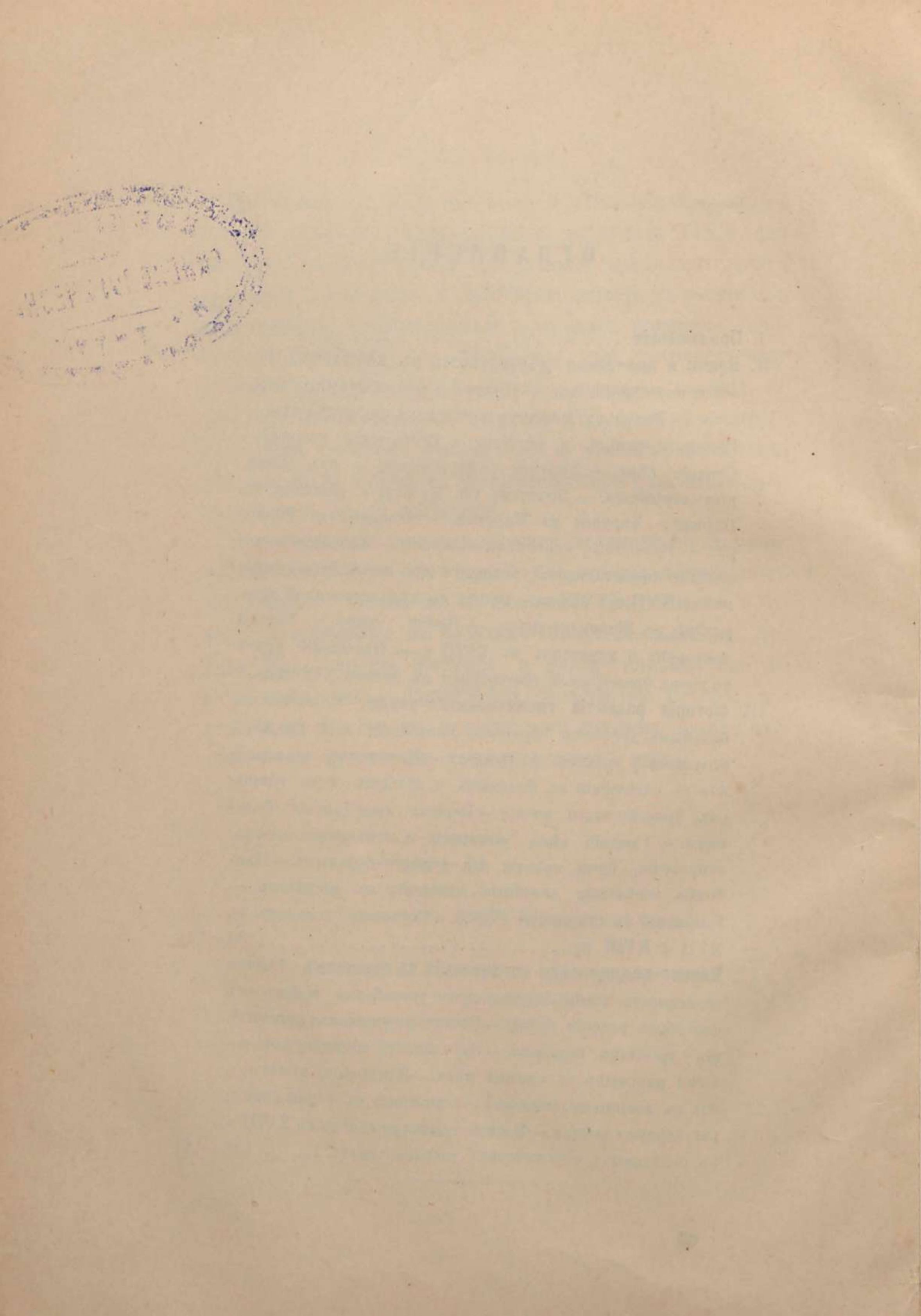
Настоящій трудъ имѣетъ своею цѣлью освѣтить главнымъ образомъ тѣ стороны врачебной дѣятельности въ прошломъ, гдѣ главнымъ лицомъ былъ хирургъ.—Онъ предназначенъ служить дополненіемъ къ «Большимъ операціямъ въ исторіи хирургіи», первая часть которыхъ вышла нѣсколько мѣсяцевъ назадъ.—Исторія хирургіи и исторія хирурговъ сплетены между собою такими тѣсными узами, что совмѣстное ихъ разсмотрѣніе является безусловно необходимымъ для правильнаго пониманія какъ той, такъ и другой.

Выступая съ трудомъ по исторіи хирургіи, едва ли можно обойти молчаніемъ исторію хирургіи Gurlt'a, «Geschichte der chirurgie und ihrer Ausübung». Трудъ этотъ является единственнымъ по количеству собраннаго матеріала и, вѣроятно, еще долгое время останется основнымъ руководствомъ по исторіи хирургіи. Но, несмотря на всю свою обширность, онъ далеко не исчерпываетъ всей исторіи хирургіи. Какъ видно уже изъ предисловія самого автора, онъ доведенъ только до второй половины XVII в., не содержитъ въ себѣ исторіи общихъ теоретическихъ воззрѣній, господствовавшихъ въ разное время въ хирургіи, совершенно не касается исторіи развитія хирургической помощи роженицамъ, и проч. Но самое главное то, что ученья отдѣльныхъ авторовъ у Gurlt'a не сравниваются и не сопоставляются, а приводятся лишь въ извлеченіи при строгомъ слѣдованіи хронологическому порядку. Такимъ образомъ, какъ ни велики заслуги Gurlt'a предъ медициной, исторія хирургіи въ его трудѣ далеко еще не сказала своего послѣдняго слова и потребуется совокупность совмѣстныхъ усилій еще многихъ ученыхъ, чтобы довести начатое имъ дѣло до его плодотворнаго конца.

Настоящее изслѣдованіе, какъ и «Большія операціи въ исторіи хирургіи», доведено мною до начала XIX в. Для хирургіи это было время, когда послѣ продолжительнаго увлеченія радикальными способами леченія въ ученіи объ оперативномъ вмѣшательствѣ водворился принципъ «cunctando restituere rem». Затишье это предшествовало новому увлеченію радикальными способами леченія, но уже при свѣтѣ великихъ открытій Пастера.—Для хирурговъ, какъ сословія, начало XIX в. ознаменовано тѣмъ, что они были допущены въ университеты и во всѣхъ правахъ сравнены съ докторами.

Наконецъ, что касается русской медицинской старины, то она составлена нами частью на основаніи печатныхъ источниковъ, частью же на основаніи документовъ и бумагъ, разсѣянныхъ въ тысячахъ томахъ Московскаго Архива Министерства Юстиціи и ранѣе никѣмъ еще не обнародованныхъ. Дальнѣйшая разработка исторіи медицины въ Россіи по рукописнымъ даннымъ будетъ сдѣлана нами предметомъ самостоятельнаго труда.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Врачи и врачебная дѣятельность
въ прошломъ.

Происхожденіе медицины. — Врачи у первобытныхъ народовъ. — Врачи въ древнихъ восточныхъ цивилизаціяхъ. — Врачи у грековъ и римлянъ. — Вестготскій законъ. — Средніе вѣка. — Хирурги и цирюльники и ихъ взаимныя отношенія. — Братство Св. Кузьмы и Демьяна въ Парижѣ.—Хирурги въ Марселѣ.—Медицина въ Германіи.—Врачебный персоналъ въ Англіи.—Соціальное положеніе представителей медицины въ переходное время между XVII и XVIII вв.— Врачи въ художественной литературѣ. — Женщины-врачи. — Врачи евреи. — Борьба докторовъ и хирурговъ въ XVIII в. — Положеніе врача во время французской революціи и въ началѣ XIX вѣка.

Для каждаго, кому приходится соприкасаться съ врачебною дѣятельностью, не лишеннымъ интереса является вопросъ о томъ, въ какихъ свойствахъ человѣческаго духа, въ какихъ потребностяхъ личной и общественной жизни кроются тѣ зачатки, изъ которыхъ съ теченіемъ времени путемъ дифференціаціи — говоря языкомъ эволюціонистовъ — развивается врачебная дѣятельность.— Отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ намъ дать только знакомство съ характеромъ врачеванія у тѣхъ отсталыхъ народовъ, которые называются «дикими».

Медицина, какъ стремленіе облегчить себѣ и другимъ страданіе, существуетъ почти у всѣхъ первобытныхъ племенъ, такъ какъ первобытный человѣкъ подверженъ въ

такой же степени болѣзнямъ, какъ и человѣкъ культурный. «Первобытный человѣкъ, говоритъ [1]) проф. Г. Г. Скориченко, велъ жалкое существованіе, переносилъ голодъ и холодъ, постоянно дрожалъ за свою жизнь, получалъ поврежденія на охотѣ и въ безпрерывныхъ войнахъ, страдалъ отъ тяжкихъ болѣзней». — Но мало того, даже на костяхъ животныхъ Делювіальнаго періода, т. е. того періода, когда не существовало еще человѣка, можно открыть слѣды рахита, каріеса, некроза, анкилизовъ, экзостозовъ и проч., т. е. такихъ болѣзней, которыя присущи также и человѣку. Такимъ образомъ слѣдуетъ признать, что нѣкоторыя болѣзни древнѣе человѣческаго рода; они предшествовали появленію человѣка изъ туманной неизвѣстности скотскаго существованія.

Очень распространено мнѣніе, что какъ медицина, такъ и другія науки, развились изъ религіозныхъ вѣрованій народовъ. Такъ, *Веберъ* говоритъ: «астрономія и медицина были вызваны къ жизни потребностями религіознаго богослуженія». — *Тибо* выражается нѣсколько опредѣленнѣе: «необходимость извѣстныхъ законовъ для назначенія правильныхъ сроковъ жертвоприношеній дала первый толчокъ астрономическимъ наблюденіямъ; побуждаемый этою необходимостью, жрецъ проводилъ ночи безъ сна, слѣдуя за движеніями луны, и день за днемъ отмѣчалъ приближеніе солнца то къ сѣверу, то къ югу. Жрецы изучали фонетическіе законы потому, что боги жестоко мстили за неправильное произношеніе хоть одной буквы священныхъ изреченій: грамматика и этимологія должны были помогать правильному пониманію свя-

---

[1]) Историческій очеркъ медицинскаго образованія въ Россіи до учрежденія Медико-хирургической Академіи въ 1798 г. С.-Петербургъ, 1798 г.

щенныхъ текстовъ». — По словамъ *Дотта*, «геометрія развилась въ Индіи изъ правилъ для построенія жертвенниковъ».

Не касаясь вопроса о происхожденіи другихъ наукъ, мы отмѣтимъ только, что такое подчиненное положеніе медицины по отношенію къ религіозному культу существуетъ далеко не всегда. Такъ, *Розенбергъ* говоритъ [1]) о жителяхъ Малайскаго архипелага слѣдующее: «жрецовъ у нихъ нѣтъ, но существуютъ знахари, которые совершаютъ разнаго рода волшебства и лечатъ болѣзни». — Подобныя же свидѣтельства разсѣяны въ сочиненіяхъ и очень многихъ другихъ путешественниковъ, историковъ, миссіонеровъ. Всѣ эти свидѣтельства убѣждаютъ насъ въ томъ, что у нѣкоторыхъ дикихъ племенъ классъ врачей по времени своего возникновенія предшествуетъ жреческому классу.

Спенсеръ и нѣкоторые другіе ученые, въ противоположность общераспространенному мнѣнію, полагаютъ, что такая послѣдовательность существуетъ всегда, т. е. что жреческой медицинѣ всегда предшествуетъ періодъ простого знахарства. Но и это мнѣніе должно быть признано одностороннимъ, такъ какъ существуетъ много первобытныхъ племенъ, у которыхъ нѣтъ яснаго различія не только между лицами, занимающимися врачеваніемъ и выполненіемъ религіозныхъ обрядовъ, но даже между лекарями - кудесниками и богами (нѣкоторыя австрійскія племена [2]). — Отсюда слѣдуетъ, что при настоящемъ состояніи нашихъ знаній нельзя о разсматриваемыхъ явле-

---

[1]) *Rosenberg von H.* Der malagische Archipel. Land und Leute. Leipzig, 1878.

[2]) *Лангъ.* Миѳологія. Москва, 1901.

ніяхъ сказать ничего общаго, что не было бы въ противорѣчіи съ нѣкоторыми частными случаями.

Тѣсная связь первобытной медицины съ первичной религіей объясняется тѣмъ, что и та, и другая порождаются однѣми и тѣми же потребностями человѣческаго духа, развиваются изъ однихъ и тѣхъ же источниковъ.

Стремленіе выйти изъ состоянія безпомощнаго невѣдѣнія, разгадать совершающіяся вокругъ явленія, найти ихъ внутренній смыслъ и прежде всего выяснить причины тѣхъ явленій, которыя входятъ въ сознаніе какъ источники страданій, боли, неудобствъ, присуще человѣческому уму на всѣхъ ступеняхъ его развитія. Но такъ какъ раціональное объясненіе возможно только на извѣстной высотѣ развитія познавательныхъ способностей и при наличности уже извѣстной суммы положительныхъ знаній, то первобытный умъ дикаря даетъ непонятнымъ ему явленіямъ супрараціоналистическое толкованіе, все равно совершаются ли эти явленія въ немъ самомъ или внѣ его.

Природа представляется дикарю сборищемъ одушевленныхъ личностей. «Дикарь, говоритъ *Лангъ* [1]), считаетъ всѣ предметы одушевленными и имѣющими индивидуальность, смотритъ на самого себя какъ на кровнаго родственника растеній, животныхъ и другихъ предметовъ одушевленныхъ или неодушевленныхъ. Онъ вѣритъ также, что многіе члены его племени обладаютъ способностью превращаться въ животныхъ, и что души его умершихъ родичей снова принимаютъ видъ животныхъ».—Въ силу подобнаго рода воззрѣній дикарь смотритъ на всѣ болѣзни, причина которыхъ отъ него скрыта, какъ на волшебство, или влія-

---

[1]) Op. cit., стр. 90.

nie злыхъ духовъ, тѣмъ или инымъ способомъ проникшихъ въ человѣческій организмъ.

Разъ внѣдрившись въ человѣка, злое существо пьетъ кровь, разъѣдаетъ внутренности и сердце, пожираетъ тѣло. — Выяснить этіологію болѣзни значить открыть причину гнѣва демона злобы.

Примѣровъ подобнаго взгляда на сущность болѣзненнаго процесса можно было бы привести очень много. Мы ограничимся только нѣсколькими.—У туземнаго населенія Сіама каждая болѣзнь имѣетъ своего демона. Одинъ изъ нихъ Phi-Du живетъ въ лѣсахъ и падаетъ, большею частью, съ листьевъ на проходящихъ людей. Этимъ путемъ возникаетъ malaria. Другой лѣсной демонъ Phi-Disat разставляетъ свои сѣти въ лѣсной чащѣ. Случайно попавшій въ нихъ подвергается очень тяжелому заболѣванію, передъ которымъ безсильно врачебное искуство (*Bartels*).—Туземцы Марокко приписываютъ холеру злому духу, который поражаетъ заранѣе намѣченныя имъ жертвы.—Жители острова Цейлона приписываютъ каждый отдѣльный симптомъ особому демону: у нихъ существуютъ, напримѣръ, демонъ слѣпоты, глухоты, судорогъ, односторонняго паралича, лихорадочнаго бреда, зубной боли и т. д. — Тѣ же вѣрованія существуютъ у монголовъ, самоѣдовъ, чувашей, у патагонцевъ Австраліи, на Короленскихъ и Маріанскихъ островахъ и во многихъ другихъ мѣстахъ.—Пріемы врачеванія у дикихъ народовъ находятся въ полномъ согласіи съ ихъ представленіемъ о сущности болѣзни и сводятся, слѣдовательно, къ тому, чтобы изгнать изъ больного поселившагося въ немъ духа злобы. Способовъ для этого существуетъ очень много.

Въ однихъ случаяхъ они стараются изгнать духа такъ сказать механическимъ путемъ, какъ удаляется изъ организма всякое инородное тѣло.—Жители Парагвая при

ранахъ съ нагноеніемъ стараются вмѣстѣ съ гноемъ высосать изъ раны поддерживающаго нагноеніе духа.—Въ Бразиліи Гуякуры къ высасыванію присоединяютъ еще окуриваніе. Послѣ высасыванія знахарь выплевываетъ злого духа въ особую предварительно вырытую яму, въ которую злой духъ затѣмъ поспѣшно зарывается[1]).—У краснокожаго населенія Аляски знахарь, по изгнаніи мнимаго виновника болѣзни, торжественно сжигаетъ его на кострѣ.—У африканскихъ племенъ подобнаго рода сцены составляютъ заурядное явленіе.—У колумбійскихъ индѣйцевъ знахарь старается выпихнуть злого духа, надавливая изо всей силы обоими сжатыми кулаками на желудокъ больного паціента.

Второй способъ демоноизгнанія состоитъ въ томъ, чтобы сдѣлать тѣло больного возможно менѣе привлекательнымъ жилищемъ для духа злобы и такимъ образомъ заставить его самого покинуть больного. Въ подобныхъ случаяхъ заклинатель старается испугать духа рѣзкимъ шумомъ, угрожающими жестами и гримасами, удушливыми запахами и т. п.—Суматранцы, желая изгнать злого духа изъ помѣшаннаго, запираютъ его въ хижинѣ, которую потомъ поджигаютъ со всѣхъ концовъ, предоставляя больному выбираться изъ нея, какъ онъ самъ знаетъ.—У калифорнійскихъ племенъ знахарь присѣдаетъ противъ больного на четвереньки и лаетъ на него на манеръ бѣшеной собаки въ продолженіе цѣлыхъ часовъ *(Спенсеръ)*.—Индусы, чтобы устранить духа злобы и заставить его покинуть больного, пляшутъ вокругъ послѣдняго, неистово кричатъ, стрѣляютъ изъ ружей.—Индійцы прерій устраиваютъ около больного настоящую оргію (*S. L. Lebbock*).—Въ Зендъ-Авестѣ всякое мѣсячное очищеніе, для-

---

[1]) S. L. Lebbock, Origine des Civilisations.

щееся болѣе 10 дней, считалось дѣломъ нечистой силы, для изгнанія которой женщину били до крови.—Абиссинцы, заимствовавшіе послѣднее время такъ много у европейской культуры, представляютъ въ этомъ отношеніи также не мало интереснаго. Такъ, напримѣръ, они безпощадно бьютъ эпилептиковъ, думая этимъ путемъ вернуть имъ здоровье. Важно отмѣтить, что все туземное населеніе Абиссиніи, представляетъ собою ревностныхъ приверженцевъ христіанства.—Бедуины Синайскаго полуострова также выколачиваютъ, выкуриваютъ, выдавливаютъ изъ больного духа злобы. (Dr. *Joh. Walther*).—Съ цѣлью облегчить демону выходъ изъ больного, заклинатели производятъ иногда въ тѣлѣ больного искуственныя отверстія.

Далѣе очень распространенъ обычай умилостивленія поселившагося въ больномъ духа путемъ мольбы, жертвоприношеній и т. п. Китайцы, которые, какъ извѣстно, отличаются большимъ суевѣріемъ и всюду видятъ колдовство, приписываютъ самыя незначительныя разстройства здоровья, зубную боль, лихорадку и проч., особымъ демонамъ и стараются умилостивить ихъ различными церемоніями[1]).—Новогвинейцы, у которыхъ нѣтъ даже въ зародышѣ врачебнаго сословія, такъ какъ у нихъ не существуетъ даже знахарей, умилостивляютъ злыхъ духовъ различными приношеніями, поступая по отношенію къ нимъ такъ-же, какъ и по отношенію къ болѣе сильному непріятелю.

Наконецъ, не менѣе распространенъ обычай изгнанія одного духа при помощи другого, болѣе сильнаго. Этотъ способъ бѣсоизгнанія можетъ быть прослѣженъ черезъ всѣ періоды цивилизаціи до самаго настоящаго времени.

---

[1]) Хюкъ, Путешествіе по Тибету. Т. II, стр. 140.

У древнихъ египтянъ лучшимъ способомъ для изгнанія наиболѣе закоренѣлыхъ и упрямыхъ духовъ считался тотъ, при которомъ дѣлались попытки убѣдить ихъ въ томъ, что ихъ жертва находится подъ покровительствомъ какого нибудь сильнаго божества, такъ что, продолжая упорствовать въ своихъ злыхъ умыслахъ, они могутъ сами подвергнуться серьезной опастности. Если злой духъ продолжалъ упорствовать, то заклинатель заявлялъ ему, что каждый членъ больного есть самъ отдѣльный богъ. «Его верхняя губа—богиня Изида, нижняя—богиня Нефтисъ, шея—богиня, зубы—мечи, тѣло—Озирисъ, руки—божественныя души, пальцы—синія змѣи, ужи, дѣти богини Селкитъ, бока—два амоновыхъ пера, спина—поясница Сибо, животъ—Ну» и т. д. однимъ словомъ, онъ грозный, ужасный богъ, которому все доступно[1]).—Нѣкоторыя подобныя заклинанія были умышленно разсчитаны на неясность, чтобы, устрашая злого духа, не прогнѣвить въ то же время того бога, именемъ котораго назывался больной.

Профилактическія мѣропріятія у первобытныхъ народовъ такъ же примитивны, какъ и ихъ терапія и вполнѣ опредѣляются третированьемъ больныхъ, какъ одержимыхъ. Отсюда вѣра въ предохранительную силу амулетовъ, талисмановъ и проч. Нѣкоторыя племена центральной Африки, по свидѣтельству Швейнфурта[2]), носятъ ихъ цѣлыми дюжинами, отъ каждой болѣзни есть у нихъ свой талисманъ.—Тоже существовало и у древнихъ халдеянъ. Чтобы внушить страхъ демонамъ болѣзни, они помѣщали надъ входными дверями своихъ домовъ изображеніе какого-нибудь божества или добраго генія, въ видѣ льва

---

[1]) Масперо, Древній Египетъ. Москва, 1901.

[2]) Schweinfurth, In Herzen von Afrika. 1874, 2 vol.

или быка, пожирающаго злого духа.[1]) —Такой обычай и понынѣ существуетъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Италіи. На Молдавскихъ островахъ туземцы каждый вечеръ устраиваютъ около своихъ хижинъ настоящія баррикады, чтобы оградить себя отъ злыхъ духовъ, населяющихъ темноту (*Bouchinet*).

Связь медицины съ религіей сохранилась и на послѣдующихъ ступеняхъ культурнаго развитія. Она выражалась въ томъ, что долгое время медицина ютилась въ храмахъ, исцѣленіе совершалось черезъ чудесное вмѣшательство, способомъ выраженія служили оракулы, символы, миѳы, присоединеніе къ медицинскому званію совершалось путемъ посвященія, врачами являлись жрецы.

Но есть одна группа болѣзненныхъ состояній, происхожденіе которыхъ очевидно даже для дикаря и которыя потому не относятся имъ къ явленіямъ сверхъестественнымъ. Это травматическія повржденія. Тутъ о дѣйствіи чего-либо невѣдомаго, таинственнаго не возникаетъ и мысли, а потому болѣзни эти стоятъ особнякомъ, ничѣмъ не связаны съ религіозными вѣрованіями и лечатся особыми лекарями, стоящими очень далеко отъ жреческой касты.

Итакъ, обобщеніе, что всѣ люди подвержены страданію и должны умереть далось человѣку не сразу.

Въ періодъ дикости человѣкъ считаетъ болѣзни и смерть результатомъ насилія. Если подѣйствовавшая причина очевидна, болѣзнь считается естественною, въ противномъ случаѣ она приписывается насилію злыхъ духовъ. Своимъ силамъ дикарь не довѣряетъ, онъ идетъ къ болѣе могущественному посреднику, который, по его мнѣнію, обладаетъ сверхъестественными средствами, который

[1]) Lenormant, La magie chez les Chaldèens. Paris.

способенъ вступать въ непосредственное общеніе съ міромъ духовъ, все равно будутъ ли это боги, демоны или тѣни предковъ, который въ состояніи угадывать ихъ намѣренія, смягчать ихъ гнѣвъ и даже изгонять ихъ, т. е. не только подвергаться вліянію божества, но и самому влiять на него. А такъ какъ и жрецъ, по общему вѣрованію, является такимъ «сверхчеловѣкомъ», то рано или поздно представленія о жрецѣ и врачѣ ассоціируются въ сознаніи дикаря.

Не менѣе важнымъ, чѣмъ вопросъ о происхожденіи медицины, является вопросъ о тѣхъ чувствахъ, которыя связываютъ у первобытныхъ племенъ врачующаго и больного.

«Первымъ стремленіемъ медицины, говоритъ *Клодъ Бернаръ*, является желаніе помочь своему ближнему, облегчить его страданіе...» Мнѣніе это чрезвычайно распространено, но оно далеко не вѣрно. Первобытный человѣкъ поставленъ въ самыя тяжелыя условія борьбы за существованіе, онъ напрягаетъ всѣ свои силы для удовлетворенія тѣхъ примитивныхъ потребностей, которыя являются conditio sine qua non самой жизни, и идея самопожертвованія ради другихъ ему совершенно чужда. —«У многихъ дикихъ народовъ люди убиваются и увѣчатся по самымъ незначительнымъ, ничтожнымъ поводамъ. Старики, достигши преклонныхъ лѣтъ, какъ извѣстно, у многихъ племенъ, по обычаю, умерщвляются часто ихъ собственными дѣтьми, а новорожденныя дѣти иногда ихъ собственными родителями. Главной заботой и мотивомъ является здѣсь, по большей части, удовлетвореніе лишь насущной потребности въ продовольствіи» [1]).

---

[1]) Проф. И. И. Янжулъ, Изъ психологіи народовъ. Одесса, 1895.

Болѣзнь вызываетъ въ дикарѣ лишь чувство страха, частью самыми своими проявленіями, частью какъ предвѣстникъ другого еще болѣе грознаго и еще менѣе понятнаго явленія—смерти.—У Абиссинцевъ больные изгоняются изъ селеній и городовъ и живутъ милостыней (*Baas*).—*Бокале*, полукочевой народъ, живущій по берегамъ Конго, подобно Абиссинцамъ, выгоняютъ больныхъ изъ своихъ поселковъ, мало того они избѣгаютъ даже той мѣстности, гдѣ находится больной и послѣдній умираетъ всѣми оставленный, одинокій. Если названное племя иногда и обращается къ врачамъ, то только затѣмъ, чтобы открыть виновника болѣзни и отомстить ему.

Подобныя же отношенія къ больнымъ существуютъ на островахъ Маркензасъ. Иногда подозрѣніе падаетъ на сосѣднее племя и тогда возгорается война.—Въ цитированномъ уже трудѣ *Швейнфурта* разсказанъ слѣдующій случай. Въ трюмѣ корабля, на которомъ онъ ѣхалъ, находилась старуха негритянка, больная дизентеріей. Вслѣдствіе сильныхъ приступовъ болей несчастная женщина корчилась и громко стонала. Но ни въ комъ изъ присутствовавшихъ негровъ больная не вызывала состраданія, никто не выражалъ желанія помочь ей. Напротивъ того, всѣ видѣли въ ней одержимую духомъ злобы, колдунью, присутствіе которой угрожало опасностью всему экипажу. Кончилось дѣло тѣмъ, что несчастная больная была выкинута живою за бортъ.—У водайцевъ и дарфуровъ, представляющихъ собою населеніе, происшедшее отъ смѣшенія негровъ, нубійцевъ и арабовъ, эпилептики просто-на-просто убиваются (*Nachtigal*).

Такимъ образомъ, отношеніе дикихъ племенъ къ больнымъ характеризуется своею жестокостью, что̀, какъ мы видѣли, обусловливается съ одной стороны тѣми условіями, въ которыхъ протекаетъ ихъ жизнь, съ другой стороны

взглядомъ на болѣзнь, какъ на одержимость духами злобы. Альтруистическою медицина становится лишь на извѣстной высотѣ культурнаго развитія.

Съ самаго начала лекарь-жрецъ бываетъ поставленъ въ очень выгодныя условія для пріобрѣтенія и накопленія знанія. Онъ не принимаетъ участія въ повседневныхъ трудахъ своего племени, а живетъ дарами и приношеніями другихъ. Далѣе мысль врача-дикаря работаетъ постоянно въ той сферѣ, которая лежитъ на рубежѣ уже познаннаго и того, что остается еще неразгаданнымъ, т. е. въ той области, которая всегда составляла достояніе философіи. Это должно было выработать особый складъ ума, развить привычку разсуждать о природѣ вещей и, въ свою очередь, поднять авторитетъ врача въ глазахъ его единоплеменниковъ.

Взглядомъ на первобытнаго лекаря какъ на сверхъчеловѣка обусловливается занимаемое имъ высокое общественное положеніе [1]). Индійскія племена Дакота оказываютъ врачамъ большое уваженіе; если врачу приходится куда-либо ѣхать, они отдаютъ ему лучшія свои одежды, приносятъ ему лучшія кушанья. — Въ Австраліи въ окрестностяхъ Викторіи врачи являются наиболѣе вліятельными лицами племени, ими производится, напр., раздѣлъ земли.—У нѣкоторыхъ племенъ южной Австраліи врачи созываютъ народныя собранія.

Но нерѣдко чувства, внушаемыя врачомъ, должны быть отнесены скорѣе къ суевѣрному страху, чѣмъ къ уваженію.

---

[1]) *Woberer*. H. v. Serpa Pinto's Wanderung quer durch Afrika vom Atlantischen zum Indischen Ocean durch bisher grösstentheils gänzlich unbekannte Länder, die Entdeckung der grossen Nebenflüsse des Zambesi nach des Reisenden eigenen Schilderungen frei übersetzt. Leipzig, 1881.

Такъ, по словамъ миссіонера *Johl*'я [1]), у кафровъ часто ходятъ слухи про докторовъ, будто они ѣздятъ по ночамъ на павіанахъ, околдовываютъ людей и проч.

Рис. 1.

Этому не мало содѣйствуютъ тѣ способы и пріемы, которые употребляются кудесниками и знахарями съ цѣлью импонировать воображенію больныхъ. Приводимый рисунокъ показываетъ нарядъ, который носятъ у нѣкоторыхъ индійскихъ племенъ первобытные служители Эскулапа (рис. 1). — Суевѣрный страхъ нерѣдко имѣетъ своимъ послѣдствіемъ крайне жестокую расправу съ врачами.

---

[1]) *Johl*. Emdiseni-Petersberg., Kafferland Berliner Missionsberichte. 1884.

Даже у турокъ не такъ еще давно врачей сажали на колъ, и дѣлалось это при жизни ихъ паціентовъ только ради того, чтобы дать другимъ полезный примѣръ. — У нѣкоторыхъ первобытныхъ племенъ врачъ въ случаѣ смерти больного теряетъ право на гонораръ, а иногда на него налагается даже штрафъ (*Polak*). — У нѣкоторыхъ же племенъ американскихъ индѣйцевъ родственники умершаго мстятъ лекарю-кудеснику смертью. Въ виду этого врачи нерѣдко содержатъ около больного цѣлый штатъ шпіоновъ и при первой же опасности спасаются бѣгствомъ. — Туземцы Новой Калифорніи идутъ еще дальше: они приписываютъ врачамъ смерть даже такихъ больныхъ, которые никогда не обращались къ нимъ за помощью и, чтобы отомстить за умершаго родственника, убиваютъ перваго встрѣтившагося врача. Вслѣдствіе этого лекаря нерѣдко бываютъ вынуждены вести кочевой образъ жизни.

Такимъ образомъ занятіе медициной у первобытныхъ народовъ составляетъ одну изъ очень опасныхъ профессій.

Но жестокая расправа, которой подчасъ подвергается лекарь, не говоритъ противъ высокаго положенія, занимаемаго имъ въ общественномъ сознаніи дикарей. Мы встрѣчаемъ такое же отношеніе и къ лицамъ, составляющимъ несравненно болѣе высокій предметъ почитанія и притомъ у народовъ, стоящихъ на высотѣ современной цивилизаціи. Очень интересныя въ этомъ отношеніи данныя мы находимъ въ воспоминаніяхъ дѣтства *Ренана*. «Мнѣ сказывали, говоритъ *Ренанъ*, какимъ образомъ въ дѣтствѣ мой отецъ избавился отъ лихорадки. Рано утромъ его привели въ часовню цѣлителя святого. Туда же пришелъ кузнецъ со всѣми аттрибутами своего ремесла: онъ развелъ въ жаровнѣ огонь, накалилъ до-красна клещи

и, поднеся ихъ къ изображенію святого, сказалъ: если ты не исцѣлишь этого ребенка, то я подкую тебя какъ лошадь». Въ средніе вѣка во время обряда отлученія, статуи святыхъ, Богоматери, распятіе и даже мощи волочили по землѣ вокругъ церкви и подвергали ихъ побоямъ, думая возбудить ихъ этимъ образомъ противъ виновнаго. Наконецъ, даже въ современной Франціи во многихъ городахъ департаментовъ устьевъ Роны, Ліонскомъ и даже въ самомъ Парижѣ въ нѣкоторыхъ монастыряхъ существуетъ обычай ставить изображеніе святыхъ лицомъ къ стѣнѣ и даже подвергать побоямъ, если они не исполняютъ просимаго [1]).

Изъ вышесказаннаго явствуетъ, что даже въ современной культурѣ въ силу закона «переживанія» сохранились нѣкоторыя нелѣпыя представленія и понятія, свойственныя первобытнымъ дикарямъ. Къ такимъ понятіямъ, точнѣе къ фетишизму, относится и жестокая расправа съ лекаремъ-кудесникомъ, если ему не удалось излечить больного, т. е. и въ этомъ случаѣ дикарь думаетъ путемъ насилія заставить высшія силы дѣйствовать въ его интересахъ. Подобное преслѣдованіе не умаляетъ роли врача и даже, напротивъ, можетъ служить къ ея возвышенію. «Опасность, съ которою связана врачебная дѣятельность у дикарей, говоритъ *Alvord* [2]), окружаетъ врача ореоломъ могущества и привлекаетъ къ этой профессіи лишь наиболѣе даровитыхъ людей».

Итакъ, въ началѣ роль врача исполнялъ человѣкъ, который, по мнѣнію всѣхъ, имѣлъ власть надъ демонами,

---

[1]) Bérenger-Ferand L. J. B. Supertitions et survivances etudiées au point de vue de leur origime et de leurs transformations. Paris, 1896.

[2]) Schoolcraft, Henry. Historical and statistical Information respecting the History, etc. Philadelphia. 1851—1855.

могъ различными средствами изгонять производящихъ болѣзнь духовъ; лекарства, назначаемыя имъ, считались чудодѣйственными. Никакіе аргументы, никакой подборъ очевидныхъ фактовъ не могъ измѣнить этого взгляда. Но измѣнился типъ мышленія, измѣнились свойства культуры, и люди стали понимать, что лекарства врача-кудесника дѣйствуютъ совершенно естественно, и тогда дѣятельность его потеряла свой мистическій характеръ.

Исторія медицины у цивилизованныхъ народовъ восходитъ до временъ, окутанныхъ сплошнымъ миѳологическимъ туманомъ.

У индусовъ въ ведійскомъ періодѣ представителями врачебнаго искусства на небѣ были оба Асвина. Они назывались врачами боговъ и людей, а въ посвященныхъ имъ гимнахъ приводится цѣлый рядъ случаевъ чудеснаго исцѣленія.

Въ браминскомъ періодѣ творцомъ всѣхъ медицинскихъ знаній считался самъ Брама. — Нравственная высота большей части ведическихъ гимновъ необычайна [1]). Алканіе правды въ нихъ можетъ быть сравниваемо развѣ только съ возвышенными стремленіями еврейскаго псалмопѣвца.

Въ полномъ соотвѣтствіи съ общимъ характеромъ гимновъ находятся и тѣ этическія требованія, которыя предъявляются въ нихъ врачу. Молодымъ врачамъ дается совѣтъ относиться одинаково внимательно какъ къ бѣднымъ, такъ и богатымъ, не являться къ молодой женщинѣ въ отсутствіи ея мужа, если послѣдній не далъ на то своего согласія, брать съ больныхъ не больше того, сколько

[1]) M. Müller, Origines et développement de la religion, étudiés à la lumière des religions de l'Inde. Traduc. franc. Paris, 1879. P. 250.

нужно для ихъ пропитанія, не являться къ больнымъ безъ зова и проч., однимъ словомъ, врачъ долженъ быть скроменъ, человѣколюбивъ, безкорыстенъ. «Можно бояться отца, матери, друзей, учителя, но не должно чувствовать страха передъ врачемъ, послѣдній долженъ быть добрѣе и внимательнѣе къ больному, нежели отецъ, мать, друзья и наставникъ [1])». Насколько почетнымъ было положеніе врача всего лучше явствуетъ изъ сказанія, что «ученый врачъ» былъ одною изъ четырнадцати драгоцѣнностей, созданныхъ богами изъ смѣшенія земли и моря. Обученіе медицинѣ происходило въ возрастѣ 12—18 лѣтъ, при чемъ каждый наставникъ могъ имѣть не болѣе 3—4 учениковъ. Знаніе хирургіи считалось въ такой же степени необходимымъ, какъ и внутренней медицины. «Врачъ, несвѣдущій въ операціяхъ, приходитъ у постели больного въ замѣшательство подобно трусливому солдату, впервые попавшему въ сраженіе. Врачъ же, умѣющій только оперировать и необладающій теоретическими свѣдѣніями, не заслуживаетъ уваженія; онъ можетъ подвергать опасности жизнь даже царя. Каждый изъ нихъ владѣетъ только половиной своего искусства и похожъ на птицу съ однимъ крыломъ [2])».

У египтянъ богомъ медицины считался мемфійскій богъ Имгопту, сынъ Фта. Очень высоко чтился въ Египтѣ также Thot, сынъ царя Менеса (3900 до Р. Х.). Онъ считался творцомъ такъ-называемыхъ «Герметическихъ книгъ», составлявшихъ основаніе всей египетской мудрости. Шесть послѣднихъ изъ этихъ книгъ, такъ-называемыя

[1]) Wise A, Review of the history of medicine. London and Calcutta. 1867. I. 70.

[2]) Sucruta, Agurveda. Trad. Liétard, c. 1, p. 10.

«Embre», посвящены медицинѣ. Сохранившіеся обрывки этихъ книгъ служатъ главнымъ источникомъ нашихъ свѣдѣній о древне-египетской медицинѣ [1]). Египетскіе врачи принадлежали къ коллегіи жрецовъ, знанія по медицинѣ пріобрѣтались ими въ жреческихъ школахъ. Врачи должны были строго слѣдовать правиламъ, изложеннымъ въ священныхъ книгахъ. Отступленіе отъ этихъ правилъ наказывалось смертью даже тогда, когда оно вело къ выздоровленію больного, напротивъ того, смерть въ результатѣ леченія по всѣмъ правиламъ «Эмбры» не вмѣнялась врачу въ вину.

Всѣ врачи раздѣлялись на двѣ группы: представители первой группы имѣли право изучать 36 первыхъ «герметическихъ» книгъ, представители второй группы только шесть послѣднихъ. Кромѣ врачей изъ касты жрецовъ существовали еще особые военные врачи, сопровождавшіе войско и лечившіе воиновъ въ особыхъ лазаретахъ. Гонорара врачи не получали, а жили они частью на счетъ особаго установленнаго въ ихъ пользу государственнаго сбора, частью же на доходы, получаемые храмами. Очень распространенъ былъ обычай въ благодарность за излеченіе приносить въ даръ храмамъ вылитыя изъ золота или серебра изображенія больныхъ членовъ. Эти изображенія жрецы нерѣдко продавали другимъ больнымъ, которые въ свою очередь снова жертвовали ихъ богамъ.—Хирургія въ древнемъ Египтѣ стояла много выше внутренней медицины. Долгое время египетскіе хирурги считались лучшими на всемъ востокѣ. Но уже въ VI в. (522) до Р. Х. греческіе хирурги превзошли египетскихъ. По крайней мѣрѣ греческій врачъ Демокедъ Кротонскій, попавшій послѣ пораженія Поликрата Самосскаго къ пер-

---

[1]) Ковнеръ, Исторія медицины. Кіевъ, 1878. Часть I, стр. 15.

сидскому двору, излечилъ у Дарія, сына Гистаспа, вывихъ стопы, а у жены его злокачественную опухоль груди, въ борьбѣ съ которыми египетскіе хирурги оказались безсильными [1]).

Медицина евреевъ послѣ переселенія ихъ въ Палестину распадается на два періода: древне-еврейскій и талмудійскій. Медицина второго періода заимствована у грековъ и арабовъ, лишь медицина перваго періода самобытна, а потому мы и остановимся только на древне-еврейской медицинѣ. Болѣзни въ этомъ періодѣ разсматривались какъ наказаніе, посылаемое Іеговой, за отступленіе отъ данныхъ еврейскому народу заповѣдей; Іегова признавался также и единственнымъ цѣлителемъ, когда проступокъ былъ искупленъ молитвою, жертвоприношеніемъ или обѣтомъ. Десница Его была всегда простерта, чтобы карать или миловать:

21) пошлетъ Господь на тебя моровую язву, доколѣ не истребитъ Онъ тебя съ земли, въ которую ты идешь, чтобы владѣть ею [2]);

22) поразитъ тебя Господь чахлостью, горячкою, лихорадкою, воспаленіемъ, засухою, палящимъ вѣтромъ и ржавчиною, и они будутъ преслѣдовать тебя, доколѣ не погибнешь;

27) поразитъ тебя Господь проказою египетскою, почечуемъ, коростою и чесоткою, отъ которыхъ ты не возможешь исцѣлиться;

28) поразитъ тебя Господь сумасшествіемъ, слѣпотою и оцѣпенѣніемъ сердца [3]).

---

[1]) Biographisches Lexikon der hervorragenden Aerzte etc. 1885, Wien und Leipzig. Zweites Band, p. 150.

[2]) Второзаконіе, гл. 28.

[3]) Ibid.

Не было чуждо древнимъ евреямъ и ученіе о демоно-одержимости. 8) Онъ отвѣчалъ (ангелъ): если кого мучитъ демонъ или злой духъ, то сердцемъ или печенью должно курить предъ такимъ мужчиною или женщиною, и болѣе уже не будетъ мучиться [1]).

Нѣкоторые историки, опираясь на стихъ 26 главы XV второй книги Моисея, «Я Господь, цѣлитель твой», высказали мнѣніе, что у евреевъ медицина была исключительно жреческою (*Ковнеръ* и др.). Но такое толкованіе приведеннаго выше текста совершенно противорѣчитъ воззрѣніямъ евреевъ на болѣзни. Если болѣзни являются результатомъ гнѣва Господня, то человѣческое ли дѣло становиться между божественнымъ правосудіемъ и виновнымъ? А забота о больномъ, стремленіе облегчить его страданія не есть ли собственно открытый протестъ противъ божественной премудрости? И дѣйствительно, въ Библіи мы находимъ несомнѣнныя свидѣтельства, указывающія на то, что врачи не только не принадлежали къ жреческой кастѣ, но стояли къ ней въ нѣкоторомъ даже антагонизмѣ. — Аса, сынъ Овіи, третій царь Іудейскій, заболѣвъ на 39 г. своего царствованія, слѣдовательно приблизительно за 905 л. до Р. Хр., какою-то болѣзнію ногъ, которая нѣкоторыми изслѣдователями опредѣляется какъ подагра, «взыскалъ не Господа, а врачей» [2]). — То обстоятельство, что Аса обратился къ врачамъ только послѣ того, какъ отступился отъ Бога, служитъ лучшимъ доказательствомъ тому, что еврейскіе врачи не имѣли ничего общаго съ жрецами.

Такимъ образомъ занятіе медициной шло въ разрѣзъ съ требованіями закона Моисеева и, если тѣмъ не ме-

---

[1]) Книга Товита, гл. 6.

[2]) Вторая книга Паралипоменонъ, гл. 16, ст. 12.

нѣе у евреевъ существовали врачи, то создались они вопреки закону Моисееву и внѣ всякой связи съ жреческою кастою.—Только въ случаѣ травматическихъ поврежденій законъ Моисеевъ признавалъ, повидимому, необходимость помощи со стороны врача.

«Когда ссорятся (двое), и одинъ человѣкъ ударитъ другого камнемъ, или кулакомъ, и тотъ не умретъ, но сляжетъ въ постель, то если онъ встанетъ и будетъ выходить изъ дому съ помощью палки, ударившій (его) не будетъ повиненъ смерти; только пусть заплатитъ за остановку въ его работѣ и дастъ на *леченіе его* [1]).

Отношеніе къ врачамъ и медицинѣ измѣнилось только въ позднѣйшіе періоды еврейской исторіи, вѣроятно, подъ вліяніемъ сближенія съ египетской культурой. Въ это время медициной стали заниматься также и левиты, какъ это явствуетъ изъ книги Іова. Еще лучшимъ подтвержденіемъ сказанному служитъ книга премудростей сына Сирахова, написанная, какъ слѣдуетъ думать, всего за два съ небольшимъ вѣка до Р. Х., такъ какъ въ ней воздается хвала Симону, сыну Оніину, бывшему первосвященникомъ въ 219 г. до Р. Х.

1) Почитай врача честью по надобности въ немъ, ибо Господь создалъ его,

2) и отъ Вышняго — врачеваніе, и отъ царя получаетъ онъ даръ.

3) Знаніе врача возвыситъ его голову, и между вельможами онъ будетъ въ почетѣ.

4) Господь создалъ изъ земли врачебства и благоразумный человѣкъ не будетъ пренебрегать ими [2]).

---

[1]) Исходъ, гл. 21, ст. 18, 19.

[2]) Книга премудростей Іисуса сына Сирахова, гл. 38.

9) Сынъ мой! въ болѣзни твоей не будь небреженъ, помолись Господу, и Онъ исцѣлитъ тебя,

12) и дай мѣсто врачу, ибо и его создалъ Господь, и да не удаляется онъ отъ тебя, ибо онъ нуженъ.

13) Въ иное время и въ ихъ рукахъ бываетъ успѣхъ.

14) Ибо и они молятся Господу, чтобы онъ помогъ имъ подать больному облегченіе и исцѣленіе къ продолженію жизни.

Помимо леченія больныхъ еврейскіе врачи занимались еще и бальзамированіемъ труповъ.

2) И повелѣлъ Іосифъ слугамъ своимъ—врачамъ, бальзамировать отца его; и врачи набальзамировали Израиля [1]).

Среди древне-еврейскихъ врачей существовали представители отдѣльныхъ спеціальностей. Слѣдующее свидѣтельство касается повитухъ:

15) Царь Египетскій повелѣлъ *повивальнымъ бабкамъ* Евреянокъ, изъ коихъ одной имя Шифра, а другой Фуа,

16) и сказалъ (имъ): когда вы будете повивать у Евреянокъ, то наблюдайте при родахъ: если будетъ сынъ, то умерщвляйте его, а если дочь, то пусть живетъ [2]).

17) Когда же она (Рахиль) страдала въ родахъ, *повивальная бабка* сказала ей: не бойся, ибо и это тебѣ сынъ [3]).

27) Во время родовъ ея (Ѳамари) оказалось, что близнецы въ утробѣ ея.

28) И во время родовъ ея показалась рука; и взяла *повивальная бабка* и навязала ему на руку красную нить, сказавши: этотъ вышелъ первый [4]).

Бо́льшій интересъ представляютъ для насъ слова пророка Исаіи: «А онъ скажетъ не могу *исцѣлить ранъ*

[1]) Бытіе L.

[2]) Исходъ, гл. I.

[3]) Бытіе, гл. 35.

[4]) Ibid., гл. 38.

общества» [1]). Слова эти позволяютъ думать, что у древнихъ евреевъ существовали особые цѣлители ранъ, т. е. хирурги.

Полную противоположность евреямъ составляютъ греки, у которыхъ медицина въ древнѣйшія времена была жреческою. Исключеніе составляли только травматическія поврежденія, которыя, по свидѣтельству Гомера, лечились какъ и у первобытныхъ племенъ, особыми врачами.

Есть полное основаніе думать, что на одинаковыхъ основаніяхъ съ жрецами занимались медициной и жрицы. По крайней мѣрѣ къ Пиѳіи народъ стекался также и за врачебными совѣтами. Въ пользу высказаннаго мнѣнія говоритъ также и общее положеніе греческой женщины, какимъ оно рисуется въ произведеніяхъ поэтовъ. Андромаха и Пенелопа играютъ не менѣе видную роль въ общественной жизни своей родины, чѣмъ Гекторъ и Улиссъ. Права мужчины всюду равны правамъ женщины. Гдѣ мужчина является властелиномъ, тамъ женщина властительницей [2]).

Взглядъ на медицину, какъ на часть религіознаго культа держался въ теченіе долгихъ періодовъ и все это время медицина оставалась въ младенческомъ состояніи. Первымъ пробужденіемъ медицины къ жизни послѣ многовѣковаго застоя былъ выходъ ея изъ святилища, гимназіи и школы философовъ замѣнили коллегіи жрецовъ.

Въ гимназіяхъ, имѣвшихъ своимъ назначеніемъ формированіе солдатъ и атлетовъ, должно было естественнымъ образомъ возникнуть также преподаваніе и гигіени-

---

[1]) Книга пророка Исаіи, гл. 3, ст. 7.

[2]) Histoire des femmes médecines depuis l'antiquité jusqu'à nos jours, par Mélanie Lepinska. Paris, 1900.

ческихъ правилъ, необходимыхъ для возстановленія упавшихъ силъ и леченія ранъ и ушибовъ, полученныхъ во время войнъ или игръ [1]). Во времена Гиппократа всѣ эти правила излагались уже въ формѣ стройной доктрины, а гимнастъ Геродикъ, родомъ изъ Мегары, жившій во времена Гиппократа и Платона въ Селимбріи, пользовался даже гимнастикой для леченія нѣкоторыхъ хроническихъ болѣзней.

Философія, имѣвшая своимъ предметомъ знакомство съ макрокосмосомъ, неизбѣжно должна была перейти также и къ изученію микрокосмоса, т. е. человѣка, его строенія, его жизни какъ при нормальныхъ условіяхъ, такъ и при патологическихъ отклоненіяхъ отъ нормы со всѣми ихъ многочисленными и разнообразными оттѣнками·

Но секуляризація медицины, т. е. пріобщеніе ея къ міру совершилась не сразу; еще долгое время сохранялись слѣды прежней организаціи. Медицина перестала составлять тайну, медицинскія знанія пріобрѣтались уже не путемъ откровенія, но тѣмъ не менѣе они составляли привилегію немногихъ избранныхъ, при чемъ особенно долго держался принципъ наслѣдственной передачи знаній.

Все, что говорится объ обязанностяхъ врача въ сочиненіяхъ Гиппократа, очень близко къ тѣмъ представленіямъ, которыя господствуютъ въ настоящее время въ этой сферѣ соціальныхъ отношеній. Всего лучше резюмированы обязанности, возлагавшіяся на врача въ древне-эллинскомъ мірѣ, въ той клятвѣ, которая требовалась отъ лицъ, принадлежавшихъ къ братству Асклепіадовъ [2]). Христіанскій міръ отступилъ отъ этой клятвы

---

[1]) Plato, De legibus. IV, 545; VIII, 587; XI, 614.

[2]) „Клянусь врачующимъ Аполлономъ, Эскулапомъ, Гигіеей и Панакеей, всѣми богами и богинями и беру ихъ въ свидѣтели, что, по

лишь въ томъ отношеніи, что внесъ въ нее представленіе объ единомъ Божествѣ.

Изученіе медицины начиналось обыкновенно въ самомъ раннемъ возрастѣ въ 10—12 лѣтъ (Praecepta Hippocra-

силамъ и согласно совѣсти, вполнѣ сдержу эту клятву и это письменное обязательство. Буду чтить моего наставника въ этомъ искусствѣ наравнѣ съ моими родителями, дѣлать его участникомъ въ моихъ средствахъ къ существованію и доставлять ему все, въ чемъ бы онъ ни нуждался. Буду на его дѣтей смотрѣть, какъ на родныхъ братьевъ и буду обучать ихъ этому искусству, если бы они этого захотѣли, безвозмездно и безъ письменнаго условія. Клянусь, что буду допускать къ участію въ ученіи, чтеніи и остальномъ обученіи моихъ сыновей, сыновей моего учителя и всѣхъ, внесенныхъ въ списокъ и связанныхъ врачебной клятвой учениковъ, кромѣ же ихъ никого. Образъ жизни больныхъ постараюсь устроить, по мѣрѣ силъ и согласно совѣсти, возможно лучше для нихъ и охраню ихъ отъ всякаго вреда и порока. Никогда не дамъ желающему смертельной отравы, ниже поддержу такое намѣреніе; равнымъ образомъ не дамъ никакой женщинѣ, съ цѣлью умерщвленія плода, пессарій. Цѣломудренно и благочестиво буду охранять мою жизнь и мое искусство. Я никогда не буду производить кастраціи у тѣхъ, которые страдаютъ каменной болѣзнію, но предоставлю ея производство лицамъ, спеціально занимающимся этимъ дѣломъ. Въ какой бы домъ я ни входилъ, я войду туда только для блага больныхъ, свободный отъ всякаго произвола и несправедливости, какъ отъ всякаго другого порока, такъ и отъ плотской страсти къ женщинамъ и мужчинамъ, свободнымъ и рабамъ. Обо всемъ, что бы я не увидѣлъ или не услышалъ, при исполненіи своихъ обязанностей или также внѣ врачебной дѣятельности, изъ жизни людей — если это не должно быть разглашаемо—я умолчу, считая все это тайной. Если я эту клятву сдержу добросовѣстно и не нарушу ее, то пусть мнѣ суждено будетъ наслаждаться во вѣки вѣковъ жизнію и искусствомъ и пользоваться уваженіемъ людей. Если же ее нарушу, то да будетъ удѣломъ клятвопреступника все противоположное". (Oeuvres complètes d'Hippocrate. Traduction nouvelle collationné sur les manuscrits etc. par E. Littré. Paris, 1839 — 61). — Гезеръ, Основы Ист. Медицины, стр. 18 и 19.

tis). Одни изъ врачей находились на службѣ у государства и получали опредѣленное содержаніе, другіе занимались вольной практикой, при чемъ многіе изъ послѣднихъ вели странствующій образъ жизни, постоянно переѣзжая изъ одного города въ другой.

Гиппократъ упоминаетъ также о женщинахъ-врачахъ.— *Соранъ*, современникъ *Галена*, выдающійся представитель методической школы и одинъ изъ наиболѣе значительныхъ врачей классической древности, предъявляетъ къ μαῖα — женщинѣ-врачу — уже очень высокія требованія: она должна быть свѣдующею въ терапіи, фармаціи и *хирургіи* и сознательно относиться къ каждому проявленію болѣзни. — Въ періодъ паденія греческой независимости существовали даже женщины, составившія себѣ имя въ медицинской литературѣ.

Но древне-греческимъ врачамъ не были чужды также и нѣкоторые сомнительные въ этическомъ отношеніи пріемы, какъ-то спекуляція на довѣріе больныхъ, стремленіе дискредитировать своихъ конкурентовъ и проч. Такъ *Гиппократъ* говорилъ: «многіе врачи только по имени, а не по дѣламъ». — По свидѣтельству *Полибія*, между александрійскими врачами было много такихъ, которые разъѣзжали по крупнымъ центрамъ и съ цѣлью рекламы выставляли себя творцами новыхъ системъ или изобрѣтателями новыхъ средствъ. Шарлатанство и фиглярство въ медицинѣ осмѣяно многими писателями и философами, стоитъ упомянуть только *Аристофана* и *Платона*. Послѣднимъ было высказано даже мнѣніе, что занятіе медициной недостойно порядочнаго человѣка; но этотъ суровый приговоръ смягчается нѣсколько тѣмъ обстоятельствомъ, что въ томъ же трактатѣ (Республика) *Платонъ* называетъ безнравственными весь аѳинскій народъ и всѣхъ его руководителей.

У римлянъ всегда существовало предубѣжденіе противъ медицины и врачей. Очень характерны въ этомъ отношеніи слова цензора Катона, обращенныя къ его сыну Маркусу: «разъ навсегда запрещаю тебѣ обращаться къ врачамъ». По свидѣтельству *Плинія* старшаго, римляне въ теченіе шести сотъ лѣтъ совсѣмъ обходились безъ врачей (Hist. natur. I. XXIX, c. 1). Все это время медицина у римлянъ находилась въ рукахъ вольно-отпущенниковъ и рабовъ (servi medici).—Только послѣ того, какъ римляне были духовно покорены болѣе высокою греческой цивилизаціей, на которую они наложили свою побѣдоносную руку, въ Римъ стали переселяться греческіе врачи. Послѣдніе были встрѣчены въ Римѣ далеко не дружелюбно. Первый греческій врачъ, *Архагатъ* изъ Пелопонеса, сынъ *Лизанія*, поселившійся въ Римѣ въ 219 г. до Р. X., былъ избитъ каменьями возмутившейся толпою, когда стало извѣстно, что онъ лечитъ болѣзни огнемъ и желѣзомъ.

Но позднѣе римляне поняли всю важность медицины въ соціальной жизни и въ диктатуру Цезаря принимались уже мѣры къ тому, чтобы привлечь въ Римъ возможно болѣе иностранныхъ врачей. Съ этою цѣлью нѣкоторымъ врачамъ были дарованы права гражданства, а медицина была отнесена къ числу свободныхъ профессій [1]).

Многіе врачи занимали выдающееся положеніе при дворѣ императоровъ, но скорѣе какъ политическіе дѣятели, чѣмъ какъ представители научныхъ знаній.—Несмотря однако на то, что въ Римѣ существовали коллегіи и общества врачей, собиравшихся для совмѣстнаго обсужденія различныхъ медицинскихъ вопросовъ, соціальное и матеріальное положеніе отдѣльныхъ врачей было чрезвычайно различно. На ряду съ врачами, составившими себѣ колоссальное

---

[1]) Albert, Les médecins grecs à Rome. 1894. P. 86.

состояніе, какъ *Стертиній*, *Кринасъ* и др., были такіе, которые получали такой ничтожный заработокъ, что вынуждены были промѣнять медицину на ремесло гробоносильщиковъ и гладіаторовъ.

Полная матеріальная необезпеченность многихъ врачей имѣла своимъ послѣдствіемъ чрезвычайный упадокъ врачебной этики. Отсюда понятны тѣ нападки, которымъ со всѣхъ сторонъ подвергались врачи. Никто однако не бичуетъ врачей такъ безпощадно, какъ *Валерій Марціалъ* изъ Билибиса въ Испаніи, своей неумолимою сатирой. Правда его «Epigrammata Libr. XIV» могли возникнуть только въ разлагающейся атмосферѣ монархическаго Рима, но тѣмъ не менѣе они являются разительнымъ документомъ отрицательнаго отношенія къ врачамъ.

У *Марціала* нѣтъ другихъ эпитетовъ для послѣдователей Эскулапа, какъ мошенники, шарлатаны, воры, прелюбодѣи, отравители [1]).

Врача Каруса *М.* обвиняетъ въ беззастѣнчивой эксплуатаціи паціентовъ, и въ умышленномъ затягиваніи болѣзней.—Смерть врача Гиласа, убитаго своимъ паціентомъ во время приступа помѣшательства, онъ находитъ вполнѣ естественною. — Обращаясь къ заболѣвшему какимъ-то лихорадочнымъ процессомъ своему другу Зоилу *М.*, говоритъ: «зачѣмъ понадобились тебѣ врачи? Если ты хочешь быть здоровымъ, удали отъ себя скорѣе всѣхъ этихъ Махаоновъ?» [2])—По поводу скоропостижной смерти Андрагора *Марціалъ* пишетъ: «чѣмъ объяснить такую ужасную

---

[1]) Médecine et moeurs de l'ancienne Rome d'après les poètes latins par le D-r Edmond Dupouy. Paris, 1892.

[2]) *Zoilus* aegrotat: faciunt hanc stragula febrem.
Quid tibi cum medicis?
Dimitte Machaonas omnes.
Vis fieri sanus?

кончину, Фаустинъ? Должно быть ему приснился его врачъ Гермократъ!» [1])—Въ другомъ мѣстѣ *Марціалъ* упрекаетъ того же *Гермократа* въ воровствѣ всего, что только попадется ему подъ руку, даже такихъ вещей, какъ салфетки, скатерти и проч.—Старая кокотка Вестула стремилась выйти замужъ. Описавъ въ самыхъ яркихъ краскахъ всю глубину физическаго и духовнаго паденія этой женщины, *Марціалъ* замѣчаетъ, что онъ не находитъ для нея болѣе достойнаго мужа, чѣмъ врача Kариклеса.—Когда *М.* не можетъ выставить прямого обвиненія противъ того или другого изъ ненавистныхъ ему врачей, онъ стремился извлечь какую-либо скандальную исторію изъ его семейной хроники.

Важно отмѣтить, что нападки *Марціала* не имѣютъ ничего общаго съ философскимъ ученіемъ, презиравшимъ здоровье и жизнь и потому отрицательно относившимся къ медицинѣ. Доказательствомъ этому служатъ жалобы *Марціала* на обиліе болѣзней при всей мимолетности жизни [2]).

Но не болѣе высокаго мнѣнія, чѣмъ сатирикъ *Марціалъ*, былъ о врачахъ и такой выдающійся представитель римской медицины какъ *Галенъ*. «Между разбойниками—говоритъ *Галенъ*—и врачами разница лишь та, что тѣ совершаютъ свои преступленія въ горахъ, а эти въ Римѣ» [3]).

Обособленности хирургіи и внутренней медицины въ античной цивилизаціи не существовало. «Что раздѣленія хирургіи и внутренней медицины не существовало въ теченіе всего древняго времени, говоритъ *Гезеръ*, явствуетъ

---

[1]) Tam subitae mortis causam. Faustine, requiris?
In somnis medicum viderat Hermocratem.

[2]) Infantes sumus, et senes videmur. Non est vivere, sed valere, vita.

[3]) De praenatione ad Epigen. C. 1, 4.

очевиднѣе всего изъ недостатка самостоятельныхъ сочиненій, посвященныхъ только хирургіи».[1]) Не можетъ быть конечно сомнѣнія въ томъ, что одни врачи занимались предпочтительно хирургіей, другіе внутренней медициной, такъ, *Галенъ* извѣстенъ болѣе какъ терапевтъ, *Цельсъ* какъ хирургъ; но какъ внутренняя медицина, такъ и хирургія составляли части одного нераздѣльнаго цѣлаго.

Изъ всѣхъ народовъ, подъ нашествіемъ которыхъ погибла Западная Имперія, умственная жизнь всего сильнѣе развилась среди готовъ, которые рано подверглись вліянію византійской цивилизаціи.

Въ сводѣ законовъ вестготовъ, относящемся къ 504 г., есть нѣкоторыя указанія, касающіяся врачебной дѣятельности.

«Если врачъ беретъ къ себѣ на обученіе ученика, онъ имѣетъ право на вознагражденіе въ двѣнадцать су».

«Никто не имѣетъ право заключить врача въ темницу, не давъ ему возможности оправдаться, за исключеніемъ случаевъ убійствъ; однако, если врачъ преслѣдуется за долги, онъ долженъ представить какое либо поручительство».

Слово врачъ включаетъ въ себя, очевидно, также и понятіе хирурга (Lindenbrog, Les. lois des Wisigoths).

Далѣе вестготскій законъ, подобно древне-еврейскому, требовалъ, чтобы человѣкъ, нанесшій каму либо рану, взялъ на себя заботу объ ея леченіи. Плата за леченіе устанавливалась особыми экспертами.

Врачу строго воспрещалось производить кровопусканіе у женщинъ изъ свободныхъ классовъ, иначе какъ въ присутствіи ея отца, матери, брата, сына, дяди или ка-

[1]) Обозрѣніе исторіи хирургіи и сословія хирурговъ. С.-Петербургъ 1867.

кого либо другого родственника. Только въ исключительныхъ случаяхъ разрѣшалось производить эту операцію въ присутствіи служителя или раба. За нарушенія этого закона виновникъ подвергался штрафу въ 10 су въ пользу родителей или мужа пострадавшей, при чемъ законодатель не скрылъ руководившаго имъ при изданіи этого закона соображенія: «Quia difficillimum non est, ut in tali occasione ludibrium interdum adhaerescat».

Если, при производствѣ кровепусканья у человѣка свободнаго сословія, врачъ извлекалъ крови больше, чѣмъ слѣдуетъ, онъ платилъ штрафъ въ сто су; если кровопусканье влекло за собою смерть, врачъ выдавался родственникамъ умершаго, и послѣдніе могли поступить съ нимъ, какъ хотятъ. Въ случаѣ смерти раба, врачъ долженъ былъ вмѣсто умершаго дать другого равной цѣны.

Только въ средніе вѣка зародились тѣ элементы, изъ которыхъ съ теченіемъ времени создались современныя намъ формы врачебнаго быта и съ этой стороны никакая эпоха не заслуживаетъ болѣе тщательнаго изученія какъ средніе вѣка.—Періодъ этотъ отмѣченъ глубокимъ упадкомъ въ производительности человѣческаго духа. «Средніе вѣка, говоритъ А. Ѳ. Кони, опутали человѣческую личность, втиснули ее въ различные союзы, придавили гнетущимъ авторитетомъ западной церкви».

Главными хранителями человѣческаго знанія сдѣлались монастыри и ихъ школы. Бенедиктинцамъ уставъ вмѣнялъ даже въ обязанность заниматься наукою. Медицина также перешла въ монастыри и монахи получили особую прерогативу врачеванія.

Очень большое вліяніе на положеніе медицины въ первые вѣка христіанства имѣло то обстоятельство, что одинъ изъ четырехъ евангелистовъ, Лука, былъ врачемъ. «Привѣтствуетъ Васъ Лука, *врачъ* возлюбленный, и Ди-

масъ», пишетъ апостолъ Павелъ въ посланіи къ колоссянамъ.

Среди духовныхъ лицъ, посвящавшихъ себя медицинѣ, нѣкоторые занимали выдающееся положенное въ церковной іерархіи. Такъ папа Іоаннъ XXI, до своего избранія въ 1276 г., съ большимъ успѣхомъ практиковалъ въ Ліонѣ, подъ именемъ Петра Испанскаго и случай этотъ далеко не единичный. Но мало того, до семиде-

Рис. 2.

сяти представителей врачебнаго искуства канонизированы христіанскою церковью. — Очень вѣрно характеризуетъ отношеніе христіанства къ медицинѣ одна древняя оконная живопись въ Національномъ музеѣ въ Цурихѣ, гдѣ самъ Христосъ представленъ врачемъ (рис. 2).

Отличительною чертою средневѣковой медицины является обособленность хирургіи отъ ученой медицины, неизвѣстная античной древности.

Первоначально монахи занимались всею медициною, но съ теченіемъ времени постановленіемъ цѣлаго ряда соборовъ: въ Латеранѣ (1139), Монпельѣ (1162), Турѣ (1163) и др., было принято положеніе, «Ecclesia abhorret sanguinem», и право монаховъ заниматься врачеваніемъ было значительно ограничено, а именно изъ сферы ихъ дѣятельности была исключена хирургія. Послѣдняя перешла въ руки свѣтскихъ людей; такимъ образомъ, на ряду съ духовными лицами создался еще классъ свѣтскихъ врачей. Но такое раздѣленіе всѣхъ лицъ, занимавшихся изученіемъ и практикой медицины, на духовныхъ и свѣтскихъ, терапевтовъ и хирурговъ, никогда не могло быть проведено со всею строгостью. Многіе свѣтскіе люди ради тѣхъ преимуществъ, которыми пользовались клерки, добивались только нисшихъ степеней посвященія и являлись собственно врачами мірянами; съ другой стороны частое повтореніе запрещенія заниматься хирургіей показываетъ, что и монахамъ не былъ совершенно чуждъ этотъ отдѣлъ медицины.

Въ арабскій періодъ связь между внутренней медициной и хирургіей не была еще совершенно порвана. *Авензоаръ* (+1162), принадлежащій къ числу лучшихъ испанско-арабскихъ врачей, занимался какъ хирургіей, такъ и внутренней медициной. Въ 30-ти томномъ сочиненіи *Абульказима* (+1013), «Altarif», бывшемъ одно время основнымъ руководствомъ врачей на всемъ христіанскомъ западѣ, наибольшій интересъ представляетъ послѣдній томъ, посвященный хиругіи.

Съ теченіемъ времени, подъ вліяніемъ запрещенія церкви заниматься хирургіей, отношеніе къ послѣдней сдѣлалось чрезвычайно предубѣжденнымъ; хирургія стала считаться занятіемъ низкимъ, недостойнымъ образованнаго врача; связь между хирургіей и внутренней меди-

ной стала слабѣть все болѣе и болѣе, и, наконецъ, наступило полное разъединеніе этихъ двухъ отдѣловъ медицины.

Весь медицинскій персоналъ распался на научно-образованныхъ врачей: medici literarii, физиковъ, chirurgiens clercs et lettrés, maitres en médecine и проч., и эмпириковъ, цирюльниковъ, баньщиковъ, зубодеровъ и проч. При болѣе же детальной классификаціи всѣ разнородные элементы, изъ которыхъ комплектовался медицинскій персоналъ, могутъ быть сведены къ четыремъ слѣдующимъ категоріямъ: 1) врачи и хирурги изъ духовенства, 2) хирурги міряне, 3) цирюльники, баньщики, зубодеры и проч. и, наконецъ, 4) разнаго рода шарлатаны.

Medici literarii или physici пріобрѣтали свои знанія въ медицинскихъ школахъ, которыя существовали уже въ самыя отдаленныя времена христіанства. Первыя школы появились на востокѣ въ Эдессѣ и Джондизобурѣ и были основаны несторіанами, изгнанными изъ Византіи. Позднѣе высшія школы, устроенныя по образцу греческихъ и римскихъ, находилось во всѣхъ странахъ мусульманскаго міра. Особенно много ихъ было въ Италіи[1]).

Съ X по XIII в. первое мѣсто принадлежало Солернской школѣ. Школа эта находилась къ югу отъ Неаполя и согласно преданію была основана въ IX в. совмѣстными усиліями грека, римлянина, еврейскаго раввина и араба. Наивысшей своей славы она достигла во времена Рожера Пармскаго (1200). Хирургія и внутренняя медицина занимали въ ней равноправное положеніе. Изъ Солернской школы выходили какъ medici physici, такъ и medici chirurgi. Но уже съ XIII в. она начала выпускать

---

[1]) Corleu, Les médecins grecs depuis la mort de Galien jusgu'à la chute de l'empire de l'Orient. Paris, 1885.

также и хирурговъ нисшаго разряда.—Въ XIII в. съ Салернскою школою начинаютъ конкурировать школы въ Неаполѣ, Болоньѣ, Падуѣ, Монпелье. Въ первой половинѣ XIV в. всего выше стояли медицинскія школы въ Римѣ и Болоньѣ, но уже въ концѣ XIV в. центръ тяжести въ разработкѣ медицины былъ перенесенъ изъ Италіи во Францію.—Вслѣдствіе господствовавшаго въ средніе вѣка мистико-филосовскаго направленія въ университетахъ, медицинскіе факультеты напоминали собою скорѣе философскія школы, чѣмъ спеціальныя учебныя заведенія, предназначенныя для приготовленія врачей.

Преподаваніе медицины находилось долгое время почти исключительно въ рукахъ духовенства. Когда въ 1479 г. Курфюрстъ Филиппъ назначилъ въ Гейдельбергъ профессоромъ медицины свѣтское лицо, факультетъ отказался принять его. Только въ 1482 г. было разрѣшено преподаваніе медицины также свѣтскимъ и даже женатымъ лицамъ.

Вслѣдствіе духовной организаціи университетовъ, хирургія находилась въ нихъ въ полномъ загонѣ: въ однихъ университетахъ ее изучали только теоретически, въ другихъ ее не изучали совсѣмъ.

Хирурги-міряне—второй классъ врачебнаго персонала, въ противоположность докторамъ, принадлежавшимъ обыкновенно къ лучшимъ аристократическимъ семьямъ, выходили въ большинствѣ случаевъ, въ особенности въ Германіи, изъ нисшихъ слоевъ общества. Въ самой тѣсной связи съ хирургами находились цирюльники. Связь эта была такъ тѣсна, что во многихъ мѣстахъ не существовало даже дѣленія на хирурговъ и цирюльниковъ, а были только хирурги-цирюльники «barbiers-chirurgiens». √Первое появленіе цирюльниковъ, брадобрѣевъ, tonsores, barbitonsores, rasores, barbières etc. относится къ

XI в., когда на соборѣ въ Руанѣ монахамъ было запрещено носить бороду. Вначалѣ цирюльники не имѣли никакого отношенія къ хирургіи. Только въ первой половинѣ XIII вѣка врачи дали цирюльникамъ въ руки ланцетъ для производства кровепусканій и скарификацій. Съ теченіемъ времени подобныя обращенія врачей къ цирюльникамъ становились все чаще и чаще и въ концѣ концовъ цирюльники оказались почти во всѣхъ отношеніяхъ равными хирургамъ.

Большинство хирурговъ и цирюльниковъ вело кочевой образъ жизни. Между странствующими хирургами было много шарлатановъ, но на ряду съ этимъ встрѣчались и такіе выдающіеся спеціалисты, какъ члены семьи Коло, Жакъ де-Болье, Бленьи, и др. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ странствовали не только хируги, но и физики.

Странствующіе хирурги разъѣзжали по городамъ и весямъ, предлагая всюду лекарства и хирургическую помощь. Появлялись они обыкновенно тамъ, гдѣ разсчитывали встрѣтить возможно большее скопленіе народа: на ярмаркахъ, народныхъ празднествахъ и проч. Они эксплуатировали на всевозможные лады легковѣріе и невѣжество толпы. Между различными средствами, предлагавшимися странствующими хирургами, встрѣчались и такія какъ человѣческая кровь, которая считалась специфическимъ средствомъ противъ эпилепсіи; на различные виды крови существовала такса: дороже всего цѣнилась кровь младенца, всего дешевле кровь еврея. Хирурги съ легкимъ сердцемъ приступали къ выполненію самыхъ серьезныхъ операцій. Послѣ операціи хирургъ уѣзжалъ, оставляя больного на произволъ судьбы. Грубость нравовъ была такъ велика, что, по словамъ Діониса, одинъ изъ хирурговъ, произведя кастрацію, бросалъ обыкновенно отсѣченныя части сопровождавшей его собакѣ, которая съ

жадностью и съѣдала ихъ[1]). Всѣ старанія странствующихъ хирурговъ были направлены на то, чтобы возможно сильнѣе импонировать публикѣ. Они показывали подложные патенты и аттестаты, въ которыхъ въ самыхъ широковѣщательныхъ выраженіяхъ говорилось о совершенныхъ ими чудесахъ; выставляли на показъ огромной величины камни, извлеченные будто бы изъ мочевого пузыря, или же пауковъ и гадовъ вынутыхъ изъ головы помѣшанныхъ и проч. (*Peters*). Новички шли пѣшкомъ съ коробомъ, наполненнымъ различными лекарствами, за плечами; уже успѣвшіе составить себѣ состояніе ѣхали въ каретахъ съ ливрейными лакеями. Платье странствующихъ хирурговъ отличалось большою пышностью и яркостью цвѣтовъ. Раскинувъ палатку, хирургъ раскладывалъ на нѣсколькихъ столахъ мази, пластыри, припарки, размѣстивъ ихъ въ различной величины и формы горшкахъ и жестянкахъ; тутъ же находились разнаго рода талисманы, амулеты и проч. Для привлеченія вниманія народа, около дверей дома или палатки врача выставлялись различныя диковины: обезьяны, попугаи, крокодилы; сопровождали хирурга фигляры, арлекины, барабанщики, трубачи, на обязанности которыхъ лежало зазывать народъ (*Fischer*). Если толпа изобличала хирурга во лжи или шарлатанствѣ, и дальнѣйшему его пребыванію въ данной мѣстности грозила опасность, онъ быстро собиралъ свой скарбъ и переносилъ сферу своей дѣятельности въ другой округъ.—Странствованіе хирурговъ въ средніе вѣка не представляло ничего исключительнаго. При тогдашнемъ строѣ жизни странствовали люди почти всѣхъ категорій и профессій: монахи, художники, ремесленники и т. д. Даже университеты въ Ита-

---

[1]) Fischer Georg, Chirürgie vor 100 Jahren. Leipzig, 1876. S. 55.

ліи, по словамъ *Пушмана*, напоминали собою странствующія колоніи профессоровъ и студентовъ, которыя располагались тамъ, гдѣ встрѣчали болѣе удобствъ и свободы [1]).

Невольно вспоминаются слова Севильскаго цирюльника въ комедіи того же имени *Бомарше*.—«Со всѣмъ багажемъ за спиной я философически пробѣжалъ обѣ Кастиліи, Ламаншъ, Андалузію, Сіерру - Морену и Эстремадуру; въ одномъ городѣ меня принимали, въ другомъ сажали въ тюрьму; вездѣ я былъ выше мірскихъ переворотовъ. Одними хвалимый, другими бранимый, веселясь въ хорошее время, твердо перенося дурное... достигъ я Севильи, гдѣ готовъ снова служить вашему сіятельству» (пер. Садовскаго).

Въ большинствѣ городовъ доктора, хирурги и цирюльники вели между собою непрерывную борьбу, а такъ какъ доктора являлись объединенными университетомъ, а хирурги и цирюльники дѣйствовали въ разбродъ, то какъ у тѣхъ, такъ и другихъ всегда существовало стремленіе слиться въ ассоціаціи по примѣру collegia древности.

Въ XIII в. корпораціи хирурговъ и цирюльниковъ существовали уже въ Парижѣ, Марселѣ, Ліонѣ [2]), Англіи, Баваріи, Богеміи, Польшѣ и др. мѣстахъ.

Одною изъ древнѣйшихъ корпорацій хирурговъ въ христіанскомъ мірѣ является братство св. Козьмы и Демьяна въ Парижѣ. Она была названа такъ потому, что покровителями этого братства считались Козьма и Демьянъ, два врача, умершіе мученическою смертью во времена Діоклетіана (A. Chéreau) [3]).

---

[1]) Gesch. des med. Unterrichts. Leipzig, 1885. S. 199.

[2]) Pétrequin, Joseph., De l'organisation de l'assistance publique à Lyon etc. 1869.

[3]) „Artis medicinae clarissimi". Gazette hebdomadaire, 1872. P. 673.

Такъ какъ братство св. Козьмы является одной изъ типичнѣйшихъ ассоціацій этого рода и такъ какъ исторія его связана самымъ тѣснымъ образомъ съ исторіей французской хирургіи вообще, то мы считаемъ не лишнимъ нѣсколько подробнѣе остановиться на его возникновеніи и развитіи.

Своею извѣстностью братство св. Козьмы обязано ни какимъ - либо заслугамъ передъ медицинскою наукою, но той упорной борьбѣ, какую оно вело въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ съ хирургами и докторами.

Надо замѣтить, что съ древнѣйшихъ временъ и до самаго конца XVIII в. враждовали между собою всѣ категоріи медицинскаго персонала: доктора съ хирургами, цѣхи между собою, лейбъ-хирурги съ цѣхами, христіанскіе врачи съ еврейскими, гражданскіе съ военными и проч. Но борьба парижскихъ хирурговъ съ докторами и цирюльниками является по истинѣ классическою.

Такъ какъ въ прошломъ древность происхожденія являлась вѣрнѣйшей санкціей привилегій, то члены братства долгое время называли годомъ основанія своей ассоціаціи 1033-ій. Другіе изслѣдователи, также члены братства, связывали возникновеніе его съ именемъ Людовика Св., одного изъ популярнѣйшихъ королей Франціи (1268) [1].

Первый королевскій эдиктъ, касающійся парижскихъ хирурговъ, былъ изданъ *Филиппомъ Красивымъ* въ 1311 г. Возможно, что братство существовало уже раньше, но объ этомъ не сохранилось никакихъ свидѣтельствъ.

«Узнавъ—пишетъ король—что люди другихъ націй и чужихъ государствъ, убійцы, воры, фальшивые монетчики, шпіоны, разбойники, пьяницы, растовщики, зани-

---

[1]) J. F. Malgaigne, Histoire de la chirurgie en Occident du VI-e au XVI-e siècle. Paris, 1840.

маются хирургіей въ нашемъ городѣ и парижскомъ графствѣ, выставляютъ въ своихъ окнахъ знаки, присвоенные хирургамъ, накладываютъ перевязки, посѣщаютъ больныхъ въ церквахъ и частныхъ домахъ, и этимъ путемъ выманиваютъ деньги и прикрываютъ свои другія дурныя намѣренія... мы повелѣваемъ симъ эдиктомъ никому не заниматься хирургіей безъ предварительнаго испытанія у особыхъ хирурговъ, назначаемыхъ нашимъ лейбъ-хирургомъ *Жаномъ Питарди*, а послѣ него его пріемниками...»[1] — Что парижскіе хирурги составляли въ то время уже опредѣленную корпорацію доказываютъ слѣдующія слова эдикта: «Sunto chirurgi communitas, confraternitas, jurati; habento licentiam operandi etc.».

Въ 1352 г. королемъ *Іоанномъ,* былъ изданъ подобный же эдиктъ очевидно списанный съ эдикта *Филиппа IV Красиваго,* но безъ малѣйшаго намека на послѣдній.

Карлъ V не только подтвердилъ эдикты *Филиппа Красиваго* и *Іоанна*, но еще и расширилъ нѣсколько права хирурговъ. Они были освобождены отъ стражи и караула съ тѣмъ однако условіемъ, чтобы они оказывали безвозмездную медицинскую помощь беднѣйшей части населенія. Кромѣ того, они стали получать званіе лиценціатовъ и баккалавровъ, принадлежавшее раньше исключительно университету.

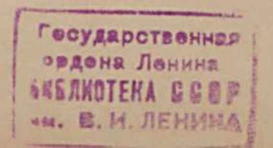
Такимъ образомъ, съ 1311 года хирурги получили право подвергать испытанію хирурговъ-практикантовъ низшаго разряда и назначать изъ среды ихъ равныхъ себѣ. Кѣмъ давалось право на хирургическую практику до эдикта *Филиппа IV*, остается невыясненнымъ. Весьма вѣроятно,

[1]) Quesnay, François, Recherches critiques et historiques sur l'origine, les divers états et les progrès de la chirurgie en France. Paris, 1744. Pp. 40, 41, 45.

однако, что право это принадлежало университету. Какъ бы то ни было, но хирурги всегда находились къ факультету въ подчиненныхъ отношеніяхъ. Такъ въ университетскомъ статутѣ XIII в. права хирурговъ были ограничены лишь производствомъ извѣстныхъ операцій. Ограниченія эти не касались только хирурговъ, допущенныхъ къ преподаванію на факультетѣ, каковыми были *Лафранши, Питаръ, Генрихъ изъ Мондевилля* и др.

Медицинскій факультетъ, представлявшій собою въ то время не столько научное учрежденіе, сколько профессіональную корпорацію, ревниво оберегавшую свои интересы, противодѣйствовалъ всѣми силами хирургамъ въ ихъ стремленіи расширить свои права; когда же всѣ старанія его остались тщетными, онъ сталъ стремиться къ возможно рѣзкому разграниченію «ученой медицины» отъ хирургіи. Съ одной стороны онъ сталъ обязывать клятвой своихъ членовъ не производить операцій, а съ другой добился возобновленія древняго статута, воспрещавшаго хирургамъ переступать границы ихъ ремесла. Однимъ словомъ, на попытку хирурговъ организоваться внѣ университета, послѣдній отвѣтилъ запрещеніемъ докторамъ заниматься хирургіей и гоненіемъ на хирурговъ. Преслѣдованіе докторовъ раздражало хирурговъ, гордыхъ своими съ каждымъ царствованіемъ все возраставшими правами, и между медицинскимъ факультетомъ и братствомъ св. Козьмы установилась глухая, подчасъ съ трудомъ скрываемая, вражда.

Въ XIV в. братство св. Козьмы имѣло слѣдующее устройство. Оно состояло изъ старшины, мастеровъ, лиценціатовъ и баккалавровъ. Всякій желающій изучать хирургію поступалъ къ одному изъ мастеровъ въ качествѣ ученика. Хирургическое образованіе учениковъ состояло въ томъ, что они сопровождали хирурговъ-масте-

Государственная ордена Ленина библиотека СССР им. В. И. Ленина

ровъ въ ихъ частной практикѣ, а сдѣлавшись баккалаврами присутствовали еще на всѣхъ собраніяхъ братства. Возможно также, что ученики посѣщали Hôtel-Dieu, но прямыхъ указаній на это мы нигдѣ не встрѣчаемъ. Когда ученикъ получалъ степень баккалавра, онъ клялся повиноваться уставу и вносилъ одинъ франкъ въ пользу братства.

Степень лиценціата обходилась много дороже. Кандидатъ уплачивалъ клерку два франка или же отдавалъ ему свое носильное платье, если оно стоило не меньше этой суммы, вносилъ въ пользу братства 12 золотыхъ экю и вручалъ каждому мастеру по особой палочкѣ, служившей символомъ ихъ дѣятельности, или же, по желанію мастеровъ, замѣнялъ этотъ даръ 15 су каждому; кромѣ того онъ дарилъ каждому мастеру и каждому баккалавру по парѣ лиловыхъ перчатокъ съ вышивкой и золотыми кисточками.

Право имѣть учениковъ составляло всю разницу между мастерами и лиценціатами. Лиценціаты имѣли право свободной практики во всемъ Парижскомъ графствѣ и самомъ Парижѣ.

Степень мастера давалась хирургу по прошествіи четырехъ лѣтъ со времени полученія имъ степени лиценціата безъ всякаго экзамена.

Разница между баккалавромъ и мастеромъ была много значительнѣе, чѣмъ между лиценціатомъ и мастеромъ. Такъ напр., баккалавръ, оскорбившій мастера, присуждался къ уплатѣ 20 су штрафа и свѣчи; кромѣ того, онъ долженъ былъ просить прощенія у оскорбленнаго мастера въ присутствіи всѣхъ членовъ братства и, если не получалъ его, то лишался степени баккалавра. Напротивъ того, оскорбленіе мастера лиценціатомъ или наоборотъ раз-

сматривалось какъ равный проступокъ и все наказаніе сводилось къ одному только штрафу.

Къ сожалѣнію, не сохранилось никакихъ указаній на то, въ чемъ состояло испытаніе. Но за то въ одномъ изъ параграфовъ упомянутаго выше статута указывается порядокъ, въ какомъ должны были размѣщаться экзаминаторы при производствѣ испытаній. Первое мѣсто занималъ экзаминаторъ, назначаемый лейбъ-хирургомъ, затѣмъ садился старшина и только на слѣдующихъ мѣстахъ размѣщались хирурги-мастера. Вопросы задавались экзаменующемуся сначала мастерами, затѣмъ старшиной и, наконецъ, только присяжнымъ экзаминаторомъ.

Въ средѣ своихъ членовъ братство стремилось установить возможно бóльшую солидарность. — Мастера не имѣли права переманивать другъ у друга учениковъ. — Если больной замѣнялъ одного хирурга другимъ, то послѣдній обязанъ былъ позаботиться о томъ, чтобы первому хорошо заплатили. — Если кто-либо изъ мастеровъ впадалъ въ бѣдность, другіе обязаны были, сколько могутъ, помочь ему. — Въ случаѣ смерти кого-либо изъ членовъ братства, на его похоронахъ обязаны были присутствовать всѣ члены братства, гробъ же должны были нести четыре старѣйшихъ мастера-хирурга. — Все, что говорилось на собраніяхъ братства, должно было составлять глубокую тайну. — Основная цѣль братства опредѣленно выражена въ томъ параграфѣ устава, гдѣ говорится, что братство будетъ преслѣдовать всѣхъ, кто станетъ заниматься хирургіей въ Парижскомъ графствѣ, не имѣя на то законнаго права. Параграфъ этотъ имѣлъ въ виду главнымъ образомъ цирюльниковъ.

Въ 1355 г. братство св. Козьмы состояло всего изъ девяти членовъ и эти-то 9 хирурговъ вели упор-

ную борьбу съ цирюльниками, число которыхъ доходило до 40 [1]).

Завѣтною мечтою хирурговъ было подчинить себѣ цирюльниковъ и слиться затѣмъ съ университетомъ. Но цирюльники ни только не были расположены признать надъ собою главенство хирурговъ, но, совершенно наоборотъ, мечтали о томъ, чтобы, вытѣснивъ изъ хирургіи своихъ старшихъ собратьевъ хирурговъ, стать на ихъ мѣсто.

Очень сильную поддержку имѣли цирюльники въ университетѣ. Доктора, всегда враждовавшіе съ хирургами, а съ тѣхъ поръ, какъ послѣднимъ удалось значительно расширить свои права, сторонившіеся всякаго сближенія съ ними, силою вещей, вслѣдствіе полнаго незнанія хирургіи, были вынуждены обратиться за помощью къ цирюльникамъ. Сближеніе съ университетомъ не могло не поднять нравственнаго престижа цирюльниковъ. Но на сторонѣ цирюльниковъ нерѣдко былъ и самъ законъ. Такъ, отъ караула и стражи они были избавлены раньше хирурговъ. Особенно много сдѣлалъ для цирюльниковъ Карлъ V, который въ 1372 г. далъ имъ право имѣть свою мастерскую, держать подмастерьевъ и учениковъ, пускать кровь, лечить раны и ушибы, извлекать занозы и проч. Это было первое оффиціальное признаніе за цирюльниками права заниматься малой хирургіей. Съ этихъ поръ притязанія ихъ сильно возросли [2]).

Въ XIV в. цирюльники, подобно хирургамъ, представляли уже правильно организованную корпорацію, во главѣ которой стоялъ первый цирюльникъ, онъ же лакей, короля. Какой святой считался покровителемъ цюрюль-

---

[1]) Quesnay, op. cit., p. 444.

[2]) Précis d'Histoire de la médecine par J. Bonillet. Paris 1883, p. 186.

никовъ, доподлинно неизвѣстно, но покровители хирурговъ, Козьма и Демьянъ, были и у цирюльниковъ наиболѣе чтимыми святыми. Символомъ дѣятельности цирюльниковъ считались гребни и ножницы, которыя обыкновенно вывѣшивались передъ дверями ихъ лавочекъ, въ XVII же вѣкѣ, кромѣ того, вывѣшивались еще тазовыя кости [1]).

Въ 1382 г., когда послѣ бурныхъ волненій престолъ достался *Карлу VI*, послѣдній въ видѣ репрессалій лишилъ всѣ общины дарованныхъ имъ ранѣе привилегій. Общей участи подверглись также цирюльники, напротивъ того хирургамъ удалось сохранить за собою всѣ свои права и преимущества. Это поставило хирурговъ въ очень выгодныя условія; но торжество ихъ продолжалось не долго. По истеченіи четырехъ мѣсяцевъ цирюльники были возстановлены во всѣхъ своихъ прежнихъ правахъ.

Тогда хирурги рѣшились обратиться къ университету.— 15-го января 1390 г. на собраніе всѣхъ четырехъ факультетовъ явился хирургъ *Жилль-Дессу-ле-Фуръ* и отъ имени всего братства обратился къ докторамъ съ слѣдующими словами: «Ректоръ и всѣ вы наши глубокочтимые учителя, мы, ваши почтительные ученики, смиренно просимъ васъ принять насъ подъ выше высокое покровительство». — Далѣе по выясненіи мотивовъ, побудившихъ ихъ къ этой просьбѣ онъ закончилъ ее словами: «Мы умоляемъ университетъ помочь намъ сохранить наши привилегіи».

Университетъ рѣшилъ притти къ нимъ на помощь, но лишь какъ къ своимъ ученикамъ, и не больше того: «tanquam veri scholares et non alias». Затѣмъ университетъ поручилъ своему декану Ѳомѣ Блашешапу ходатайствовать за хирурговъ передъ Карломъ VI.

---

[1]) Quesnay, op. cit, p. 88.

Въ отвѣтъ на ходатайство университета послѣдовалъ указъ, повторившій запрещеніе заниматься хирургіей всѣмъ лицамъ, не получившимъ на то установленнаго разрѣшенія. Указъ этотъ ничѣмъ не измѣнилъ положенія хирурговъ и отъ сближенія съ университетомъ послѣдніе ничего не выиграли.

Въ началѣ XV в. счастье снова улыбнулось парижскимъ хирургамъ, имъ удалось добиться того, что 4 мая 1423 г. отъ имени парижскаго префекта на всѣхъ перекресткахъ при звукѣ трубъ было объявлено запрещеніе заниматься хирургіей кому бы то ни было, кромѣ хирурговъ. Запрещеніе это распространялось также и на цирюльниковъ. Тогда цирюльники забили тревогу, они начали усиленную агитацію въ обществѣ и парламентѣ и не прошло года, какъ они снова были возстановлены въ своихъ правахъ. Послѣ этого хирурги торжественно поклялись не посѣщать больныхъ вмѣстѣ съ цирюльниками. На эту клятву цирюльники отвѣтили молчаніемъ, такъ какъ они очень мало добивались чести совмѣстной практики съ хирургами.

Въ 1436 г., вслѣдствіе обострившейся борьбы съ цирюльниками, хирурги снова обратились къ университету съ просьбою распространить на нихъ всѣ привилегіи, связанныя съ званіемъ ученика университета, признаннаго за ними еще полвѣка назадъ. Университетъ собравшись въ полномъ своемъ составѣ послѣ продолжительнаго и всесторонняго обсужденія вопроса рѣшился исполнить ихъ просьбу, съ тѣмъ одного непремѣннымъ условіемъ, чтобы они посѣщали лекціи профессоровъ медицинскаго факультета.

Если братство обращалось къ университету не безъ эгоистическихъ разсчетовъ, то и университетъ съ своей стороны не проявлялъ большой уступчивости. Потребовавъ

отъ хирурговъ, чтобы они посѣщали лекціи, т. е. сдѣлавъ ихъ фактически своими учениками, медицинскій факультетъ не далъ имъ ни одной изъ тѣхъ степеней, которыхъ они такъ настойчиво добивались: попрежнему ни одинъ изъ хирурговъ не могъ стать ни лиценціатомъ, ни баккалавромъ университета. Факультетъ не хотѣлъ даже видѣть въ братствѣ св. Козьмы самостоятельную корпорацію съ извѣстными правами и старшину братства ставилъ на одинъ уровень съ другими мастерами. Такимъ образомъ, сближеніе съ докторами нанесло сильный ударъ самостоятельности корпораціи хирурговъ. Теперь, когда хирурги размѣстились на ученическихъ партахъ, приравниваніе лиценціатовъ и баккалавровъ братства къ лиценціатамъ и баккалаврамъ университета сдѣлалось невозможнымъ.

Напротивъ того, цирюльники съ вступленіемъ на престолъ Людовика XI нашли себѣ сильную поддержку въ лицѣ цирюльника и любимца короля *Олливье - ле - Дэнъ.* Борьба съ цирюльниками сдѣлалась не подъ силу хирургамъ и между тремя категоріями медицинскихъ дѣятелей установилось перемиріе, длившееся цѣлыхъ 50 лѣтъ.

Снова миръ былъ нарушенъ докторами при слѣдующихъ условіяхъ. Въ то время, какъ цирюльники производили только операціи, хирурги помимо операцій прописывали еще рецепты. Доктора, считавшіе прописываніе рецептовъ своимъ исключительнымъ правомъ, всячески старались ограничить въ этомъ направленіи своихъ строптивыхъ учениковъ.

Настойчивость и изобрѣтательность, которую проявили при этомъ доктора, по истинѣ достойны болѣе высокой цѣли. — Доктора рѣшились снова воспользоваться какъ орудіемъ борьбы корпораціей цирюльниковъ. Нѣсколько докторовъ медицины открыли для цирюльниковъ курсъ

анатоміи на французскомъ языкѣ. Такъ какъ незнаніе латинскаго языка, на которомъ писались всѣ книги по хирургіи, было главнымъ тормозомъ къ тому, чтобы цирюльники достигли одинаковаго уровня знаній съ хирургами, то члены братства очень скоро поняли, какъ велика опасность, угрожающая имъ отъ этихъ новыхъ курсовъ. Кромѣ того, преподаваніе цирюльникамъ была ихъ давнишняя привилегія, а потому 17 ноября 1491 года хирурги обратились къ университету съ униженной просьбой положить гнѣвъ на милость, прекратить лекціи цирюльникамъ.

Факультетъ исполнилъ просьбу хирурговъ (Pasquier). Но вскорѣ, по обыкновенію не стѣсняясь ранѣе данными обѣщаніями, вторично разрѣшилъ нѣсколькимъ докторамъ открыть курсъ для цирюльниковъ, и не только по анатоміи, но и по хирургіи. Снова заволновались хирурги, снова обратились они съ моленіями къ факультету. Факультетъ поставилъ условіемъ прекращенія чтеній по хирургіи отказъ отъ прописыванія рецептовъ. Выбора у хирурговъ не было, и они согласились.—Не прошло и года, какъ курсы для цирюльниковъ были возобновлены. На новый протестъ хирурговъ члены факультета категорически заявили, что они будутъ стоять на стражѣ интересовъ хирурговъ только тогда, если послѣдніе возьмутъ на себя треть всѣхъ расходовъ; хирурги согласились и на это.

Соглашеніе факультета и хирурговъ было снова нарушено докторами. Въ 1505 г. имъ удалось добиться постановленія парламента о назначеніи комиссіи изъ четырехъ докторовъ для производства испытаній нѣкоего *Жана Бурлона* на степень мастера-хирурга. Это было уже посягательствомъ на самыя священныя права братства св. Козьмы. Всѣ протесты хирурговъ, выраженные на этотъ разъ въ болѣе рѣшительной формѣ, остались тщетными.

Тогда хирурги снова вернулись уже къ испытанной тактикѣ; in corpore явились они въ собраніе университета и стали униженно молить докторовъ не лишать ихъ привилегій, признанныхъ за ними цѣлымъ рядомъ королевскихъ эдиктовъ.

На смиренное моленіе хирурговъ Ришаръ Гелэнъ, старѣйшій изъ докторовъ, деканъ факультета, отвѣтилъ глумленіемъ надъ ихъ добровольнымъ униженіемъ, осыпалъ ихъ всевозможными оскорбленіями, заявилъ, что всѣ ихъ привилегіи незаконны, т. к. добыты путемъ подхалимства, обходовъ и обмановъ, и торжественно объявилъ, что доктора отнынѣ нежелаютъ имѣть съ хирургами никакого дѣла.

Въ тотъ же день, когда произошелъ разрывъ съ хирургами, факультетъ заключалъ договоръ съ цирюльниками, при чемъ послѣдніе были внесены въ университетскіе списки. Цирюльники обязались присягать факультету, какъ настоящіе его ученики, слушать лекціи докторовъ и уплачивать установленный взносъ. Принятіе въ число мастеровъ могло совершаться только въ присутствіи двухъ докторовъ, получавшихъ въ вознагражденіе за это по два экю каждый. Принятый давалъ клятву въ томъ, что онъ не переступитъ предѣловъ хирургіи, не будетъ прописывать слабительныхъ и всякій разъ, когда потребуется его больному «медицинская» помощь, будетъ обращаться къ докторамъ. Факультетъ съ своей стороны обѣщалъ цирюльникамъ продолжать свои лекціи по анатоміи и хирургіи и всюду, гдѣ только возможно, защищать ихъ и выгораживать.

Парижскіе цирюльники стали называться съ этихъ поръ «barbiers chirurgiens» или «chirurgiens de robe courte» въ противоположность «chirurgiens de robe longue»

или «Maitres chirurgiens jurés» — наименованіе, присвоенное членамъ братства св. Козьмы.

Хирурги, чтобы отмстить факультету, стали бойкотировать Бурлона и довели его до того, что онъ обратился къ братству св. Козьмы съ просьбою дать ему степень мастера. Это вызвало негодованіе факультета и имъ было сдѣлано постановленіе, чтобы ни одинъ изъ членовъ факультета не практиковалъ вмѣстѣ съ хирургами.

Съ этихъ поръ хирургамъ пришлось вести почти непрерывную борьбу на два фронта, съ докторами и цирюльниками. — Одною изъ первыхъ вылазокъ противъ хирурговъ было обвиненіе ихъ въ томъ, что они ставятъ своимъ паціентамъ клистиры, что въ Парижѣ въ то время признавалось неотъемлемымъ правомъ докторовъ медицины. Большинство хирурговъ чистосердечно созналось въ своей винѣ и торжественно клялось предъ св. Евангиліемъ впредь клизмъ никому не ставить. За этимъ процессомъ послѣдовалъ цѣлый рядъ другихъ.—Миръ былъ возстановленъ только въ 1515 году. Университетъ сталъ во главѣ какъ хируговъ, такъ и цирюльниковъ. Хирурги были поставлены выше цирюльниковъ. Предъ хирургами открылись двери университета, предъ цирюльниками двери братства св. Козьмы.

XVI в. является вѣкомъ реформаціи хирургіи. Братство св. Козьмы было преобразовано въ хирургическій коллегіумъ и преподаватели хирургіи въ этомъ коллегіумѣ, по примѣру университета, стали называться профессорами. Хирургія обогатилась крупными открытіями, блестящими обобщеніями, массою важныхъ фактовъ[1]. Наиболѣе крупнымъ представителемъ этой эпохи является *А. Паре*

---

[1]) Stephen Paget, Ambroise Paré and his Times. New-York and London, 1897.

«Около громкаго имени *А. Паре*, говоритъ[1]) *М. Рейно*, группировались имена его славныхъ учениковъ: Пигрей и Гюплю, Демаркъ, Коло, Де-Гиро, Де-Северенъ, Пино и др.; этотъ перечень уже одной своей численностью указываетъ на плодотворность той знаменательной эпохи». Но *А.Паре* не стоитъ совершенно особнякомъ, въ Италіи у него были такіе предшественники какъ Беранже, Карпи, Жанъ Виго и мн. др. Германскія школы, съ Страсбургской во главѣ, могли бы съ гордостью назвать Іеронима Брунтвига, Жана Герсдорфа и мн. др. не менѣе славныхъ именъ.

Но не успѣло смѣниться и двухъ поколѣній врачей, какъ на мѣсто свободнаго изслѣдованія снова былъ поставленъ авторитетъ древнихъ. Съ новою силою возгорѣлась борьба личныхъ интересовъ между докторами и хирургами. Хотя, собственно говоря, борьба не прекращалась и въ теченіе XVI в. Такъ, еще въ 1551 году, благодаря стараніямъ докторовъ парламентомъ было запрещено хирургамъ производить вскрытіе труповъ и вообще заниматься анатоміей иначе, какъ въ присутствіи и подъ непосредственныхъ руководствомъ докторовъ медицины, назначаемыхъ для этого факультетомъ.—Въ концѣ XVII в. борьба эта привела къ тому, что хирурги спустились до уровня цирюльниковъ. На ряду съ хирургіей они стали заниматься также стрижкою и бритьемъ. Таковъ былъ исходъ борьбы продожавшейся лишь съ небольшими перерывами цѣлыя четыре столѣтія.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что пресловутая борьба парижскихъ хирурговъ съ докторами и цирюльниками,

---

[1]) Raynaud Maurice, La Médecine au temps de Molière: Moeurs, institutions, doctrines. Paris, 1866.

есть борьба эгоистическихъ интересовъ, въ которой общіе принципіальные вопросы не играли никакой роли.

Очень видную роль въ Парижѣ играли также баньщики. Въ половинѣ же XVII в., когда вошло въ обыкновеніе носить большіе парики, и парикмахеры стали добиваться правъ, которыми пользовались баньщики и цирюльники, за парикмахерами послѣдовали шапочныхъ дѣлъ мастера. Въ концѣ XVII в. въ Парижѣ весь низшій хирургическій персоналъ образовалъ одну обширную корпорацію подъ именемъ «Communauté des barbiers-perruquiers-baigneurs-étuvistes».

Ассоціаціи, подобныя братству св. Кузьмы въ Парижѣ, имѣвшія своимъ назначеніемъ, съ одной стороны, дать хирургамъ научное объединеніе, а, съ другой стороны, оградить ихъ отъ нападковъ докторовъ и конкуренціи цирюльниковъ, существовали также и во многихъ другихъ городахъ.—Во Франціи первое мѣсто послѣ парижскихъ хирурговъ принадлежитъ хирургамъ города Марселя.

Мы остановимся лишь на тѣхъ сторонахъ въ жизни и дѣятельности марсельскихъ хирурговъ, которые могутъ служить дополненіемъ къ исторіи парижскихъ хирурговъ.

Первыя постановленія, касающіяся врачебной дѣятельности въ Марселѣ, находятся въ общемъ муниципальномъ статутѣ этого города XIII вѣка [1]). Согласно этимъ постановленіямъ доктора и хирурги обязывались клятвою помогать, по силѣ своего разумѣнія, больнымъ, доставлять имъ лекарства и не входить въ соглашеніе съ аптекарями. — Для контроля за дѣятельностью практикующихъ врачей и провѣрки ихъ знаній, ректоромъ или консулами

---

[1]) Histoire analytique et chronologique des Actes et des Délibérations du Corps et du Conseil de la Municipalité de Marseille depuis le X siècle... par Méry et Guindon. Marseille, 1843.

назначались ежегодно два или три доктора. Если врачъ обнаруживалъ недостатокъ знаній, онъ лишался права практики; въ случаѣ нарушенія запрещенія виновный подвергался штрафу въ XL sols; въ случаѣ вторичнаго нарушенія запрещенія онъ изгонялся изъ города [1]).

Въ противоположность Парижу, гдѣ съ самаго начала существовали двѣ корпораціи хирурговъ и цирюльниковъ, въ Марселѣ долгое время существовала одна только смѣшанная корпорація хирурговъ - цирюльниковъ. — Когда возникла эта корпорація доподлинно неизвѣстно. Но важно отмѣтить, что хотя хирурги и цирюльники и принадлежали къ одному и тому же братству, по тѣмъ не менѣе, по крайней мѣрѣ съ XV в., званіе и функція ихъ были далеко не одинаковы. Только очень немногіе члены братства совмѣщали въ себѣ оба званія, sirurgicus et barberius, большинство были или цирюльниками, или хирургами.

Во главѣ всей корпораціи стояли четыре maîtres jurés, выбиравшіеся пожизненно изъ старѣйшихъ мастеровъ хирурговъ. — До XVII в. собранія членовъ братства происходили въ одной изъ церквей Марселя.

Изъ устава 1617 г. мы узнаемъ слѣдующее. Хирурги не имѣли право лечить и производить операціи въ воскресные и праздничные дни (§ 1). — Всѣ мастера, подмастерья и служителя обязаны были вносить ежегодно нѣсколько су въ кассу братства (§ 4). — Собранія членовъ братства происходили уже не въ церкви, а въ госпиталѣ (§ 7). — На серьезныхъ операціяхъ въ госпиталѣ обязаны были присутствовать всѣ подмастерья и ученики. Право практики давалось только послѣ выдер-

---

[1]) Les anciens chirurgiens et barbiers de Marseille par le docteur Alezais. Paris, 1901. P. 7.

жанія установленнаго экзамена (§ 10). — Сапожникамъ, башмачникамъ и «другимъ того же сорта лицамъ, позорящимъ хирургію», запрещалось заниматься хирургіей подъ страхомъ штрафа въ 1000 ливровъ (§ 11). — Вдовамъ мастеровъ разрѣшалось содержать лавочки своихъ умершихъ мужей, но лишь при участіи кого-либо изъ опытныхъ мастеровъ и при непремѣнномъ условіи сохраненія вдовами репутаціи честныхъ женщинъ[1]).

Ко второй половинѣ XVII в. корпорація хирурговъ-цирюльниковъ распалась на двѣ самостоятельныя корпораціи. Хирурги образовали братство св. Кузьмы, цирюльники братство св. Людовика. Для предупрежденія смѣшенія членовъ этихъ двухъ братствъ цирюльники обязались выкрашивать свои лавки въ синій цвѣтъ и вывѣшивать тазовыя кости, окрашенныя бѣлою краскою; хирурги также вывѣшивали тазовыя кости, но окрашенныя въ желтый цвѣтъ[2]). — Послѣ краткаго періода независимаго существованія хирурги и цирюльники снова слились въ одну корпорацію.

Конецъ XVII в. во Франціи отмѣченъ чрезвычайнымъ усиленіемъ вліянія перваго хирурга короля. Ему было дано право назначать во всѣ города государства особыхъ намѣстниковъ для надзора за хирургической практикой. — Въ основу раздѣленія всѣхъ лицъ, занимавшихся хирургіей былъ положенъ совершенно новый принципъ, а именно были образованы двѣ группы хирурговъ: городскихъ и пригородныхъ. Чтобы получить право заниматься хирургіей въ городѣ нужно было сдать установленный экзаменъ, въ пригородѣ же могъ практиковать всякій; для этого не требовалось не только экзамена, но

[1]) Ibid.

[2]) Ibid., p. 27.

даже простого разрѣшенія. Позднѣе хирурги были раздѣлены на мастеровъ большой опытности и мастеровъ малой опытности. Это раздѣленіе было первой прелюдіей раздѣленія всѣхъ представителей врачебной дѣятельности во Франціи на докторовъ медицины и «officiers de santé», существовавшее въ первой половинѣ XIX вѣка.

Въ царствованіе Людовика XIV всѣ медицинскія корпораціи были лишены автономіи и низведены на степень простыхъ административныхъ единицъ.—Новый порядокъ вещей былъ принятъ не сразу. Особенно сильный протестъ былъ оказанъ университетами. Нѣкоторые изъ нихъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ оказывали пассивное сопротивленіе.

На врачебныхъ корпораціяхъ ясно отразилось постепенное ослабленіе духовнаго начала и ростъ централизаціи. Такъ, въ XV вѣкѣ хирурги представляли проекты уставовъ братства на утвержденіе епископу; въ XVII — префекту и, наконецъ, въ 1769 г. лейбъ-хирургу короля.

Въ Германіи медицина развивалась гораздо медленнѣе, чѣмъ во Франціи, что̀ обусловливалось ея общею отсталостью. До XII в. въ Германіи академически-образованные врачи составляли большую рѣдкость; отдѣльные же врачи, находившіеся въ это время при дворахъ государей, принадлежали большею частью къ иностранцамъ, французамъ или итальянцамъ.

Университеты въ Германіи стали основываться только съ половины XIV в. Первый университетъ былъ основанъ Карломъ IV, въ 1348 г., въ Прагѣ. Вслѣдъ затѣмъ были открыты высшія школы въ Вѣнѣ, Гейдельбергѣ, Эрфуртѣ, Базелѣ и проч. Но еще въ серединѣ XVIII в. многіе нѣмецкіе университеты находились въ самомъ жалкомъ состояніи. Такъ, старѣйшій нѣмецкій университетъ въ Прагѣ помѣщался въ такомъ вѣтхомъ зданіи,

что профессоры предпочитали читать лекціи въ собственныхъ квартирахъ. Какъ низко стояли университетскіе преподаватели въ общественномъ мнѣніи, доказываетъ слѣдующій случай. Фридрихъ-Вильгельмъ I, посѣтивъ какъ то университетъ въ Франкфуртѣ на Одерѣ, ради забавы устроилъ между профессорами диспутъ на тему «Умныя мысли о глупости». Трудъ профессорскій оплачивался крайне плохо и профессора были вынуждены искать сторонняго заработка въ торговлѣ различными тайными средствами. Матерьяльное положеніе студентовъ было еще болѣе тяжелымъ. Въ Вѣнѣ, напр., ректоръ университета выдавалъ каждому студенту свидѣтельство на право нищенствовать (*M. Landau*). Нравы студентовъ отличались большою грубостью и распущенностью. Такъ Совѣтъ университета въ Лейпцигѣ въ 1625 г. убѣждалъ студентовъ не разстраивать свадебъ, не толкать прохожихъ, не провожать дѣвушекъ и женщинъ циничными замѣчаніями и не подставлять имъ ножки (*Gebhardt*). Пьянство представляло собою порокъ, которому въ одинаковой степени были подвержены какъ профессора, такъ и студенты.

И при общемъ невысокомъ уровнѣ университетовъ послѣднее мѣсто занимали медицинскіе факультеты. Лишь въ концѣ XVI в. въ протестантскихъ университетахъ, въ Виттенбергѣ, Марбургѣ, Кенигсбергѣ, Іенѣ и др., медицинское образованіе было организовано по образцу, принятому во Франціи и Италіи.—Хирургія въ университетахъ преподавалась только теоретически профессорами, которые обыкновенно сами операцій не производили. — Хирургическая практика находилась въ рукахъ почти исключительно однихъ цирюльниковъ. Хотя цирюльники имѣли право заниматься только малою хирургіей, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ напр. въ С. Германіи,

лечить еще наружныя болѣзни, однако при малочисленности врачей и хирурговъ въ то время не подлежитъ сомнѣнію, что цирюльники часто переступали предѣлы отграниченной имъ сферы дѣятельности и лечили также

Рис. 3. Производство хирургомъ ампутаціи въ началѣ XVI вѣка. Hans von Gersdorf, Feldbuch der Wundartzenei. Strassburg, 1528.

внутреннія болѣзни. Они были настоящими народными лекарями. *Баасъ* называетъ цирюльниковъ «отцами нѣмецкой хирургіи» (Рис. 3 и 4).

Уровень знаній хирурговъ былъ чрезвычайно низокъ. Такъ, по свидѣтельству *Шпренгеля*, когда Матѳей Корвенъ былъ раненъ въ сраженіи съ Молдавами (вѣ-

роятно въ войнѣ 1467 г.), не нашлось ни одного хирурга, который былъ бы въ состоянiи помочь ему. Тогда король приказалъ объявить всюду, гдѣ только возможно,

Рис. 4. Внутреннiй видъ цирюльни въ концѣ XV вѣка.—H. Peters.

что онъ осыпетъ почестями и дарами того, кто вернетъ ему здоровье. Эти обѣщанья привлекли, наконецъ, одного хирурга изъ Эльзаса, который вылечилъ короля и вернулся къ себѣ на родину съ большимъ состоянiемъ.

Въ 1568 г. городской совѣтъ въ Гамбургѣ заключилъ съ хирургомъ Ганземъ Крамеромъ условiе на пять лѣтъ, въ силу котораго Крамеръ обязывался за ежегодное вознагражденiе въ 25 талеровъ прiѣзжать два раза въ годъ въ Гамбургъ и оказывать хирургическую помощь всѣмъ

нуждающимся въ ней. Такъ какъ въ это время въ Гамбургѣ не было недостатка въ хирургахъ, то надо думать, что Крамеръ пользовался въ своей спеціальности большой извѣстностью, и этотъ знаменитый хирургъ оказался не въ состояніи подписать подъ условіемъ своей фамиліи и за безграмотностію поставилъ лишь условный знакъ [1]).

Во многихъ нѣмецкихъ городахъ хирурги издавна образовывали корпораціи, большинство которыхъ имѣло строго ремесленное устройство; уставъ ихъ входилъ въ общее положеніе о цехахъ. Съ врачебными цехами въ самой тѣсной связи находилось преподаваніе хирургіи. Хирургіей, какъ и всякимъ ремесломъ, можно было заниматься не иначе, какъ пройдя установленное ученичество. Мастера-хирурги въ своихъ собраніяхъ пользовались правомъ рѣшать вопросъ, кто удовлетворяетъ требованіямъ самостоятельной практики. Но такъ какъ хирурги сами ничего не знали ни по анатоміи, ни по хирургіи, то въ преподаваніи господствовало самодовольное невѣжество, тупая односторонняя рутина.

Согласно эдикту 1497 г. и другому 1552 г., изданнымъ въ Амстердамѣ, цирюльники обязаны были на экзаменѣ обнаружить умѣніе пускать кровь и пользоваться ланцетомъ. Отъ хирурговъ требовались болѣе разностороннія знанія: они должны были умѣть лечить опухоли, раны, язвы, грыжи, вывихи, производить трепанаціи и быть знакомыми съ нѣкоторыми отдѣлами materia medica [2]).

Въ Германіи, какъ и во Франціи, хирурги вели непрерывную борьбу съ докторами. Цирюльники въ борьбѣ

---

[1]) Hermann Peters, Arzt und Heilkunst. Leipzig, 1900.

[2]) Brouwer Aucher, Onde ordonnantiën betreffende genees,—heel—en verloskundigen, apothekers, kwakzalvers, enz. Nederl. Tijdschr. v. Gen., 1899.

докторовъ и хирурговъ постоянно переходили то на одну сторону, то на другую, но въ концѣ-концовъ они все же стояли ближе къ хирургамъ, чѣмъ къ докторамъ. Отъ сближенія съ цирюльниками хирурги болѣе теряли, чѣмъ выигрывали. Понятіе о хирургѣ въ Германіи такъ сроднилось съ понятіемъ о цирюльникѣ, что одною изъ главныхъ обязанностей военныхъ хирурговъ было брить офицеровъ и солдатъ.

Кромѣ цирюльниковъ, хирургіей занимались также баньщики.

Баньщики издавна пользовались правомъ лечить наружныя болѣзни, «curare ab extra non autem ab intra». Но такъ какъ понятіе «наружныя болѣзни» никогда не опредѣлялось ближе, то обыкновенно баньщики лечили также чуму, проказу, сифилисъ и проч.—Въ С. Германики баньщики стали образовывать гильдіи съ конца XIV в. [1])—Въ имперскомъ городѣ Эслингенѣ баньщики получили правильную организацію въ 1435 г. [2])—Несомнѣнныя указанія на существованіе въ Польшѣ гильдіи баньщиковъ относятся только къ 1575 г. [3])—Въ Баваріи, какъ символъ своей дѣятельности, баньщики вывѣшивали передъ дверями простыню. Тотъ же обычай существовалъ и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстностяхъ.—Въ Франкфуртѣ баньщики имѣли право стричь и брить, но только въ стѣнахъ своихъ бань [4]). Въ Польшѣ баньщикамъ было дано

---

[1]) Otto Bencke, Von den unehrlichen Leuten etc. Berlin, 1889.

[2]) Karl Pfaff. Geschichte der Reichsstadt Esslingen. Esslingen am Neckar, 1840.

[3]) F. L., De la Fontaine, Chirurgisch - medicinische Abhandlungen Polen betreffend. Breslau, 1792.

[4]) W. Stricker, Die Geschichte der Heilkunde und ber verwandten Wissenschaften in der Stadt Fraunkfurt a. M. 1874.

разрѣшеніе ставить банки, но было запрещено стричь, брить и пускать кровь и т. д.

Въ нѣкоторыхъ городахъ на баньщикахъ лежали совершенно чуждыя ихъ ремеслу обязанности. Такъ, напр., въ Краковѣ въ XIV в. баньщики были обязаны принимать участіе въ тушеніи пожаровъ.

Условія жизни въ Англіи въ теченіе среднихъ вѣковъ создали два типа хирурговъ, собственно хирурговъ и цирюльниковъ [1]). Первыя указанія на существованіе въ Лондонѣ корпораціи хирурговъ относятся къ 1369 году, когда четыре хирурга принесли предъ лондонскимъ меромъ присягу въ томъ, что они будутъ правдою служить народу во всѣхъ случаяхъ, когда потребуется ихъ помощь, что они не будутъ слишкомъ дорого брать за леченіе и, наконецъ, что они будутъ подчиняться всѣмъ предписаніямъ мера, касающимся ихъ профессіи. — Первые намеки на борьбу корпораціи хирурговъ съ цирюльниками находятся въ указахъ 1390 и 1410 годовъ, въ которыхъ ясно выражено желаніе оградить хирургію отъ лицъ, не принадлежащихъ къ корпораціи хирурговъ.

Корпорація хирурговъ имѣла свои статуты и регламенты. Ежегодно въ день Козьмы и Демьяна происходило общее собраніе, на которомъ избирались четыре лица для завѣдыванія дѣлами общества. Каждый хирургъ былъ обязанъ вносить въ кассу общества 8 су и кромѣ того помогать всѣмъ недостаточнымъ членамъ братства. Всѣхъ собраній въ теченіе года происходило четыре, на каждомъ изъ нихъ должны были присутствовать всѣ хирурги; неявившійся на собраніе платилъ установленный штрафъ въ пользу кассы взаимопомощи. Хирурги имѣли право держать у себя учениковъ. Послѣдніе послѣ шести лѣтъ обученія подвергались испытанію; выдержавшіе экзаменъ

[1]) Dr. Arcy Power, Jn The Medical Magazine. Londres, 1899.

становились хирургами, невыдержавшіе снова отдавались въ ученичество на 6 лѣтъ. Ученикъ, не выдержавшій экзамена послѣ двѣнадцати лѣтъ обученія хирургіи, лишался навсегда право стать хирургомъ.

О цирюльникахъ извѣстно не много. Для англійскихъ цирюльниковъ очень характернымъ является то, что многіе изъ нихъ были въ то же время городскими привратниками. Это странное на первый взглядъ совмѣщеніе занятій хирургіей съ выполненіемъ обязанностей привратника, обусловливалось, вѣроятно, тѣмъ обстоятельствомъ, что на цирюльникахъ лежала обязанность осматривать всѣхъ входящихъ въ городъ для предупрежденія заноса проказы. Въ 1511 г. престижъ цирюльниковъ былъ значительно подорванъ постановленіемъ парламента, которымъ предписывалось архіепископу, епископамъ и настоятелямъ монастырей экзаменовать цирюльниковъ и контролировать ихъ дѣятельность. Постановленіе это оставалось въ силѣ до 1540 года.

Начало XV в. является очень знаменательнымъ моментомъ въ исторіи англійской медицины. 15 мая 1423 года постановленіемъ лондонскихъ мера и альдерменовъ доктора и хирурги слились въ одну корпорацію подъ управленіемъ «ректора медицины» и четырехъ его помощниковъ, двухъ докторовъ и двухъ мастеровъ-хирурговъ.

Соединенная корпорація докторовъ и хирурговъ помѣщалась въ трехъ домахъ. Въ одномъ производились экзамены, происходили диспуты по философіи и медицинѣ и помѣщалась библіотека. Изъ двухъ другихъ домовъ одинъ находился въ исключительной собственности докторовъ, другой хирурговъ. Предсѣдательствовалъ на собраніяхъ ректоръ медицины, въ случаѣ же его отсутствія, избирался временный предсѣдатель, безразлично докторъ или хирургъ.

Ректоръ долженъ былъ имѣть степень доктора медицины и мастера философіи и искусствъ, только въ крайнемъ случаѣ назначался на эту должность баккалавръ. Если не находилось ни одного лица, удовлетворяющаго этимъ требованіямъ, управленіе факультетомъ временно переходило къ четыремъ помощникамъ ректора.

Чтобы получить право свободной практики, хирургъ долженъ былъ сдать экзаменъ у ректора и двухъ мастеровъ хирургіи, быть выбраннымъ большинствомъ корпораціи и, наконецъ, быть утвержденнымъ меромъ и альдерменами. За нарушеніе этихъ постановленій виновный платилъ 100 шиллинговъ штрафу.

Если хирургъ приглашался къ такому больному, жизни котораго угрожала опасность, онъ обязанъ былъ въ теченіе трехъ дней пригласить на консультацію ректора или одного изъ двухъ старшихъ хирурговъ. За невыполненіе этого требованія виновный платилъ 20 шиллинговъ штрафу. Въ тяжелыхъ хирургическихъ случаяхъ ректоръ обсуждалъ положеніе больного съ двумя хирургами-мастерами.

Хирургъ, совершившій какой-либо проступокъ, позорящій честь сословія, судился меромъ и въ зависимости отъ приговора послѣдняго подвергался штрафу, тюремному заключенію, или даже лишался на время права практики.

Къ ректору медицины и его четыремъ помощникамъ съ теченіемъ времени присоединились два аптекаря, на обязанности которыхъ лежало слѣдить за торговлей лекарственными веществами. Если при осмотрѣ аптекъ, какіе-либо продукты оказывались недоброкачественными, они немедленно выбрасывались на улицу и растаптывались ногами.

Къ сожалѣнію, не сохранилось никакихъ документальныхъ данныхъ о томъ, какъ долго продолжалось это тѣсное единеніе докторовъ и хирурговъ. Но, принимая во вниманіе непрерывныя войны, наступившія въ серединѣ XV в., можно думать, что правильность въ жизни медицинскихъ корпорацій была нарушена и что на первый планъ выступили интересы военной медицины.

Послѣднюю категорію врачебнаго персонала составляли «шарлатаны»; это были лица, не входившія ни въ одинъ изъ цеховъ и нигдѣ не изучавшія медицину. По своему составу группа эта была чрезвычайно пестра; сюда принадлежали пастухи, собиратели червей, искатели золота, кузнецы, охотники, старыя бабы и даже палачи.

Дѣятельность этихъ самозванныхъ врачей была чрезвычайно широка. Такъ напр., герцогъ Людвигъ Вюртембергскій, въ 1580 году, былъ вынужденъ издать особый указъ, запрещающій пастухамъ подавать помощь роженицамъ. Пособіемъ шарлатановъ пользовались не только деревня, но и высшіе слои общества. При Францискѣ I (1515—1547) напр., находился костоправъ на одинаковыхъ правахъ съ образованными лейбъ-хирургами. Такимъ образомъ, разнаго рода проходимцы, обманывающіе себя и другихъ, являлись полноправными конкурентами съ дипломированными докторами, получившими свое образованіе въ университетахъ. «Врачу, говоритъ *Бэконъ*, приходилось оспаривать мѣсто у постели больного у каждаго шарлатана, у всякой старой бабы».—Надо замѣтить, однако, что слово «шарлатанъ» употреблялось въ прошломъ далеко не всегда въ томъ смыслѣ, какъ въ настоящее время. Въ нѣмецкихъ земляхъ, напр., этимъ

именемъ нерѣдко назывались также цирюльники и даже хирурги.

Положеніе низшихъ категорій медицинскаго персонала въ разныхъ мѣстахъ и въ различное время было далеко не одинаковое. Такъ напр., въ С. Германіи баньщики всегда стояли очень низко, въ Южной же Германіи они одно время занимали первое мѣсто послѣ духовенства. [1]) Но въ общемъ хирургія не пользовалась въ Германіи большимъ почетомъ. Такъ въ метрическихъ свидѣтельствахъ, выдаваемыхъ ремесленникамъ, писалось: «рожденъ въ законномъ бракѣ, не имѣетъ въ роднѣ крѣпостныхъ, цирюльниковъ, баньщиковъ и проч». Но, съ другой стороны, надо замѣтить, что къ «безчестнымъ» людямъ въ ранніе періоды средневѣковья въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ Германіи, напр. въ Гамбургѣ, относились представители и многихъ такихъ профессій, по отношенію къ которымъ, повидимому, не могло существовать достаточныхъ основаній къ тому, чтобы считать ихъ таковыми. Такъ напр., къ безчестнымъ людямъ относились: музыканты, ткачи, гробовщики, тюремщики, ночные сторожа, полицейскіе служители, палачи и мн. др.

Значительное улучшеніе въ соціальномъ положеніи хирурговъ наступило подъ вліяніемъ эпидеміи сифилиса, борьба съ которымъ, начиная съ XVI в., велась почти исключительно одними хирургами. Въ древности сифилисъ не былъ извѣстенъ, а потому ученіе древнихъ оказалось совершенно безсильнымъ при появленіи эпидеміи этой новой для Европы болѣзни. Открытіе ртути

---

[1]) G. Lammert, Zur Geschischte des bürgerlichen Lebens und der öffentlichen Gesundheitsplege, sowie insbesondere der Sanitäts-anstalten in Süddeutsanstalten.. Regensburg, p. 188.

дало въ руки хирургамъ могучее терапевтическое средство; блестящіе результаты ртутнаго леченія подняли значеніе хирурговъ и значительно улучшили ихъ общественное и матеріальное положеніе. Хирургамъ удалось утвердиться даже при многихъ дворахъ европейскихъ государей. — Для леченія сифилиса существовали особыя «Schwitzstuben», въ которыхъ цирюльники подвергали сифилитиковъ окуриванію ртутными парами. Ртутныя втиранія производились обыкновенно на дому у паціентовъ.

Для выясненія соціальнаго положенія врачей и хирурговъ въ переходное время между XVII и XVIII вѣками въ разныхъ странахъ мы приведемъ нѣсколько примѣровъ изъ ихъ жизни. Слѣдующіе нѣсколько случаевъ проливаютъ свѣтъ на положеніе въ это время французскихъ хирурговъ.

Въ приморскомъ городѣ Брестѣ по поводу ссылки въ галеры одного солдата возникъ вопросъ, кто долженъ остричь волосы осужденному: хирургъ или цирюльникъ. Флотскіе офицеры утверждали, что это обязанность хирурговъ, но послѣдніе не соглашались съ ними и говорили, что это обязанность цирюльниковъ, такъ какъ они получаютъ особое вознагражденіе за стрижку солдатъ, и что, если стричь осужденнаго позорное дѣло для цирюльника, то оно тѣмъ болѣе позорно для хирурга. Дѣло перешло на рѣшеніе къ министру, который и разъяснилъ что, стричь волосы во всѣхъ случаяхъ обязанность цирюльниковъ.—Въ 1686 году однимъ хирургомъ была подана жалоба самому королю на оскорбленіе, нанесенное ему гардемаринами. По приказанію короля виновные были отправлены на нѣсколько дней подъ арестъ, а затѣмъ должны были извиниться передъ хирургомъ.

Въ двухъ приведенныхъ случаяхъ видно желаніе поддержать достоинство хирурговъ, но это не всегда было такъ. — Около того же времени вдова одного хирурга порта Рошефоръ просила зачислить своего сына въ гардемарины; министръ отказалъ ей, заявивъ, что не можетъ оказать подобной милости сыну хирурга.—Одному хирургу *Віо* въ портѣ Рошефоръ пришла мысль обратиться черезъ министра къ королю съ хвалебными стихами. Министръ счелъ себя оскорбленнымъ и потребовалъ отъ интенданта порта справку о несчастномъ хирургѣ. Интендантъ отвѣтилъ, что *Віо* порядочный хирургъ, но очень плохой стихоплетъ и добавилъ, что онъ сумѣетъ отбить у него охоту обращаться къ министру съ какими бы то ни было сумасбродствами. [1])

Презрительное отношеніе общества къ врачамъ и хирургамъ въ царствованіе Людовика XIV обусловливалось скорѣе общимъ высокомѣріемъ аристократическаго духа, которымъ были проникнуты высшіе классы и больше всего военный классъ, чѣмъ дѣйствительнымъ неуваженіемъ къ врачебной профессіи.

Но и сами доктора стояли въ то время далеко не на высотѣ своего призванія. «Врачи, говоритъ *Кантъ*, [2]) старались повліять на воображеніе больного греко-латинскими терминами и думали, что сдѣлали главную часть дѣла, когда дали то или другое наименованіе болѣзни. Ихъ пилюли, пластыри, клистиры, повторныя кровопусканія безъ вреда для себя могъ выдержать только очень крѣпкій организмъ».

---

[1]) Lefèvre, Histoire du service de santé de la marine. 1876.

[2]) Kant Jun., Versuch über die Krankheiten des Kopfes. Leipsig, 1838.

Какъ бы иллюстраціей къ словамъ Канта служитъ разсказъ знаменитаго Гюи Патена,[1]) современника и противника Гарвея, съ 1650 по 1652 г. декана парижскаго факультета, объ одномъ изъ его паціентовъ, страдавшихъ ревматизмомъ. «Сначала ему было сдѣлано шестьдесятъ четыре кровопусканія, затѣмъ его стали лечить слабительными. Отъ такого леченія больной сталъ быстро поправляться и очень скоро выздоровѣлъ совсѣмъ. Глупцы, ничего не понимающіе въ медицинѣ, думаютъ, что достаточно однихъ слабительныхъ, но они сильно ошибаются, такъ какъ безъ обильнаго кровопусканія, которое уменьшаетъ стремительность блуждающей влаги, опоражниваетъ сосуды и прекращаетъ разстройство печени, порождающее эту влагу, слабительныя совершенно безполезны».

Прекрасную картину чванства докторовъ и хирурговъ, съ одной стороны, и ихъ невѣжества съ другой даетъ художественная литература того времени.

Докторъ Діафуарусъ, въ одномъ изъ безсмертныхъ произведеній Мольера, говоритъ про своего сына Ѳому: «Особенно нравится мнѣ въ немъ то, что онъ, слѣдуя моему примѣру, слѣпо вѣритъ нашимъ древнимъ учителямъ и не придаетъ никакого значенія такъ называемымъ открытіямъ нашего вѣка на счетъ кровообращенія и другимъ воззрѣніямъ и ученіямъ того же сорта».—Беральдъ говоритъ о докторахъ: «все превосходство ихъ науки заключается въ велерѣчивой галиматьѣ, въ ученой болтовнѣ, которая выдаетъ намъ слово за дѣло и обѣщанія за дѣйствительные результаты».—Сганарель, «ученѣйшій докторъ въ царствѣ растительномъ, животномъ и минеральномъ», опредѣляетъ болѣзнь по вкусу мочи. На вопросы Горжебюса онъ отвѣчаетъ наборомъ латинскихъ словъ,

[1]) Lettres choisies de Gui Patin. Nouv. édit. 1692.

когда же дѣло доходитъ до рецепта, онъ въ замѣшательствѣ ищетъ кого-нибудь умѣющаго писать.

Послѣдователь Мольера Лесажъ, писавшій въ то время, когда литературныя теченія вѣка Людовико XIV уже сказали свое послѣдее слово и классическая драма перестала интересовать французское общество, даетъ въ своемъ романѣ приключеній «Жиль Блазъ» въ легкихъ и ясныхъ силуэтахъ далеко непривлекательный образъ врача. Хотя всѣ персонажи «Жиль Блаза» нѣсколько шаржированы, но тѣмъ не менѣе они не лишены жизненности, такъ какъ доводить каждую отрицательную черту до ея трагическихъ послѣдствій совсѣмъ не въ характерѣ творчества Лесажа.

«Санградо приказалъ своему помощнику пустить изъ руки паціента до шести тарелокъ крови для прочищенія потовыхъ проходовъ. Когда эта операція была исполнена, докторъ приказалъ помощнику черезъ три часа повторить эту операцію въ томъ же размѣрѣ и затѣмъ исполнять эту операцію ежедневно, при чемъ заключилъ:

— Напрасно думаютъ, что кровь нужна для сохраненія жизни, чѣмъ больше крови пускать человѣку, тѣмъ лучше для него...

Прописавъ обильныя кровопусканія, Санградо приказалъ намъ безпрестанно поить больного теплой водою, увѣряя, что теплая вода радикальное средство отъ всѣхъ болѣзней. Мы приступили къ нагрѣванію воды и принудили больного выпить сряду три кружки; черезъ часъ начали поить снова, чѣмъ разумѣется произвели въ его желудкѣ страшное наводненіе. Къ нашимъ заботамъ о возстановленіи здоровья хирургъ присовокупилъ свои и въ два дня здоровье больного такъ было нами подвинуто впередъ, что больной дошелъ до крайнихъ предѣловъ ослабленія.

Больной умеръ къ великому удовленію доктора Санградо, который впрочемъ приписалъ смерть не питью воды и кровопусканью, а тому, что мало пускали кровь и мало давали теплой воды». (Рис. 5 и 6).

Рис. 5. Докторъ у постели больной.—Фотогравюра съ картины Jan Steen въ Rijks.-Museum въ Амстердамѣ.

Аптекарь представлялъ собою еще болѣе мрачную фигуру. Стоитъ припомнить только, какимъ рисуетъ его Шекспиръ въ «Ромео и Джульетта». Шекспиръ не сатирикъ и его описанія должны быть очень близки къ дѣйствительности.

Ромео. О бѣднякѣ аптекарѣ я вспомнилъ,
Котораго недавно встрѣтилъ я.
Онъ здѣсь живетъ. Бѣднякъ былъ весь въ лохмотьяхъ,

Съ нависшими бровями, съ дикимъ взоромъ,
И собиралъ какія то онъ травы,
Жестокой вынуждаемъ нищетой.
И бѣдность ту, замѣтивъ, я подумалъ:
Будь нуженъ ядъ кому нибудь теперь,

Рис. 6. Докторъ, изслѣдующій пульсъ у молодой женщины. — Фотогравюра съ картины Jan Steen.

Который продавать подъ страхомъ казни
Запрещено,—бѣднякъ его бы продалъ.

(Переводъ Грекова).

Реклама въ прошломъ была чрезвычайно распространена. Къ какимъ средствамъ прибѣгали странствующіе хирурги для привлеченія паціентовъ, мы уже говорили. Въ концѣ XVIII в. реклама сводилась къ самому грубо-

му самовосхваленію.—Нѣкто Корнелли изъ Милана, напр., обратился въ 1776 г. къ l'Assemblée générole съ просьбою назначить его дантистомъ въ провинцію Эксъ, причемъ въ своего рода corriculum vitae онъ говоритъ, что чувствовалъ влеченіе къ хирургіи съ самаго дѣтства и остановился на зубахъ потому только, что одному человѣку невозможно обнять всей хирургіи. Свои знанія онъ пріобрѣлъ въ самомъ Парижѣ, этомъ міровомъ центрѣ, средоточіи всѣхъ наукъ и искусствъ... По окончаніи курса, влекомый любовью къ своей отчизнѣ, онъ вернулся въ Миланъ, но очень скоро покинулъ его вновь. Очевидно, судьба предназначила его для Экса... Проживъ въ Эксѣ нѣсколько мѣсяцевъ, онъ полюбилъ его жителей и привыкъ къ климату, а главное убѣдился въ томъ, что жители здѣсь на столько просвѣщены, что въ состояніи будутъ оцѣнить его таланты. Одинъ городъ не въ состояніи удовлетворить его жажды дѣятельности и потому онъ проситъ назначить его врачемъ всей провинціи и т. д. (Alezais).

Кромѣ мужчинъ-врачей въ средніе вѣка существовали также женщины-врачи (medicae). Традиціи греко-римской цивилизаціи, культъ Богоматери въ христіанскомъ ученіи, рыцарскій духъ и крестовые походы, все это создавало атмосферу, благопріятную для проявленія лучшихъ сторонъ женской природы. Въ періодъ наибольшаго процвѣтанія Солернской школы женщины принимались въ нее наравнѣ съ мужчинами и притомъ не только въ качествѣ учениковъ, но и преподавателей [1]).—Женщины-преподавательницы существовали также и въ другихъ мѣстахъ. Такъ, въ національномъ Марсельскомъ архивѣ сохранился документъ, который гласитъ, что 28-го августа 1326 г.

---

[1]) Carton, Les femmes écrivains de la France. Paris. P. 28.

Сара de St Gilles, жена Авраама de St Gilles, взяла къ себѣ въ ученики своего соотечественника Сальве, обязавшись въ теченіе семи мѣсяцевъ научить его медицинѣ и физикѣ [1]).—Въ Англіи въ собраніи духовныхъ законовъ короля Эдгара сказано: Possunt et vir et faemina medici esse [2]). Законъ этотъ былъ отмѣненъ только при Генрихѣ V.—Во Франціи женщины-врачи экзаменовались у Maitre en chirurgie наравнѣ съ мужчинами. Въ Лейпцигѣ же еще въ XVII вѣкѣ акушерки экзаменовались женою бургомистра.

Для насъ очень важно отмѣтить, что женщинамъ не была чужда также и хирургія. Такъ, статутъ Парижскаго университета XIII в. гласитъ: «Ни одинъ хирургъ и *ни одна хирургиша* (Cyrurgicus aut Cyrurgica), ни одинъ аптекарь и ни одна аптекарша, ни одинъ цирюльникъ и ни *одна цирюльничиха* не имѣютъ права переступать предѣлы своего ремесла».

Но двери большинства университетовъ были для женщинъ закрыты, что не представляетъ собою впрочемъ ничего неожиданнаго, если припомнить, что въ университеты, вслѣдствіе ихъ духовной организаціи, долгое время не допускались даже женатые мужчины.

Въ Германіи женщинъ врачей было больше, чѣмъ въ какой-либо другой странѣ. Классическимъ городомъ знаменитыхъ женщинъ-врачей былъ Франкфуртъ-на-Майнѣ. Въ этомъ городѣ сохранилось преданіе о многихъ женщинахъ, которымъ городскимъ магистратомъ были ока-

---

[1]) Barthélemy, Les médecins à Marseille avant et pendant le moyen âge. Marseille, 1883.

[2]) Chiapelli, Medicina negli ultimi tre secoli del medio evo. Milan, 1885.

заны различныя почести, дарованы права гражданства, назначены награды и проч. [1]).

Между женщинами, занимавшимися леченіемъ, было особенно много акушерокъ, что обуславливалось тѣмъ, что во многихъ мѣстахъ врачи и хирурги были лишены права заниматься акушерствомъ. Въ Гамбургѣ, напр., въ 1521 г. былъ сожженъ одинъ врачъ за то, что, переодѣвшись акушеркой, оказывалъ помощь роженицамъ.— Въ Селезіи заниматься акушерствомъ было строго запрещено христіанскимъ врачамъ, но этимъ правомъ пользовались евреи [2]).

Хирурги стали призываться къ родамъ только съ первой половины XVII вѣка. Первый примѣръ въ этомъ направленіи подала Италія, за ней очень скоро послѣдовали Франція и Англія. Напротивъ того, въ Германіи хирургамъ удалось утверждаться въ акушерствѣ только во второй половинѣ XVIII в. послѣ упорной борьбы съ повивальными бабками, которыя, по словамъ Welsch'а, «готовы были скорѣе умереть, чѣмъ пригласить врача или хирурга».

Отношеніе къ женщинамъ-врачамъ въ различныхъ странахъ было чрезвычайно различное. Въ Польшѣ, напр., среди женщинъ врачей упоминается Елизавета, сестра Казиміра Великаго, и жена Карла I, короля венгерскаго. Ея имя носитъ даже одно лекарство, «противоревматическая примочка королевы венгерской». Напротивъ того, во Франціи у женщинъ врачей всегда было много враговъ и притомъ нерѣдко среди лучшихъ представителей медицинской профессіи. Такъ, Гюи-де-Шоліакъ горько

---

[1]) Kriegk, Deutsches Bürgerthum im Mittelalter. Francfurt, 1868. I, 7.

[2]) H. Peters. Op. cit. Baas Op. cit.

жаловался на слабость правительства, которое оставляетъ хирургію въ рукахъ этихъ «femmes idiotes»; также энергично выражается Генрихъ изъ Мондевиля, называя ихъ «courtisanes, vieilles femmes» и проч.

Начиная съ XVI в., по свидѣтельству Паскье, женщины, занимавшіяся медициной и хирургіей, составляли рѣдкое исключеніе.

Слѣдуетъ, наконецъ, упомянуть также о врачахъ евреяхъ, которые всегда занимали видное мѣсто въ медицинѣ. Они получали свое образованіе въ особыхъ еврейскихъ школахъ, съ древнѣйшихъ временъ существовавшихъ какъ на востокѣ, такъ и на западѣ. Въ южной Италіи первыя еврейскія школы были основаны въ VII столѣтіи. Хотя на соборѣ въ Вѣнѣ, въ 1217 г., христіанамъ и было запрещено обращаться за помощью къ еврейскимъ врачамъ, но общественное сознаніе оказалось могущественнѣе офиціальнаго постановленія, и больные попрежнему продолжали обращаться къ еврейскимъ врачамъ, въ знаніяхъ и опытности которыхъ они были болѣе увѣрены. Довѣріе къ себѣ евреи внушали, съ одной стороны, своею болѣе обширной эрудиціей, но главнымъ образомъ знаніемъ арабскаго языка въ тѣ времена, когда не существовало другихъ переводовъ Галена и Гиппократа. Постановленіе Вѣнскаго собора нарушали даже папы. Такъ, при Бенедиктѣ XIII (1394) врачомъ состоялъ еврей Іозуа Харлокки, при Львѣ X Самуилъ Саффеди, а Иннокентій VII (1406) даже даровалъ еврейскимъ врачамъ право римскаго гражданства. Въ XII ст. въ Парижѣ почти вся медицинская практика находилась въ рукахъ еврейскихъ врачей [1]); то же самое было, повидимому, и въ Авиньонѣ (V. Dural). Въ 1574 г. въ Франкфуртѣ-на-Майнѣ Аданъ

---

[1]) Hasuer J. V., Prager Vierteljahrschrift, 1866. Bd. 90.

Лонигерусъ былъ единственнымъ христіанскимъ врачомъ; всѣ же остальные его собратья по профессіи принадлежали къ израильской вѣрѣ.

Еврейскихъ врачей было много даже тамъ, гдѣ отношеніе къ нимъ было въ высокой степени враждебнымъ. Такъ, въ Польшѣ евреямъ было запрещено лечить христіанъ подъ угрозою тюрьмы, публичнаго бичеванія и изгнанія изъ страны, и тѣмъ не менѣе въ Польшѣ никогда не было недостатка въ еврейскихъ врачахъ и хирургахъ, а въ Украйнѣ, юго-восточной области тогдашней Польши, медицина въ это самое время находилась почти исключительно въ рукахъ однихъ только евреевъ. Лишь позднѣе, когда волна религіозной нетерпимости поднялась выше и начались гоненія на евреевъ, послѣдніе были вытѣснены также и изъ медицины.

Обособленность хирурговъ и терапевтовъ существовала и въ теченіе XVIII в. Первые попрежнему считались людьми науки, вторые ремесленниками. Терапевты пользовались всѣми благами университетскаго образованія, хирурги, отвергнутые университетомъ, въ значительномъ большинствѣ случаевъ ютились въ цирюльняхъ, брадобрейняхъ и баняхъ. Достаточно заглянуть въ литературу того времени, чтобы увидѣть, съ какимъ тономъ превосходства, съ какимъ высокомѣрнымъ презрѣніемъ, порой даже насмѣшливымъ пренебреженіемъ, обращались доктора съ хирургами. И это несмотря на то, что еще въ XIII в. Лафранши писалъ: «Доктора не производятъ операцій, будто бы потому, что считаютъ хирургію для себя слишкомъ низкимъ занятіемъ, но на самомъ дѣлѣ только потому, что совершенно незнакомы съ ней. А между тѣмъ, кому неизвѣстно, что нельзя быть хорошимъ терапевтомъ, не имѣя свѣдѣній по хирургіи, и хорошимъ хирургомъ, не зная внутреннихъ болѣзней. Короче го-

воря, знакомство съ обоими отдѣлами медицины одинаково необходимо какъ врачу, такъ и хирургу» (Malgaigne).

Въ XVIII в. главнымъ источникомъ недоразумѣній и вражды между докторами и хирургами служило право и даже обязанность первыхъ контролировать дѣятельность послѣднихъ. Знанія докторовъ въ хирургіи были исключительно теоретическія, книжныя. Знаменитый *Галлеръ*, профессоръ хирургіи въ Гетингенскомъ университетѣ, въ теченіе всей своей жизни, какъ онъ самъ сознавался, не произвелъ ни одной даже самой незначительной операціи на живомъ человѣкѣ. Хирурги, сознавая свое превосходство въ вопросахъ практической хирургіи надъ докторами, тяготились своей зависимостью отъ нихъ и при всякомъ удобномъ случаѣ указывали на ненормальность такого положенія вещей. Доктора ставили въ вину хирургамъ ихъ низкій уровень общаго развитія и въ то же самое время всѣми силами противодѣйствовали стремленію хирурговъ проникнуть въ университеты, не останавливаясь даже передъ абсурднымъ утвержденіемъ, что высшее образованіе принесетъ только вредъ хирургамъ, такъ какъ оно несовмѣстимо съ занятіемъ хирургіей. При этомъ они ссылались на то, что *Мальвалъ* и *Пти*, которымъ такъ многимъ обязана хирургія, вышли изъ среды цирюльниковъ и не знаютъ латыни, тогда какъ *Кеснай* и *Эвенъ*, ученые секретари академіи, сидятъ безъ практики. Далѣе доктора ссылались на историческое прошлое, говорили, что раздѣленіе хирургіи и внутренней медицины кроется въ самой природѣ вещей и т. д. Такъ *Потери* писалъ [1]: «непроходимая пропасть раздѣляетъ медицину и хирургію, и невозможно допустить, чтобы когда либо произошло сліяніе этихъ двухъ наукъ, цѣли

---

[1]) *Lefèvre*, Op. cit., p. 243.

которыхъ діаметрально противоположны. Цѣль хирургіи разрушать, цѣль медицины возсоздавать, возстановлять, соединять».

Споръ о взаимномъ отношеніи хирурговъ и ученыхъ врачей вызвалъ появленіе безчисленнаго множества Réflexions, Notes, Mémoires, Requêtes и т. д., въ которыхъ все тотъ же вопросъ обсуждался со всевозможныхъ точекъ зрѣнія. Когда въ 1774 г. Модереръ, профессоръ хирургіи въ Фрейбургѣ, въ своей вступительной рѣчи коснулся вопроса о необходимости соединенія медицины и хирургіи, онъ вызвалъ взрывъ негодованія среди студентовъ. Но Модереръ остался вѣрнымъ своему утвержденію и дѣлалъ все, что могъ, чтобы разсѣять существующее заблужденіе относительно хирургіи. Въ 1796 г., прощаясь со студентами, онъ напомнилъ имъ объ инцидентѣ, къ которому повела его первая лекція, и выразилъ твердое убѣжденіе, что наступитъ, наконецъ, день, до котораго онъ, вѣроятно, не доживетъ, когда произойдетъ сліяніе обѣихъ научныхъ дисциплинъ. Студенты устроили передъ его домомъ кошачій концертъ и потребовали черезъ депутацію, чтобы онъ извинился.

Въ 1797 г. академія въ Эрфуртѣ объявила премію на тему, необходимо ли и возможно ли соединеніе медицины и хирургіи какъ въ теоретическомъ, такъ и практическомъ отношеніи. Изъ 14 авторовъ, отвѣтившихъ на эту тему, 12 высказались за соединеніе, 1 противъ соединенія и, наконецъ, 1 не пришелъ ни къ какимъ опредѣленнымъ выводамъ. Мудрые члены академіи присудили премію въ 20 дукатовъ автору, высказавшемуся противъ соединенія. Но, несмотря на всю ожесточенность борьбы, такихъ врачей, которые подобно *A. Richter*'у (Bd. IX. S. 191.) утверждали, что никто не можетъ быть хоро-

шимъ хирургомъ, не будучи въ то же самое время врачемъ, становилось все больше и больше.

Въ свою защиту хирурги говорили, что искусство врачеванія одно, что оно нераздѣльно, что обособленность хирургіи и внутренней медицины принесла неисчерпаемый вредъ какъ той, такъ и другой и, наконецъ, что обвиненія, выставляемыя обыкновенно противъ хирургіи, должны быть приписаны не самой хирургіи, а невѣжеству и низкому уровню развитія хирурговъ. Въ 1789 г. хирурги порта Брестъ обратились къ національному собранію съ петиціей, въ основу которой былъ положенъ принципъ, заимствованный изъ «Деклараціи правъ человѣка», что «соціальныя различія должны основываться на пользѣ, приносимой обществу». Они требовали: 1) чтобы положеніе хирурговъ опредѣлялось услугами, оказываемыми ими государству, 2) чтобы имъ была дана возможность пріобрѣтать знанія, необходимыя для успѣшнаго выполненія ихъ спеціальности, и 3) чтобы имъ былъ открытъ доступъ, путемъ постепенныхъ іерархическихъ повышеній, къ высшимъ ступенямъ въ государствѣ. Эту петицію хирурговъ города Бреста поддерживало все населеніе этого города.

Во Франціи въ XVIII в. первая крупная побѣда была одержана хирургами въ 1724 г., когда благодаря стараніямъ лейбъ-хирурговъ *Марешаля* и *Ла-Пейрони* при Collège de St. Côme было учреждено пять каѳедръ: по анатоміи, теоретической и практической хирургіи, оперативной техникѣ и акушерству. Еще сильнѣйшій ударъ былъ нанесенъ факультету основаніемъ въ 1731 г. хирургической академіи. Хирургическая академія сдѣлалась объединяющимъ центромъ не только для Французскихъ, но и иностранныхъ хирурговъ. Послѣ «Arrêt du conseil d'état», даннаго 12 апрѣля 1749 года, отъ прежней

зависимости хирурговъ отъ медицинскаго факультета сохранилась только обязанность хирургической академіи представлять ежегодно медицинскому факультету списокъ хирурговъ. Хирургическая академія пользовалась всѣми правами и привилегіями медицинскаго факультета, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ стояла даже выше послѣдняго. Такъ, степень «Maître en chirurgie» могъ имѣть только тотъ, кто уже имѣлъ степень «Maître des arts». Съ самаго своего возникновенія хирургическая академія проявила въ высокой степени интенсивную дѣятельность. Ежегодно объявлялись темы на конкурсныя сочиненія, отдѣльнымъ изслѣдователямъ оказывалась матеріальная поддержка, при академіи издавались мемуары, въ которыхъ печатались всѣ выдающіяся изслѣдованія и наблюденія. Все это ни могло не повліять самымъ благотворнымъ образомъ на разработку и научное обоснованіе хирургіи и въ свою очередь не отразиться на положеніи хирурговъ. Это былъ періодъ наивысшаго процвѣтанія Французской хирургіи. Медицинскій факультетъ потерялъ свое вліяніе на образованіе хирурговъ почти совершенно.

Когда въ концѣ XVIII в. подъ вліяніемъ безпредѣльной вѣры въ могущество человѣческаго разума были подвергнуты коренной ломкѣ всѣ устои государственной и общественной жизни, общей участи не избѣжала и медицина.

Въ большей части проектовъ преобразованія медицинскаго устройства страны признавалась необходимость полнаго равноправія внутренней медицины и хирургіи. За единство медицины и хирургіи высказывались такіе авторитеты, какъ королевское общество врачей, знаменитый хирургъ *Пти*, *Гильотинъ*, имя котораго связано съ такимъ печальнымъ изобрѣтеніемъ, и мн. др.

Но политическій фанатизмъ, овладѣвшій всѣми слоями общества, отодвинулъ на второй планъ даже наиболѣе высокія побужденія человѣческаго духа. Врачи принимали самое живое участіе во всѣхъ политическихъ движеніяхъ: въ національномъ собраніи находилось 17 врачей, въ законодательномъ собраніи 1791 г.-22 врача, въ конвентѣ 1792 г.-39 врачей и т. д. Но за то и господству террора врачи принесли обильную дань: 104 врача были казнены, 328 врачей и 540 хирурговъ изгнаны изъ Франціи.

Если всѣ формы неравномѣрнаго распредѣленія благъ культуры создаютъ рознь классовъ, то нигдѣ эта рознь не проявляется съ такою яркостью, какъ въ случаѣ неодинаковыхъ правъ на образованіе. До французской революціи право поступленія въ университеты было монополизировано правящими классами, они одни жили духовными интересами, весь же остальной народъ оставался совершенно чуждымъ знанію. Отсюда та глубокая ненависть, какую проявили революціонные дѣятели по отношенію ко всѣмъ представителямъ свободныхъ профессій и, въ частности, къ врачамъ. Даже ореолъ учености, окружавшій Лавуазье, не спасъ его отъ эшафота.—Революція, пишетъ *Сабатье*, уничтожила все: «Depuis le trône jusqu'à l'humble chaire du professeur et la banquette de l'étudiant».

БИБЛ... ГИНЕКОЛОГ. ИНСТИТ...

Теоретики конца XVIII в. были также противъ врачей, такъ *Жанъ-Жакъ Руссо* писалъ въ это время: «Vis selon la nature, sois patient et chasse les médecins, tu n'éviteras pas la mort, mais tu ne la sentiras pas qu'une fois». «Природа не знаетъ болѣзней - этихъ злѣйшихъ враговъ человѣческаго счастія; почти всѣ они созданы нами самими и являются печальнымъ плодомъ противоестественныхъ отношеній нашей среды. Можно сказать,

что исторія гражданскихъ обществъ есть въ то же время исторія человѣческихъ болѣзней» [1]).

Очень распространено было въ то время мнѣніе, что врачу медицинскія знанія не необходимы, а нужны лишь особыя врожденныя свойства. Сторонники подобныхъ воззрѣній проповѣдывали, что врачомъ нужно родиться, а сдѣлаться имъ нельзя. Такъ *Іоаннъ Циммерманъ*, горячій послѣдователь Кантовской философіи и ученикъ великаго Галлера, въ третьей книгѣ своего многотомнаго труда говоритъ: «Ни чтеніе, ни трудъ, ни упражненіе не могутъ сдѣлать человѣка искуснымъ врачомъ, если въ самой организаціи его не кроются особые къ тому задатки».— *Кабанисъ*, другъ Мирабо и Кондорсе, большой знатокъ изящной литературы, былъ убѣжденъ, что «вражденному» врачу достаточно бросить бѣглый взглядъ на больного, чтобы опредѣлить болѣзнь и назначить вѣрное леченіе [2]).— *Труссо* сравнивалъ медицину съ живописью, а врача съ художникомъ. Наука полезна, но играетъ лишь второстепенную роль, главное кроется въ личныхъ свойствахъ врача.—Понятно, что подобное ученіе должно было прійтись всего болѣе по сердцу натурамъ инертнымъ.

Подъ вліяніемъ подобной проповѣди и вслѣдствіе желанія вернуться къ первобытному состоянію въ медицинѣ такъ же, какъ въ религіи и морали, въ 1792 г. были закрыты всѣ университеты и медицинскія школы. Въ конвентѣ дебатировался даже вопросъ, не слѣдуетъ ли съ врачами поступить такъ же, какъ съ духовенствомъ, «такъ какъ всѣ врачи шарлатаны».

---

[1]) Rousseau, Emile. Ed. Deux-ponts, 1782. P. 35-88.

[2]) Traité de physique et de morale de l'homme. Paris, 1802.

Понятно, что, оставшись безъ врачебной помощи, нація очень скоро убѣдилась въ ненормальности такого положенія вещей. Въ 1794 г. были вновь основаны медицинскія школы съ трехлѣтнимъ курсомъ для приготовленія военныхъ врачей и вмѣстѣ съ тѣмъ было дано право медицинской практики всѣмъ желающимъ. Въ 1797 г. декретомъ Наполеона были возстановлены медицинскіе факультеты, а въ 1803 г. былъ отмѣненъ законъ 1794 года, разрѣшавшій всякому желающему заниматься медициной, и для полученія права медицинской практики были установлены опредѣленные экзамены (*Pouschmann*).

Во вновь открытыхъ медицинскихъ факультетахъ хирургія заняла совершенно равноправное положеніе съ внутренней медициной.

Кромѣ медицинскихъ факультетовъ были открыты еще особыя медицинскія школы, окончившіе въ которыхъ имѣли право лечить только въ деревнѣ. Возникновеніе низшихъ медицинскихъ школъ было обусловлено существовавшимъ въ то время предубѣжденно-идеалистическимъ взглядомъ на деревню и ея обитателей. Такъ *Карре*, защищая мысль о необходимости менѣе ученыхъ врачей, спеціально для деревни, утверждалъ, что деревенскіе жители, отличаясь отъ городскихъ болѣе чистыми нравами, заболѣваютъ менѣе сложными болѣзнями, требующими отъ врача менѣе знаній и опытности.

Такимъ образомъ въ началѣ XIX ст. во Франціи окончательно исчезло средневѣковое дѣленіе представителей медицинской профессіи на докторовъ, хирурговъ и цирюльниковъ, а взамѣнъ того возникло новое дѣленіе на городскихъ и сельскихъ врачей.

Въ Лондонѣ въ первую половину XVIII в. цирюльники были совершенно вытѣснены изъ хирургіи. И самая

хирургія подверглась полному превращенію. *Потъ* и *Гунтеръ* являются двумя наиболѣе выдающимися представителями этого періода въ исторіи хирургіи. Для *Чезельдена* хирургія была еще только ремесломъ, *Потъ* же и *Гунтеръ* создали, такъ сказать, хирургическую патологію. Въ концѣ XVIII ст. англійскіе хирурги занимали очень видное общественное положеніе. *Ц. Хавкинъ* былъ первый, изъ хирурговъ возведенный въ баронское достоинство. Но, какъ мы видѣли выше, англійскіе хирурги всегда стояли въ общественномъ мнѣніи выше хирурговъ на континентѣ. Обусловливалось это тѣмъ, что въ Англіи никогда не существовало рѣзкаго антагонизма между хирургами и докторами, и занятію хирургіей посвящали себя обыкновенно люди съ болѣе высокимъ уровнемъ общаго развитія и съ болѣе обширными знаніями по анатоміи, чѣмъ въ какомъ-либо государствѣ на материкѣ.

Въ Германіи въ 1714 г. было основано Collegium medico-chirurgicum. Но подъемъ хирургіи въ Германіи начался только съ основанія въ 1795 г. Pepinière, преобразованнаго позднѣе въ Friedrich-Wilhelms-Institut. Для нѣмецкой хирургіи весьма характернымъ является то, что она примкнула не къ французской, а къ англійской школѣ. Своимъ сближеніемъ съ англійскою школою нѣмецкая хирургія была обязана главнымъ образомъ *А. Г. Рихтеру*. Ему же принадлежитъ слава созданія въ Германіи перваго печатнаго органа по хирургіи, «Chirurgische Bibliothek», благодаря которому нѣмецкіе хирурги знакомились съ дѣятельностью иностранныхъ хирурговъ. Цирюльники существовали въ теченіе всего XVIII ст., но уже въ первой четверти вѣка для нихъ былъ установленъ особый экзаменъ, который они обязаны были сдавать при хирургическомъ коллегіумѣ.

Въ Австріи высшее развитіе хирургіи началось съ основанія императоромъ Іосифомъ II, въ 1780 г., при Гумпендорфскомъ госпиталѣ медико-хирургической школы, которая въ 1785 г. получила самостоятельное помѣщеніе и стала называться хирургической академіей.

Такимъ образомъ, послѣ цѣлыхъ вѣковъ самыхъ ожесточенныхъ споровъ и пререканій въ началѣ XIX в. для хирургіи началась новая эра, на нее были распространены принципы научнаго изслѣдованія и мѣсто рутинера-эмпирика занялъ хирургъ, воспитанный на точныхъ методахъ естественныхъ наукъ.

Исторія развитія госпитальнаго ухода.

Отношеніе къ больнымъ древнихъ евреевъ.—Различные виды ухода за больными у грековъ и римлянъ.—Измѣненія, происшедшія въ отношеніи къ больнымъ и слабымъ подъ вліяніемъ христіанскаго ученія.—Первыя христіанскія больницы.—Средніе вѣка: рыцарскіе и монашескіе ордена, лапрозеліи, бани, пріюты для душевно-больныхъ.—Наиболѣе извѣстныя лечебныя заведенія въ прошломъ.—Больницы въ старинной Россіи.—Состояніе больницъ въ XVII и XVIII вв.

Первыя попытки госпитальнаго ухода существуютъ уже у первобытныхъ племенъ, онѣ описаны Hasselt'омъ, Saffrау [1]) и другими. Но такъ какъ подобнаго рода свидѣтельства очень малочисленны, то мы и не станемъ на нихъ останавливаться, а перейдемъ прямо къ древнимъ цивилизаціямъ.

Въ Вѣтхомъ Завѣтѣ мы не встрѣчаемъ никакихъ указаній на существованіе больницъ, что̀ находится въ полномъ согласіи съ отношеніемъ закона Моисеева къ медицинѣ вообще.

Напротивъ того, вопросы общественной гигіены разработаны въ Библіи такъ тщательно, что не оставляли желать ничего большаго. Проступокъ противъ общественной гигіены карался, какъ самое тяжелое преступленіе.

2) Или если прикоснется къ чему нибудь нечистому, или къ трупу звѣря нечистаго, или къ трупу гада нечистаго, но не зналъ того, то онъ нечистъ и виновенъ.

[1]) Voyage à la Nouvelle-Grenade. Tour de monde. 1872. II, p. 96.

3) Или если прикоснется къ нечистотѣ человѣческой, какая бы то ни была нечистота, отъ которой оскверняются, и онъ не зналъ того, но послѣ узнаетъ, то онъ виновенъ въ томъ [1]).

И сказалъ Господь Моисею, говоря:

2) повели сынамъ Израилевымъ выслать изъ стана всѣхъ прокаженныхъ, и всѣхъ имѣющихъ истеченіе, и всѣхъ осквернившихся отъ мертваго,

3) и мужчинъ и женщинъ вышлите, за станъ вышлите ихъ, чтобы не оскверняли они становъ своихъ, среди которыхъ Я живу [2]).

Больной, изгнанный изъ города, предоставлялся самому себѣ и могъ вернуться къ общежитію только въ томъ случаѣ, если кѣмъ либо изъ левитовъ былъ установленъ фактъ его выздоровленія.

Чего именно добивался законъ Моисеевъ, ясно выражено во второй книгѣ пятикнижія (15, 26). «Если ты будешь внимать заповѣдямъ Его, и соблюдать всѣ уставы Его, то не наведу на тебя ни одной изъ болѣзней, которыя навелъ я на Египетъ».

«Наши города, говоритъ Маймонидъ, были чисто содержимы. Не только гробницъ, но даже труповъ животныхъ не было въ нихъ; здѣсь не видно было никакой нечистоты; и эти кучи сору, которыя заражаютъ воздухъ столькихъ благоустроенныхъ городовъ, не были здѣсь терпимы».

Такимъ образомъ, насколько неумолимы были послѣдователи закона Моисеева къ индивидуальнымъ страданіямъ, настолько же требовательны были они по отношенію къ государственнымъ интересамъ. Интересы общественной

[1]) Левитъ, гл. 8.

[2]) Числа, гл. V.

безопасности совершенно заслоняли собою интересы личности. Вотъ почему больные не лечились, а изгонялись.

Своимъ отношеніемъ къ больнымъ много сходнаго съ еврейскимъ народомъ представляютъ греки и римляне. Особенно видное мѣсто принадлежало въ античномъ мірѣ культу Эскулапа.

Такъ какъ въ храмы этого бога собирались больные со всѣхъ концовъ языческаго міра, то между учеными долгое время существовали споры о томъ, могутъ ли быть сравниваемы храмы Эскулапа съ современными больницами, или, по крайней мѣрѣ, не развился ли госпитальный уходъ за больными изъ пребыванія послѣднихъ въ храмахъ Эскулапа.

Взглядъ на языческіе храмы, какъ на учрежденія аналогичныя христіанскимъ больницамъ, былъ высказанъ еще въ XVI в. *Меркуріалисомъ* [1]), позднѣе въ томъ же смыслѣ высказывались *Бэттигеръ* [2]), *Шейдеръ* [3]), *Шуланъ* [4]) и др.

Напротивъ того *Перси* и *Виломъ* [5]), ознакомившись съ этимъ вопросомъ на основаніи многочисленныхъ документальныхъ данныхъ, пришли къ выводу, что между древними языческими храмами и современными больницами не существуетъ никакого сходства. Тѣхъ же воззрѣній держатся *Готье* и *Геккеръ*. По мнѣнію *Готье* [6]),

---

[1]) Mercurialis, Variarium lectionum in medicinae scriptoribus et aliis libri V. Basil, 1576.

[2]) Sprengel, Beitraege zur Geschichte der Medicin. Halle, 1794. T. II.

[3]) Ueber Errichtung von Krankenhausern in den Amtsstaedten. 1838.

[4]) Ueber den Animalischen Magnetismus. Dresden, 1842.

[5]) Percy et Willaume, Les anciens avaient ils des etablissements publics en faveur des indigents, des enfants orphelins ou abandonnés, des malades et de militaires blessés etc. 1813.

[6]) Recherches historiques sur l'exercice de la médecine dans les temples etc. Paris et Lyon, 1844.

если жрецы и занимались леченіемъ больныхъ, то смотрѣли они на это лишь, какъ на побочное занятіе, дающее имъ возможность привлекать пожертвованія и этимъ путемъ обогощать храмы.

√Изъ храмовъ Эскулапа наибольшею извѣстностью пользовались находившеяся въ Эпидаврѣ, Аѳинахъ, Пергамѣ и Смирнѣ. Всѣ они строились обыкновенно въ живописной здоровой мѣстности и были окружены тѣнистыми рощами; очень часто по близости ихъ находились минеральные источники. Леченіе было почти исключительно діэтетическимъ и состояло въ омовеніяхъ, очищеніяхъ, жертвоприношеніяхъ, молитвахъ и т. п. [1]).

Больные оставались въ храмѣ обыкновенно не болѣе одной, двухъ ночей, только для богатыхъ людей дѣлалось иногда исключеніе. По свидѣтельству *Паузанія* [2]), въ храмы совершенно не допускались беременныя женщины и умирающіе. Если больной не могъ итти въ храмъ самъ, вмѣсто него шли его родственники или друзья. Наконецъ, въ тѣ же храмы нерѣдко обращались за совѣтами совершенно чуждыми медицинѣ, какъ напр., въ тѣхъ случаяхъ, когда государству угрожала опасность [3]).

Такимъ образомъ мы видимъ, что языческіе храмы, въ которые не принимались лица, наиболѣе нуждающіяся въ медицинской помощи, гдѣ больные оставались не болѣе одной-двухъ ночей и куда вмѣсто больныхъ нерѣдко являлись ихъ родственники и друзья, представляли учрежденія sui generis, которыя никоимъ образомъ не могутъ итти въ сравненіе съ современными больницами.

---

[1]) Morignan Albert, La médecine dans l'église au sixième siècle.— Mem. pour servir à l'histoire de la civilisation en France. Paris, 1887.

[2]) Pausanias, Descriptio Atticae. Lib. II, c. 26.

[3]) Cicero, de divinatione. Lib. I, c. 43.

Храмы египетскихъ боговъ Изиса, Озириса, Сераписа и др. представляютъ полную аналогію съ храмами Эскулапа, а потому мы и не станемъ останавливаться на нихъ [1]).

Очень важную роль въ санитарно-врачебномъ отношеніи играли въ древности бани. Первыя указанія на существованіе бань мы встрѣчаемъ еще въ легендарныхъ сказаніяхъ народовъ. Одиссей такимъ образомъ описываетъ свое пребываніе у Цирцеи: «Стала сама, изъ котла подливая воды вскипяченной въ свѣжую воду, плеча орошать мнѣ и голову теплою влагой: и тѣмъ прекратилось томившее духъ разслабленіе тѣла» [2]). Греки, какъ это видно изъ сочиненія Гиппократа, придавали большое профилактическое значеніе пользованію банями. У афинянъ бани строились рядомъ съ гимназіями и составляли часть ихъ.—У римлянъ въ отдаленнѣйшія времена бани, теплыя и холодныя, были частныя. При императорахъ термы строились почти со сказочнымъ великолѣпіемъ, онѣ заключали въ себѣ гимнастическіе залы, читальни, библіотеки и проч. Агриппа открылъ первыя даровыя термы на Марсовомъ полѣ. Близъ нихъ Неронъ выстроилъ свои термы; Титъ выстроилъ термы въ Эсквилинѣ. Ихъ примѣру слѣдовали Троянъ, Коммодъ и др. Діоклетіаномъ были выстроены обширнѣйшія термы между Виминаломъ и Квириналомъ. Въ пруду при нихъ могло купаться до 3000 человѣкъ.—Но, разумѣется, при изнѣженности и распущенности римскаго общества того времени, бани удовлетворяли далеко не всѣмъ требованіямъ гигіены и нравственности и, подобно храмамъ Эскулапа, стоятъ очень далеко отъ современныхъ лечебныхъ заведеній.

---

[1]) Gauthier, Auguste, op. cit., chap. VI.

[2]) Одиссея, пѣснь X.

Гораздо ближе къ больницамъ, въ современномъ смыслѣ этого слова, стояли такъ-называемыя valetudinaria. Находились valetudinaria въ ведѣніи «Susceptores», а принятыя въ нихъ лица назывались «suscepti». Путешественники и иностранцы находили здѣсь убѣжище и уходъ въ случаѣ болѣзни; сюда же отправлялись и заболѣвшіе рабы, если владѣлецъ ихъ не могъ или не хотѣлъ лечить ихъ у себя на дому.

Нѣкоторыя valetudinaria пользовались большою извѣстностью; такъ, одно время больные въ большомъ числѣ стекались въ valetudinarium на Ацилійскомъ перекресткѣ, гдѣ лечилъ знаменитый Архагатъ, сынъ Лизанія, переселившійся изъ Греціи въ Римъ въ 214 г. до Р. Х. Въ valetudinaria врачи собирались иногда также для обсужденія положенія того или другого больного, при чемъ споры нерѣдко достигали такого оживленія, что переходили въ рукопашную. «Ut non raro super aegrotos digladiarentur», говоритъ Цицеронъ.

Нѣкоторые богатые и болѣе извѣстные граждане содержали свои собственныя valetudinaria, другіе же отсылали своихъ заболѣвшихъ рабовъ на островъ Tiberine и оставляли ихъ тамъ на произволъ судьбы до полнаго выздоровленія. Императоръ Клавдій даровалъ свободу всѣмъ рабамъ, которыхъ ихъ владѣльцы, отказавшись лечить, отправляли на островъ Тиберинъ. Впрочемъ, надо замѣтить, что обычай отсылать больныхъ рабовъ на упомянутый островъ существовалъ только въ періодъ наивысшей порчи нравовъ, когда человѣческая жизнь цѣнилась такъ низко, что зачастую служила предметомъ праздной забавы.

Въ Помпеѣ сохранились развалины большого зданія, надъ входомъ въ которое красуется надпись valetudinarium и

нѣсколько дальше salus, а между этими двумя словами находится изображеніе змѣи.

Большинство валетудинарій находилось вблизи цирковъ и амфитеатровъ и предназначалось главнымъ образомъ для раненыхъ и выбившихся изъ силъ атлетовъ.

Среди лицъ, занимавшихся леченіемъ въ этихъ учрежденіяхъ, громкія имена составляли большое исключеніе, напротивъ того нерѣдко въ нихъ совсѣмъ не было врачей, и лечили больныхъ совершенно невѣжественные «scriptores unguentarii», родоначальники будущихъ цирюльниковъ, стяжавшихъ себѣ такую печальную извѣстность въ средніе вѣка.

Въ IV кн., 62 и 63 главахъ, своихъ анналовъ Тацитъ описываетъ ужасную катастрофу, происшедшую въ амфитеатрѣ Фиденъ во время представленія въ консульство М. Люцинія и Л. Кальпурнія. Число жертвъ этой катастрофы простиралось до 50000. Больные, которымъ не хватило мѣста въ валетудинаріяхъ, были размѣщены по частнымъ домамъ.—Свидѣтельство Тацита имѣетъ огромную важность; оно доказываетъ, что въ то время не существовало другихъ болѣе совершенныхъ лечебныхъ заведеній, ибо въ противномъ случаѣ римскій историкъ не приминулъ бы объ нихъ упомянуть.

«Неоспоримѣе всего доказывается отсутствіе больницъ въ до-христіанское время, говоритъ *Гезеръ*, тѣмъ изумленіемъ которое язычники испытывали при взглядѣ на первыя учрежденія этого рода».

Большинство названій, дававшихся христіанскимъ благотворительнымъ учрежденіямъ, представляютъ собою производныя четырехъ словъ: болѣзнь, лечить, принимать и питать. Отсюда nosocomia больницы; gerocomia, а равно gerotropchia, gerosrophia пріюты для стариковъ; orphano-

trophia пріюты для дѣтей; ptochotrophia пріюты для бѣдныхъ; prosocmia для чесоточныхъ и т. д.

Названіе эти не встрѣчаются ни у одного автора до христіанской эры и *Рубо* видитъ [1]) въ этомъ также доказательство позднѣйшаго происхожденія тѣхъ учрежденій, которымъ эти названія были присвоены.

Отсутствіе у грековъ и римлянъ заботы о больныхъ и обездоленныхъ, по нашему мнѣнію, надо искать въ ихъ соціальной организаціи и этическихъ воззрѣніяхъ.

Античная культура покоилась на убѣжденіи въ естественности и справедливости рабства, на національной обособленности и главное на поглощеніи личности государствомъ, самоотверженное служеніе которому считалось цѣлью и смысломъ жизни каждаго гражданина. Отсюда цѣлый рядъ мѣропріятій, клонившихся къ улучшенію человѣческой породы, но совершенно пренебрегавшихъ индивидуальными страданіями, отсюда отсутствіе всякой организаціи, направленной на то, чтобы уменьшить скорбь, смягчить страданіе, ослабить нищету и вообще удалить всякое бѣдственное состояніе.

Только въ христіанствѣ нравственное чувство восторжествовало надъ религіознымъ фанатизмомъ и національнымъ эгоизмомъ. Христіанское ученіе, требовавшее, чтобы каждый «узналъ подобнаго себѣ въ убогомъ варварѣ, въ рабѣ», сгладило всѣ политическія, общественныя и національныя неравенства, поставило человѣка выше гражданина и тѣмъ кореннымъ образомъ измѣнило отношеніе къ «страждущимъ и обремененнымъ». Вѣра въ Бога, воплощающаго въ себѣ высшій нравственный идеалъ, и

---

[1]) Les hôbitaux au point de vue de leur origine et de leur utilité... par le Dr. Félix Ronbaud. Paris, 1853.

ожиданіе возмездія въ загробной жизни служили могучимъ импульсомъ къ развитію лучшихъ сторонъ человѣческой природы.

Правда, ученіе о загробной жизни существовало и у древнихъ народовъ, но въ то время какъ одинъ изъ проповѣдниковъ ученія Христова характеризуетъ будущее блаженство праведниковъ словами, «не уявися что будетъ», сынъ Пелея такъ отвѣчаетъ на привѣтствіе странствующаго въ Елисейскихъ поляхъ царя Итаки: «Не говори смерти похвальныхъ словъ, благородный Улиссъ! Я лучше готовъ быть рабомъ бѣднаго земледѣльца, чѣмъ господиномъ всѣхъ тѣней въ мрачномъ царствѣ Плутона».

Такимъ образомъ вѣра въ то, что смерть не есть полное уничтоженіе, а лишь переходъ въ другую жизнь, не могла поднять у древнихъ народовъ нравственную цѣну каждой особи и не могла служить нравственною опорою для тѣхъ трудностей, которыми такъ богата человѣческая жизнь.

Ученія древняго міра и христіанской церкви рѣшали одну и ту же проблему увеличенія человѣческаго счастія, или вѣрнѣе уменьшенія человѣческаго страданія, двумя совершенно различными способами.

Язычество, имѣя въ виду главнымъ образомъ соціальный прогрессъ, признавало то состояніе, которое требовало этическаго поведенія, временнымъ, преходящимъ, а самое этическое поведеніе тормозомъ для перехода къ другому лучшему состоянію. Лучшее же будущее оно видѣло въ достиженіи максимума прочныхъ усовершенствованій человѣческой природы. Отсюда стремленіе улучшить человѣческую породу путемъ удаленія изъ человѣческаго общества всего того, что могло ослабить общественный организмъ. Въ этомъ выражалась его забота о будущемъ. Подобными воззрѣніями былъ обусловленъ цѣлый рядъ

поступковъ, если и хорошихъ въ соціальномъ отношеніи, то безусловно дурныхъ съ точки зрѣнія современной этики. Язычество думало избавить міръ отъ страданія путемъ уничтоженія самыхъ страдающихъ.

Напротивъ того, христіанство подъ будущей жизнію разумѣетъ не жизнь будущаго поколѣнія, а загробную жизнь, которая будетъ устроена на основаніи принциповъ величайшей справедливости. А потому въ земной жизни нравственные принципы были поставлены выше соціальныхъ и даже видовыхъ интересовъ человѣчества.— Въ ученіи Христа плоть перестала быть предметомъ прославленія и поклоненія, она была развѣнчена и унижена. Христіанство учило презирать страданіе. Безбрачіе было возведено въ идеалъ праведной жизни. Забота о будущемъ поколѣніи была низведена до минимума, а на мѣсто ея воцарился принципъ, «довлеетъ дневи злоба его». Злоба же эта должна была быть направлена на дѣла активной любви.

Возведя въ принципъ нравственной жизни «любовь къ ближнему», христіанство требовало, чтобы этому принципу была подчинена и соціальная организація. Вслѣдствіе этого вмѣсто сознательной жестокости древнихъ, изгонявшихъ больныхъ изъ своей среды ради общественной пользы, широкою волною разлилось среди европейскихъ народовъ стремленіе послужить меньшему брату: «Кто послужитъ одному изъ малыхъ сихъ, мнѣ послужитъ». Отсюда развитіе всѣхъ видовъ милосердія, милостыни, благотворительности.

Такимъ образомъ язычество, стремясь къ земному счастью, усиливало страданіе уже существующаго поколѣнія, дѣлало еще болѣе непроходимою ту пропасть, которая отдѣляла здоровыхъ отъ «недугующихъ», напротивъ того, христіанство, являясь отрицаніемъ всякой мечты о зем-

номъ счастьи, доставило первенство интересамъ альтруистическимъ и тѣмъ сдѣлало рѣшительный шагъ къ поддержанію тѣхъ, кто въ жизненной борьбѣ остался за флангомъ.

Изъ вышесказаннаго явствуетъ, что исторія тѣхъ фазисовъ развитія, черезъ которые прошло отношеніе къ больнымъ и увѣчнымъ, является очень важною стороною въ выясненіи различныхъ этическихъ воззрѣній.

У нѣкоторыхъ изъ народовъ, явившихся на смѣну грекамъ и римлянамъ, отсутствіе организованной помощи больнымъ возмѣщалось, до нѣкоторой степени, долгомъ гостепріимства, который считался священнымъ. О германскомъ гостепріимствѣ единодушно свидѣльствуютъ многіе древніе писатели. По словамъ Цезаря: «Qui quaque de causa ad eos venerint sanctos habent; iis omnibus domus patent».[1])—Тацитъ говоритъ: «Hospitiis non alia gens effusius indulget notum, ignotumque, quantum ad jus hospi tii, nemo discernit. Abeunti, si guid poposceris, concedere noris et poscedi in vicem eadem facultas» [2]).

У Бургундовъ отказъ въ гостепріимствѣ карался закономъ [3]).

Въ первыхъ христіанскихъ общинахъ, во время гоненія на христіанъ, помощь больнымъ, убогимъ и нищимъ могла быть оказываема исключительно на дому. Больницы же стали возникать только въ концѣ IV и въ началѣ V вѣковъ, когда создалась «христіанская церковь», то есть, когда «христіанство» перестало быть только личнымъ вѣрованіемъ, убѣжденіемъ, чувствомъ, а сдѣлалось учрежденіемъ, съ опредѣленной организаціей, съ своею

---

[1]) De bello Gallico. Lib. VI, cap. 23.

[2]) De Moribus Germanorum. C. 21.

[3]) Lex Burgund., tit. 33, § 1.

іерархіей чиновъ, съ вселенскими соборами, съ мощною властью и своими средствами, короче говоря, когда создался правящій классъ въ полномъ смыслѣ этого слова, обладающій всѣми средствами къ самостоятельному существованію, независимому отъ того общества, на которое оно дѣйствовало, на которое распространяло свое вліяніе.

Древнѣйшая изъ всѣхъ христіанскихъ больницъ была основана въ 372 г. Св. Василіемъ въ Кападокіи близъ Цезареи. Со всѣхъ сторонъ, отъ богатыхъ и бѣдныхъ, стали притекать щедрыя пожертвованія на это новое, совершенно чуждое языческому міру, учрежденіе, и вскорѣ оно разрослось до размѣровъ настоящаго города, «nova civitas». Послѣ смерти Св. Василія «nova civitas» была переименована въ «Basilias» и сохраняло это названіе въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ. Въ «Basilias» помимо больницъ съ врачами и «кураторами» находились также убѣжища для падшихъ дѣвицъ, гостиницы для чужестранцевъ, пріюты для стариковъ и пр.

Вторая христіанская больница была основана въ 380 году въ Римѣ Фабіолой, богатой римской матроной, отдавшей на это все свое состояніе [1]). Въ больницу эту помѣщались больные подобранные на улицахъ и площадяхъ, которые безъ вмѣшательства частной благотворительности должны были бы погибнуть отъ голода или болѣзни.

Въ серединѣ V в. христіанскія больницы существовали уже во всѣхъ городахъ Мессопотаміи и Персіи, въ Мединѣ и Меккѣ, въ Морокко и Испаніи. [2]).

---

[1]) Saint. Lettres de st. Jerôme, trad. par. M. M. Gregoire et Colombet. Paris. 1840. T. IV, p. 288.

[2]) Epiphani, in Cypro Episcopi, Opera omnia. Paris, 1622. Lib. III, p. 905,

Всѣ благотворительныя учрежденія возникали обыкновенно около церквей, соборовъ и монастырей и находились въ непосредственномъ веденіи монаховъ, епископовъ, священниковъ и нисшей категоріи священнослужителей. Никейскій, Халкедонскій и др. соборы вмѣняли духовенству даже въ обязанность устраивать при монастыряхъ и церквахъ богадѣльни и больницы.

Для увѣчныхъ и больныхъ были открыты также двери всѣхъ епископскихъ домовъ. Такъ напр., извѣстный епископъ Хризостомъ, основавшій въ Константинополѣ множество больницъ, презиралъ у себя на дому до 3,000 человѣкъ [1]).

Въ уходѣ за больными нерѣдко принимали участіе знатнѣйшіе люди въ государствѣ, и даже члены царской фамиліи, какъ напр., императоръ Эммануилъ Комоненъ, императрица Августа Плацилла, жена Θеодосія Великаго, и др. [2])

Арабы слѣдовали примѣру христіанъ. Въ VIII вѣкѣ въ Кордовѣ находился великолѣпный госпиталь, изъ котораго вышло много знаменитыхъ арабскихъ врачей. Терпимость арабовъ дѣлала возможнымъ совмѣстную дѣятельность арабскихъ, христіанскихъ и еврейскихъ врачей, но послѣднимъ въ численномъ отношеніи всегда принадлежала преобладающая роль [3]).

Въ эпоху великаго движенія крестовыхъ походовъ больницы строились главнымъ образомъ по дорогѣ, ведущей въ Іерусалимъ. Всѣ основанныя въ это время больницы, какъ и возникшія раньше, были не только лечеб-

---

[1]) Thomassin, Discip. eccles. 1-er partie. Liv. I, chap. 90.

[2]) Theodoret, Lib. 5, cap. 18.

[3]) Leclerc Lucien, Histoire de la Médecine arabe. Paris. 1876.

ными заведеніями, но также пріютами, страннопріимными и даже ночлежными домами. Въ нихъ не только больные получали облегченіе, но и старики и калѣки доживали свой вѣкъ, а странники и богомольцы находили тамъ кровъ и отдохновеніе [1]).

Въ теченіе среднихъ вѣковъ возникло также множество монашескихъ орденовъ и гражданскихъ братствъ, ставившихъ себѣ цѣлью попеченіе о больныхъ. Такимъ образомъ возникъ въ 1113 г. орденъ Іоннтовъ, въ 1128 братство св. Дѣвы, нѣсколько позднѣе ордена: тевтонскихъ рыцарей, лазаристовъ, елезаветинокъ и др. Всѣ они проявили самую энергичную дѣятельность для облегченія человѣческаго страданія во время войнъ, эпидемій и голода. Госпитали основывались ими во множествѣ во всѣхъ государствахъ Европейскаго континента.

Большое вліяніе на развитіе больницъ въ Европѣ оказала эпидемія проказы, занесенной крестоносцами съ востока.

Съ отдаленнѣйшихъ временъ существовалъ обычай строить для прокаженныхъ особые пріюты, въ средніе же вѣка число ихъ достигло громадныхъ размѣровъ. По свидѣтельству *Пари* [2]), общее число лапрозеліевъ во всемъ христіанскомъ мірѣ доходило въ это время до 19000, въ одной Франціи во времена Людовика VIII, когда она была вдвое меньше, чѣмъ теперь, насчитывалось до двухъ тысячъ пріютовъ. Первый пріютъ для прокаженныхъ въ

---

[1]) Kriegk G. L. Deutsches Bürgerthum im Mittelalter. Nach urkundlichen Forschungen und mit besonderer Beziehung auf Frankfurt a. M. 1868. S. 75.

[2]) Pary Mathaei, Monachi albanensis Angli, Historia major. Londini, 1640.

Испаніи былъ основанъ въ 1067 г. Сидомъ [1]); древнѣйшій пріютъ для прокаженныхъ въ Бельгіи былъ основанъ въ Намурѣ въ 1218 году [2]). — Наиболѣе энергичную дѣятельность въ борьбѣ съ проказою и въ уходѣ за прокаженными проявлялъ орденъ «Лазаристовъ». Лепрозные могли вступать даже въ члены этого ордена, а съ 1253 г. только лепрозный выбирался гроссмейстеромъ (*Гезеръ*).

Бани въ средніе вѣка играли не менѣе видную роль, чѣмъ въ древности. Всего болѣе процвѣтали они въ XIII в. Въ Германіи до появленія сифилиса баню можно было встрѣтить едва ли не въ каждой деревнѣ, въ городахъ же число ихъ нерѣдко было очень значительно. Такъ, въ Франкфуртѣ-на-Майнѣ въ XIV в. было пятнадцать бань [3]). Кромѣ частныхъ бань существовали еще общественныя бани: княжескія, епископскія, монастырскія и наконецъ исключительно для бѣднаго люда (*G. Lappert*).—Евреи въ общественныя бани не допускались и, съ своей стороны, могли явиться содержателями только еврейскихъ бань. Въ Аугсбургѣ еврейская баня была основана въ 1290 г., въ Краковѣ въ началѣ XIV вѣка.

Подобно тому, какъ въ настоящее время принято давать «на чай», въ то время давали «на баню» (*Peters*).— Многіе благочестивые люди жертвовали деньги на такъ-называемые «заупокойныя бани», т. е. на устройство ежегодно въ день ихъ смерти безплатныхъ бань для бѣдныхъ [4]). Въ «заупокойныхъ баняхъ» роль баньщицъ

---

[1]) Fr. Mendez Alvaro, см. Preuss. med. Zeitschr. 1861, Nr. 15.

[2]) Torfs, Fastes des calamités publiques dans les Pays-bas et particulièrement en Belgique. Paris, 1859.

[3]) G. L. Kriegk. Op. cit. T. II, s. 15.

[4]) Г. Гезеръ, Исторія повальныхъ болѣзней. Спб. 1866. Ч. I, стр. 224.

выполняли обыкновенно сестры милосердія. Обычай этотъ не представляетъ собою ничего исключительнаго, такъ какъ большинство бань въ прошломъ были общія.

Бани, при существовавшихъ въ то время способахъ одѣваться и при недостаткѣ въ мылѣ, были едва ли не единственными учрежденіями, преслѣдующими до извѣстной степени гигіеническія цѣли, и въ этомъ отношеніи выполняли очень важную общественную функцію. Онѣ играли видную роль также и въ нѣкоторыхъ обрядахъ; стоитъ только упомянуть о той торжественности, какою было обставлено обмываніе невѣсты передъ свадьбою,— обрядъ, говорящій не въ пользу чистоты тогдашнихъ невѣстъ.

До XII в. были извѣстны только такъ-называемые римскія бани съ сухимъ нагрѣтымъ воздухомъ. Паровыя бани стали входить въ употребленіе позднѣе и, повидимому, были заимствованы у русскихъ. У послѣднихъ древнѣйшее свидѣтельство мы находимъ въ Лѣтописи Нестора [1]). Апостолъ Андрей въ своемъ путешествіи по Днѣпру говоритъ: «Видѣхъ бани древяны и пережгутъ ихъ вельми, и сволокутся, и будутъ нази и обольются мышелью, и возьмутъ вѣтвіе и начнутъ ея бити, и того одобьютъ, едва вылѣзутъ живи сущи и облiются водою студеною и тако оживутъ и пр.». Въ Нестеровой лѣтописи бани названы первыми *больницами* въ Россіи. Насколько пользованіе банями было въ характерѣ русскаго народа видно изъ того, что, по свидѣтельству иностраннаго путешественника Олеарія, русскіе считали Лжедмитрія за чужестранца потому, что онъ не любилъ бань.

Образованіе водяныхъ паровъ достигалось обыкновенно обливаніемъ раскаленныхъ кирпичей водою.—Съ лечеб-

---

[1]) Лѣтопись Нестора, стр. 7, 8.

ною цѣлью вмѣсто чистой воды нерѣдко употреблялись настои различныхъ травъ. Больной помѣщался обыкновенно въ особой камерѣ, изъ которой выдавалась только одна голова.—Кромѣ кожныхъ болѣзней въ баняхъ лечились еще проказа до XVI в. и сифилисъ послѣ XVI в.

Съ теченіемъ времени бани уклонились отъ своего прямого назначенія. Онѣ стали устраиваться съ большою роскошью, а въ роли баньщицъ стали выступать молодыя красивыя дѣвушки. Въ концѣ среднихъ вѣковъ бани замѣнили собою несуществовавшія въ то время cafés chantants и сдѣлались едва ли не главными разсадниками сифилиса [1]). Такъ въ 1577 году, одна баня въ Брюнѣ, по свидѣтельству Thomas Jaidanus'a, сдѣлалась очагомъ настоящей эпидеміи сифилиса. Несмотря на бѣдность медицинской литературы того времени, такихъ случаевъ описано нѣсколько [2]).

Только во второй половинѣ XVIII в. средневѣковый типъ бани уступилъ мѣсто другому типу, болѣе соотвѣтствующему измѣнившимся требованіямъ жизни.

Психіатрическихъ больницъ до самаго восемнадцатаго вѣка не было совсѣмъ, такъ какъ большинство душевнобольныхъ третировались, какъ люди, отступившіе отъ Бога и поклоняющіеся дьяволу, и потому обрекались церковью на сожженіе и плаху. Но и тогда, когда душевно-больныхъ перестали преслѣдовать какъ еретиковъ и богоотступниковъ, положеніе ихъ мало измѣнилось къ лучшему. Ихъ стали запирать въ особые пріюты-тюрьмы. На больныхъ въ этихъ пріютахъ смотрѣли, какъ на преступниковъ, или еще хуже, какъ на животныхъ, ихъ заковывали

---

[1]) Zappert, Ueber das Bodewesen mittelalterlicher und späterer Zeit. Wien, 1858. S. 160.

[2]) Luis novae in Moravia exortae descriptio. Francfort. 1593.

въ цѣпи, держали въ подземельяхъ, за деньги ихъ показывали публикѣ, при чемъ служители старались всячески ихъ дразнить и раздражать, чтобы тѣмъ самымъ вызвать смѣхъ у зрителей и заслужить подачку.—Въ извѣстномъ лондонскомъ Гэедламѣ публикѣ за входную плату въ одинъ шиллингъ еще въ 1770 году показывались психическіе больные, прикованные къ стѣнѣ. [1])

Въ Россіи психическіе больные, какъ и на Западѣ считались бѣсоодержимыми и потому должны были находиться подъ исключительнымъ надзоромъ и вліяніемъ церкви. Но одинаковый съ Западомъ взглядъ на больныхъ повелъ къ совершенно иному отношенію къ нимъ.

Уже въ XI вѣкѣ при Кіево-Печерскомъ монастырѣ существовалъ пріютъ для убогихъ и больныхъ, въ который принимались также и безумные [1]). Къ концу XI в. такихъ пріютовъ было уже много; завѣдывали ими обыкновенно монахи. Отношеніе церкви къ подобнаго рода больнымъ было полно снисхожденія и любви, какъ это видно хотя бы изъ слѣдующихъ словъ Өеодосія: «Одержимый страдаетъ не по своей винѣ и можетъ получить жизнь вѣчную... Молитвою изгоняется дьяволъ...» Тѣ же чувства возбуждали психическіе больные и въ народѣ. Ихъ считали испорченными, страдающими безъ вины, т.-е. несчастными, заслуживающими состраданія. Отсюда желаніе помочь имъ, облегчить ихъ страданіе, а такъ какъ послѣднее считалось обусловленнымъ дѣйствіемъ нечистой силы, то единственно дѣйствительными средствами должны были быть молитвы, чтеніе псалмовъ, посѣщеніе чудотворныхъ мѣстъ. О чемъ нибудь, напоминаю-

---

[1]) Tuke, Daniel Hack, Chapters in the history of the insane in the British Isles. London, 1882.

[1]) Кіево-Печерскій Патерикъ 1861 г., стр. 64.

щемъ собою инквизицію, пытки, процессы о вѣдьмахъ, не могло быть и рѣчи [1]). Такое отношеніе къ бѣсоодержимымъ составляетъ оригинальную черту въ исторіи психіатріи Россіи.

Во вторую половину среднихъ вѣковъ подъ вліяніемъ развитія феодальнаго строя и превращенія монашескихъ орденовъ въ рыцарскіе произошли значительныя измѣненія въ больничномъ дѣлѣ, но коренной переворотъ въ этой области начался только съ XVI в. Во всѣхъ протестантскихъ земляхъ, и прежде всего въ Англіи, произошелъ переходъ больницъ изъ рукъ духовенства въ свѣтскія руки. Первымъ послѣдствіемъ этого перехода было отдѣленіе собственно больницъ отъ богадѣлень и пріютовъ и замѣна огромнаго числа маленькихъ лечебныхъ заведеній, разсѣянныхъ по всей Европѣ, меньшимъ числомъ подобныхъ же учрежденій, но значительно бо̀льшихъ по своимъ размѣрамъ. Мы упомянемъ главнѣйшія изъ больницъ, существовавшихъ въ прошломъ.

Въ Римѣ по указу Сикста V, Иннокенія XII и Климента XI были основаны большія больницы: Centi Preti и св. Михаила.—Въ Неаполѣ въ 1522 г. была основана больница Real Santa Casa на 1000 человѣкъ.—Генуэзская республика построила госпиталь-дворецъ для неизлечимыхъ больныхъ и Albergo de poveri.

Древнѣйшею больницею во Франціи является Hôtel Dieu въ Ліонѣ, основана она была еще въ 542 г. Хильдбертомъ I, сыномъ Хлодвига, и его женою, на 549 человѣкъ. Уже во время чумной эпидеміи 571—597 г. больница эта оказала хорошія услуги.—Hôtel Dieu въ Парижѣ была основана во второй половинѣ VII в. св. Ландри, епископомъ

---

[1]) Памятникъ старинной русской литературы. Изд. гр. Безбородко, подъ ред. Костомарова. Т. I, стр. 53.

парижскимъ. Въ царствованіе Людовика св. и Генриха IV больница эта была значительно расширена [1].—Къ концу VIII в. больницы находились почти во всѣхъ французскихъ городахъ.

Изъ больницъ, существовавшихъ въ Парижѣ въ XVII ст., наибольшею извѣстностью пользовались: св. Анны, св. Людовика, Charité, Convalescens.—Въ концѣ XVIII в. въ Парижѣ существовали слѣдующія большія больницы: Hôtel Dieu, съ 1233 кроватями, 486 одиночными и 733 большими, предназначавшимися для нѣсколькихъ больныхъ. Большія кровати имѣли шесть футовъ въ высоту, шесть въ длину и четыре фута, четыре дюйма въ ширину. Общее число больныхъ, лечимыхъ въ Hôtel Dieu, колебалось между 3 и 4 тысячами.—Госпиталь св. Людовика для заразныхъ больныхъ на 1000—1100 человѣкъ.—Госпиталь св. Анны на 570 человѣкъ. — Hôpital des Petites Maisons съ 226 кроватями, въ томъ числѣ 44 кровати для буйныхъ психическихъ больныхъ и нѣсколько кроватей для сифилитиковъ. — Сальпетріель на 450 больныхъ.—Бисетръ на 388 и др.

Во времена революціи общее число больницъ въ Парижѣ достигло импонирующей цифры 51.—По исчисленію *Тенона* одинъ призрѣваемый больной приходился въ Парижѣ на 105 человѣкъ городского населенія [2]).

Древнѣйшая больница въ Лондонѣ, госпиталь св. Варѳоломея, была основана въ 1102 г.—Слѣдующія двѣ больницы были основаны Генрихомъ III въ 1233 г., одна въ Лондонѣ, другая въ Оксфордѣ. Обѣ эти больницы были предназначены для новообращенныхъ евреевъ.

---

[1]) J.-E. Pétrequin, Histoire médico-chirurgicale de l'Hôtel Dieu de Lyon. Paris et Lyon. 1845, p. 6.

[2]) Tenon, Mémoires sur les hôpitaux de Paris. Paris, 1788.

Въ 1544-46 г., въ царствованіе Генриха VIII, въ Лондонѣ былъ возстановленъ госпиталь св. Варѳоломея, пришедшій вскорѣ послѣ своего основанія въ состояніе полнаго упадка. Въ 1548 г. въ госпиталѣ было нѣсколько хирурговъ, но не было еще ни одного доктора. Въ 1633 году медицинскій персоналъ госпиталя состоялъ изъ слѣдующихъ лицъ: 2 Physicians, 3 Surgeons, 1 Surgeon for the Stone, 2 Guides or Surgeons.— Въ 1533 году былъ основанъ госпиталь св. Ѳомы.—Съ 1779 по 1786 гг. въ Лондонѣ эуществовали слѣдующія большія больницы:

Госпиталь св. Варѳоломея съ 400 кроватями. Изъ этого госпиталя въ разное время вышло много знаменитыхъ хирурговъ какъ-то: Поттъ, Шарпа и др.—Госпиталь св. Ѳомы съ 400 кроватями. — Guy's Hospital, основанный въ 1722 г. книгопродавцемъ Thomas Guy, по совѣту его друга, извѣстнаго врача Mead. Онъ содержалъ 430 кроватей. Изъ наиболѣе извѣстныхъ хирурговъ этого госпиталя слѣдуетъ упомянуть Лука, Куперъ, Варнеръ.— Госпиталь св. Георгія (основанъ въ 1734 г.) съ двумя стами семьдесятью кроватями. Мѣсто дѣятельности извѣстнаго Гунтера.—Лондонскій госпиталь (основанъ въ 1758 г.) съ ста шестидесятью кроватями. — Госпиталь св. Луки, съ 130 кроватями. Первая больница для психическихъ больныхъ въ собственномъ смыслѣ этого слова. Госпиталь этотъ былъ основанъ въ 1751 году, когда на континентѣ кромѣ тюремъ и смирительныхъ домовъ не существовало иныхъ мѣстъ для помѣщенія душевнобольныхъ. Больница св. Луки послужила примѣромъ для основанія подобнаго же убѣжища іоркскою общиною квакеровъ для своихъ единовѣрцевъ близъ Іорка.—Вестминстерскій госпиталь, основанный въ 1719 году, содержался главнымъ образомъ на средства лондонскихъ музыкантовъ и пѣвцовъ, за что послѣдніе и пользовались

предпочтеніемъ при пріемѣ въ эту больницу. Всего въ госпиталѣ было 240 кроватей.

Мы не станемъ упоминать о другихъ больницахъ, замѣтимъ только, что по количеству призрѣваемыхъ Лондонъ не уступалъ Парижу.

Другіе города Англіи—Эдинбургъ, Глазговъ и проч.—были не менѣе извѣстны своими лечебными и благотворительными заведеніями. Въ Ирландіи, напр., въ одномъ только Дублинѣ въ прошломъ столѣтіи существовало одиннадцать больницъ, большая часть которыхъ была построена на частныя средства. — Въ Портсмутѣ находился огромный госпиталь съ 120 палатами и 21000 кроватями [1]).

Въ Германіи больницы стали основываться съ начала XII ст. Въ концѣ этого вѣка больницы для заразныхъ больныхъ находились уже за воротами почти всѣхъ нѣмецкихъ городовъ. Въ XIII в. стали основываться больницы также и для незаразныхъ больныхъ (*Peters*).

Одна изъ древнѣйшихъ подобныхъ больницъ была основана въ 1267—1270 гг. въ Франкфуртѣ-на-Майнѣ.

Въ первой половинѣ восемнадцатаго столѣтія самымъ большимъ госпиталемъ въ Германіи былъ Charité въ Берлинѣ. Госпиталь этотъ служилъ также практическою школою для хирурговъ. Въ госпиталь принимались какъ солдаты, такъ и горожане. Для предупрежденія дѣтоубійства въ Charité существовало отдѣленіе для родильницъ. Къ концу вѣка благодаря щедрымъ частнымъ пожертвованіямъ Charité сдѣлался однимъ изъ первыхъ госпиталей на континентѣ.

---

[1]) J. Hunczovsky, Briefe aus London in Baldinger's med. Journ. 15 Stück. 1787.

Въ концѣ XVIII вѣка общее вниманіе привлекало къ себѣ «Allgemeines Krankenhaus in Wien»; больница эта была построена въ 1784 г. на 200,000 гульденовъ, отпущенныхъ изъ собственныхъ средствъ Іосифа II. Въ больницѣ можно было помѣстить до 2000 больныхъ, кроватей же было всего 1488. Ради лучшей вентиляціи окна были устроены въ двухъ противоположныхъ стѣнахъ, 8 футовъ надъ поломъ. Кромѣ того существовали еще особыя отдушины около печей и надъ дверями. Всѣ больные дѣлились на четыре класса: больные перваго класса платили по 1 гульдену въ день и получали за это отдѣльную комнату, отдѣльнаго служителя, полное содержаніе, лекарства; во второмъ классѣ за полгульдена въ день больные получали почти то же самое, что и въ первомъ классѣ, за исключеніемъ отдѣльной прислуги, и менѣе комфортабельный столъ. Больные третьяго класса платили 10 крейцеровъ и помѣщались уже въ общихъ палатахъ; въ четвертый классъ принимались бѣдные больные безплатно.

Въ Россіи долгое время больницы строились только при монастыряхъ и содержались на монастырскія средства или пожертвованія частныхъ лицъ. Древнѣйшія свидѣтельства этого рода относятся къ 1091 году: «Ефремъ, митрополитъ Кіевскій и всеа Россіи, построилъ много церквей і строеніе банное, и врачеве и больницы всѣмъ приходящимъ безмѣздно врачеваніе» [1]).

Первыя самостоятельныя больницы въ Россіи появились только въ концѣ XVII в., а именно въ 1682 г., согласно указу, данному Ѳедоромъ Алексѣевичемъ Аптекарьской Палаты, въ Москвѣ были построены «двѣ шпитальни», одна въ Знаменскомъ монастырѣ, другая на Гранатномъ дворѣ у Никитскихъ воротъ. Обѣ эти больницы должны

[1]) Лѣтопись Нестерова, стр. 192.

были содержаться на доходы съ вотчинъ «архангельскихъ архіереевъ» т. е. архіереевъ, состоящихъ при Архангельскомъ соборѣ въ Кремлѣ[1]).—Дальнѣйшая судьба этихъ «шпиталенъ» неизвѣстна[2]).

Помимо большихъ госпиталей въ впрошломъ существовало также много лазаретовъ, уже въ 1716 г. число ихъ доходило до 500[3]).

По указу 1714 года на содержаніе лазаретовъ была опредѣлена половина «вѣнечнаго сбора»[4]). Двойнымъ распоряженіемъ, сенатскимъ и синодскимъ, 1730 г., снова подтвержденнымъ сенатомъ въ 1731 году, предписывалось протопопу Успенскаго собора съ причтомъ и церковными старостами въ синодальной области и епархіяхъ строго соблюдать указъ 1714 г. Вѣнечный сборъ состоялъ въ томъ, что съ первобрачныхъ бралось по 24 к., съ «полуторобрачныхъ» по 36 к., съ второбрачныхъ по 50 к., съ третьебрачныхъ по 60 к.[5]).

Относительно формы веденія сборщиками приходныхъ книгъ мы читаемъ слѣдующее: «Къ тому сбору опредѣлить людей добрыхъ и правдивыхъ; и велѣть имъ тѣ деньги записывать въ приходныя зашнурованныя и запечатныя двои книги: пошлинныя въ одну, а лазаретныя въ другую, безъ всякія утайки; также и въ вѣнечныхъ памятяхъ, сколько съ которой памяти настоящихъ, и ла-

---

[1]) Берхъ. Царствованіе Ѳеодора Алексѣевича 1834—1835. II. 87.

[2]) Рихтеръ, Исторія медицины въ Россіи ч. II., стр. 281—288.

[3]) Голиковъ, Дополненія къ дѣяніямъ Петра Великаго 1788—1797. XVIII. 68.

[4]) Полное Собранія Законовъ россійской Имперіи. 1830. Т. V, стр. 114, № 2821.

[5]) Документы эти, разысканные нами въ Москов. Арх. Минист. Юст. (Полн. собр. пост. и расп. по вѣд. прав. исповѣд.), будутъ напечатаны отдѣльно.

заретныхъ и за письмо записано и на отвозъ взято будетъ, писать именно порознь, а во оныхъ лазаретнаго сбора книгахъ, для сущей вѣрности, кто вѣнечную память возьметъ, подъ каждою статьей велѣть расписываться».—Лазаретныя деньги высылались изъ Казеннаго приказа въ 1721 г. въ Синодъ, въ 1722 г. въ рентерею, въ 1723 г. въ Адмиралтейскую контору по требованію Монастырскаго приказа, въ 1724—26 гг. снова въ Синодъ. Затѣмъ деньги стали оставляться въ Казенномъ приказѣ. Интересно отмѣтить количество собираемыхъ этимъ путемъ денегъ: въ 1721 г. было собрано 953 р., въ 1722 г.—2132 р., въ 1723 г.—1732 р., въ 1724 г.—1697 р., въ 1725 г.—1735 р., въ 1726 г.—3913 руб., въ 1730 г.—14,292 р.[1]).

Вслѣдствіе недостаточности суммъ, получаемыхъ отъ «вѣнечнаго сбора», въ 1715 году именнымъ указомъ было предписано взимать еще въ пользу лазаретовъ по 100 рублей съ пожалованныхъ въ дьяки[2]), а въ 1721 году въ пользу больницъ были установлены вычетъ изъ жалованія всѣхъ лицъ, находящихся на государственной службѣ «на каждый годъ отъ каждаго рубля по копѣйкѣ»[3]), и еще особый вычетъ за каждое повышеніе по службѣ[4]).

Наконецъ въ 1722 году было положено брать на содержаніе больницъ имѣнія, оставшіяся послѣ лицъ духовнаго званія и раскольниковъ[5]).

Обязанности военно-медицинскихъ чиновъ въ госпиталяхъ опредѣлены въ «Воинскомъ Уставѣ» Петра I слѣдующимъ образомъ.

---

[1]) Ibid.

[2]) Полн. Собр. Закон. т. V. Стр. 158, № 2911.

[3]) Ibid. Т. XII, № 9158.

[4]) Ibid. Т. XII, № 9158.

[5]) Ibid. Т. XIV, № 10588.

„Когда шпіталь вышереченными способы учрежденъ будетъ, то долженъ докторъ и штапъ лѣкарь, во всякую педѣлю четырежды въ шпіталѣ болныхъ смотріть и болнымъ лѣкарство пазначіть. А полковои лѣкарь, которои, съ одпімъ ученікомъ, отъ всякаго полка тои же дівизіи особліво отъ штапъ лѣкаря командруетца долженъ во всякои день дважды, а по послѣднеи мѣрѣ одіножды въ шпіталь ходіть и назначенныя лѣкарства отъ доктора и штапъ лѣкаря больнымъ, въ свою бытность, пріказать давать.—Также потребно всегда, при десяти больныхъ быти, для услуженія, одному здоровому солдату и нѣсколькімъ женщінамъ, которые онымъ болнымъ служить имѣютъ и платье на піхъ мыть; также поваръ, хлѣбнікъ и маркетентеръ, которые всѣ должны о болныхъ и раненыхъ во всемъ надлежащее попеченіе имѣть, дабы оные, сколько возможно, прежнее здравіе получить могли"[1]).

Лекарскіе ученики должны были безотлучно находиться въ госпиталяхъ, въ случаѣ же добровольнаго ухода они подвергались аресту и наказанію «батожьемъ».

Чтобы воздухъ въ больницахъ былъ «легкій и невредительный», предписывалось постоянно прокуривать больничныя палаты можжевельникомъ и «докторскими порошками».

Была предсмотрѣна также и возможность симуляціи.

„Долженъ всякой полковой комісаръ онымъ болнымъ, въ шпіталѣ лежащымъ солдатомъ покамѣсть въ шпіталѣ будутъ лежать, жалованья удержать половіпу, и выдать оное, когда выздоровѣетъ, дабы затѣіныхъ болѣзней не было"[2]).

Въ серединѣ XVIII в. существовало уже около тридцати большихъ госпиталей. Основывались госпитали въ слѣдующемъ порядкѣ. Московскій генеральный сухопут-

---

[1]) Кніга Уставъ Воинскіи. Напечатася повелѣніемъ Царскаго Величества. Въ Санктъ-пітербурхѣ. Лѣта Господня 1717. Стр. 106 и далѣе.

[2]) Ibid.

ный (1707), С.-Петербургскій адмиралтейскій (1719), Казанскій (1722), Тавровскій (1724), Кронштадтскій (1720), Ревельскій и Астраханскій адмиралтейскіе, С.-Петербургскій генеральный сухопутный (1733), въ Ригѣ (1755), Архангельскѣ (1733), въ Кіевѣ (1755) [1]).

Особенно много сдѣлала для развитія медицины въ Россіи Екатерина II: число больницъ было значительно увеличено, во многихъ городахъ были открыты такъ-называемые «оспенные и сифилитическіе дома», въ Москвѣ и Петербургѣ были основаны Воспитальные дома.

Совершенно исключительный интересъ представляетъ вопросъ о томъ, каково было внутреннее устройство больницъ въ прошломъ. Уже a priori можно было бы сказать, что устройство это должно было оставлять желать очень многаго.

И дѣйствительно во всѣхъ свидѣтельствахъ того времени мы находимъ подтвержденіе этому апріорному предположенію. Такъ, въ справкѣ врачебныхъ управъ, представленныхъ медицинской коллегіи въ апрѣлѣ 1797 года, говорится, что бо́льшая часть больницъ «находится въ самомъ худомъ положеніи въ разсужденіи строенія, пищи, одежды и мѣстнаго расположенія».

Очень многія больничныя помѣщенія были почти совершенно лишены свѣта, послѣдній нерѣдко проникалъ въ нихъ сквозь узкія, покрытыя грязью и плѣсенью, никогда не отворявшіяся окна. Полъ земляной или гнилой деревянный, нерѣдко ниже уровня земли. Отхожихъ мѣстъ, приспособленій для умыванія лица и рукъ не было. Постельное и носильное бѣлье представляло собою кишащія насѣкомыми лохмотья и т. д.

---

[1]) Чистовичъ Яковъ, Исторія первыхъ медицинскихъ школъ въ Россіи. Спб., 1883 г.

Въ военныхъ госпиталяхъ медицинская часть была поставлена еще хуже, чѣмъ въ гражданскихъ, хозяйственная же служила ареною самыхъ возмутительныхъ злоупотребленій. По свидѣтельству генералиссимуса Суворова, нѣкоторые начальники, разсчитывая, что, при существующихъ порядкахъ, въ такой-то срокъ должно вымереть извѣстное число людей, заранѣе клали себѣ въ карманъ отпускаемые на ихъ содержаніе деньги, а умершіе показывались живыми, и если такой обреченный на смерть больной начиналъ, вопреки ожиданію, поправляться, то ему приходилось на свое пропитаніе собирать милостыню [1]).

Но не лучше было положеніе вещей и на Западѣ.— Слѣдующее, напр., описаніе относится къ состоянію Hôtel Dieu въ Парижѣ, этого древнѣйшаго и самаго обширнаго госпиталя во Франціи, въ 1515 г., въ царствованіе Франциска I. [2]). «На кровати имѣющей всего три фута въ ширину помѣщаются три-четыре больныхъ, дѣти же помѣщаются на одной кровати по двадцати—пяти тридцати человѣкъ, такихъ дѣтскихъ кроватей въ больницѣ семь или восемь... Смертность между дѣтьми огромная и изъ двадцати дѣтей не всегда выживаетъ одинъ». Всѣ хирургическія обязанности лежали обыкновенно на одномъ только хирургѣ, который къ тому же очень часто жилъ далеко отъ Hôtel Dieu.

Не менѣе интересныя свѣдѣнія относительно состоянія Hôtel Dieu въ Парижѣ въ началѣ семнадцатаго вѣка можно найти у Brièle [3]), къ которому мы отсылаемъ чи-

---

[1]) Петрушевскій, Генералиссимусъ Суворовъ. 1884.

[2]) Boisseau, Dict. des sc. méd. 1888. P. 181.

[3]) Brièle, Collection de dokuments pour servir à l'histoire des hôpitaux de Paris. Paris, 1881.

тателя для болѣе подробнаго ознакомленія съ этимъ вопросомъ. Здѣсь же мы приведемъ лишь нѣкоторыя очень краснорѣчивые по своей мрачности выдержки изъ опубликованныхъ Гр. Веккерлингомъ записокъ одного больного, пробывшаго въ 1657 году нѣкоторое время въ этой больницѣ. «Этотъ госпиталь, пишетъ онъ, состоитъ изъ нѣсколькихъ отдѣленій, въ которыхъ больные размѣщаю ся въ зависимости отъ рода ихъ болѣзни. Въ каждомъ отдѣленіи стоятъ четыре ряда кроватей съ занавѣсками изъ красной матеріи, кромѣ того находятся алтарь, обѣденный столъ и проч.

При монастырѣ имѣется аптека; общее число монахинь доходитъ до 300. Кромѣ того тамъ находятся или точнѣе находились въ то время 9 пасторовъ, 6 аптекарскихъ учениковъ, 8 цирюльниковъ, женщины для ухода за беременными и роженицами и пр... Придя въ больницу я долженъ былъ простоять нѣкоторое время у входа, пока обо мнѣ не было доложено. Наконецъ явился старый цирюльникъ, который, введя меня въ маленькую комнату осмотрѣлъ меня и подробно разспросилъ о моей болѣзни, (если приходила женщина ее осматривала старшая монахиня). Вслѣдъ за тѣмъ онъ повелъ меня къ священнику, находившемуся въ сосѣдней комнатѣ; послѣдній спросилъ меня о моемъ имени, званіи, родинѣ и религіи, записалъ все это въ очень толстую книгу и привязалъ къ моей лѣвой рукѣ записку со всѣми этими свѣдѣніями... положили меня между двумя другими больными, которые оба вскорѣ умерли. (Голова средняго больного была обращена обыкновенно въ ту сторону, гдѣ находились ноги двухъ крайнихъ больныхъ).. Одна изъ монахинь приколола къ моему изголовью билетикъ съ надписью: «къ исповѣди»; когда священникъ призвалъ меня къ исповѣди, я отказался, сказавъ, что я лютеранинъ и исповѣдываться не

могу... Тутъ меня окружили какъ монахини, такъ и больные, всѣ они простирали ко мнѣ свои кресты, какъ если бы я былъ язычникъ или іудей, и я не понималъ, что они хотятъ сдѣлать со мной... На слѣдующій день въ семь часовъ утра явилась одна монахиня въ сопровожденіи прислужниковъ, несшихъ хлѣбъ, этотъ хлѣбъ она стала раздавать по порціямъ больнымъ; подойдя ко мнѣ, монахиня взяла меня за пульсъ и я ничего не получилъ... Затѣмъ явилась другая монахиня съ виномъ, я потянулся къ ней съ моей кружкой, но она пощупала мой пульсъ и я опять ничего не получилъ... Въ 8 ч. прозвонилъ колоколъ и монахини принесли въ оловянныхъ сосудахъ какой-то супъ. Затѣмъ вошла одна сестра съ корзиной наполненной яйцами, она дала каждому по яйцу; замѣтивъ съ какимъ аппетитомъ съѣлъ я свое яйцо, она дала мнѣ еще другое. Но другого мнѣ ѣсть не хотѣлось, тогда монахиня обняла мою голову и стала меня упрашивать: «Mon frère, mon enfant je t'emprie, mange donc». Не всякая мать упрашиваетъ такъ своего ребенка! Затѣмъ пришли доктора въ сопровожденіи аптекарей и цирюльниковъ, они осматривали больныхъ и дѣлали назначенія, говорили они только по-латыни... На другой день пришелъ одинъ изъ цирюльниковъ и спросилъ имена тѣхъ, кому назначено кровепусканіе... Пускали кровь и мнѣ, то изъ одной руки, то изъ другой, всего 20 разъ (!), такъ что мои руки были совсѣмъ обезкровлены... Послѣ цирюльника пришли аптекаря, неся на длинныхъ доскахъ оловянные сосуды съ надписью на каждомъ изъ нихъ номера одной изъ кроватей, и каждый больной долженъ былъ — хотѣлъ онъ этого или нѣтъ—выпить свой сосудъ до дна. Далѣе явилась сестра съ запиской въ рукахъ и въ сопровожденіи двухъ служителей, несшихъ на длинной палкѣ ведро съ промывательнымъ, и всѣмъ тѣмъ,

кто былъ отмѣченъ въ запискѣ, ставили клизму; поставили и мнѣ двѣ клизмы, и, откровенно говоря, я не желалъ бы повторить ихъ... Въ полдень звонили къ обѣду, подавали вареное мясо, курятину или баранину; я же долженъ былъ удовольствоваться однимъ только бульономъ. Впослѣдствіи, когда доктора нашли, что я поправляюсь, мнѣ стали давать хлѣбъ, вино и мясо. Чтобы больные не испытывали жажды, служителя нѣсколько разъ въ день обносили ихъ ячменнымъ отваромъ. Чтобы и ночью больные не оставались безъ подкрѣпленія, ихъ обходила сестра и предлагала каждому, кто не спалъ, ложку отваренныхъ въ сахарѣ сливъ. Нерѣдко являлись въ больницу разнаго рода благотворители и также раздавали больнымъ дорогія конфекты и варенье... Умирающихъ клали обыкновенно отдѣльно, ихъ соборовалъ священникъ. Я самъ разъ видѣлъ этотъ обрядъ... несчастные больные, нѣтъ у нихъ другого утѣшенія, кромѣ сознанія, что передъ смертью ихъ вымажутъ масломъ... Умершихъ тотчасъ относили въ мертвецкую и, если никто изъ родственниковъ не являлся за покойникомъ, его раздѣвали и завязывали въ сшитый изъ очень грубой матеріи мѣшокъ. Когда мертвыхъ набиралась цѣлая фура, ихъ отвозили на кладбище; къ повозкѣ привязывался обыкновенно колокольчикъ, сопровождали ее большія англійскія собаки. На кладбищѣ всѣ трупы сваливались въ одну общую яму, которая засыпалась известью и закрывалась досками».—Въ заключеніе авторъ записокъ говоритъ, что никакія похвалы этому учрежденію не могутъ быть признаны чрезмѣрными, такъ какъ оно оказываетъ помощь многимъ такимъ несчастнымъ, которые иначе были бы обречены на гибель (*Baas*).

Еще въ болѣе мрачныхъ краскахъ рисуетъ внутреннее устройство и порядки въ Hôtel Dieu *Максъ Нордау* съ свой-

ственными ему остроуміемъ и живостью изложенія, хотя, очевидно, и не безъ нѣкотораго расчета на эффектъ. «Въ низкихъ комнатахъ, лишенныхъ воздуха и свѣта, совершенно отсутствовали кровати; на кирпичномъ полу была разослана солома, на которой валялись больные, стиснутые какъ сельди въ боченкѣ». Это было во времена Людовика Благочестиваго. До него существовала по крайней мѣрѣ для каждыхъ семи-восьми больныхъ одна кровать. «Ноги одного ряда больныхъ касались головъ другого ряда». Докторамъ приходилось обыкновенно шагать чрезъ больныхъ. «Дѣти рядомъ съ стариками и даже не хочется вѣрить, но установлено это вполнѣ достовѣрно—мужчины вмѣстѣ съ женщинами. На одномъ и томъ же ложѣ стонала отъ родовыхъ мукъ женщина, корчился въ судорогахъ младенецъ, горѣлъ въ лихорадочномъ жару тифозный, кашлялъ чахоточный и расчесывалъ себѣ кожу экзематозный... Врачей было мало, предписанія врачей не всегда выполнялись, выборъ медикаментовъ былъ крайне ограниченъ. Больные часто нуждались въ самомъ необходимомъ. Пища давалась имъ въ ничтожномъ количествѣ и безъ соблюденія правильныхъ промежутковъ. Монахини имѣли обыкновеніе кормить сладостями тѣхъ больныхъ, которые казались имъ достаточно благочестивыми, или которые по крайней мѣрѣ достаточно старательно плели вѣнки изъ розъ, хотя бы изнуренное болѣзнью тѣло требовало не сладостей, а мяса и вина; питательныя вещества больные получали въ достаточномъ количествѣ только тогда, когда ихъ приносили благотворители горожане. Съ этою цѣлью ворота госпиталей бывали открыты днемъ и ночью. Каждый могъ войти и принести все, что ему угодно, и, если больные оставались одинъ день на половину голодными, то на другой день они страдали отъ чрезмѣрнаго переполненія

желудка... Все зданіе кишѣло отвратительнѣйшими насѣкомыми и по утрамъ въ палатахъ бывалъ такой удушливый воздухъ, что надзиратели и сидѣлки рѣшались входить, только держа губку съ уксусомъ передъ носомъ... Трупы умершихъ оставались обыкновенно сутки и болѣе на своемъ смертномъ одрѣ и въ теченіе всего этого времени больные должны были дѣлить постель съ окоченѣвшимъ трупомъ, который къ тому же скоро загнивалъ въ этой инфернальной атмосферѣ и начиналъ издавать запахъ. Кому недостаточно этихъ подробностей, тотъ найдетъ многое, еще болѣе ужасное, въ талантливо написанной въ 1867 г. монографіи Dr. Pietra Santa». Только при Людовикѣ XV мужчины были отдѣлены отъ женщинъ, были устроены особыя дѣтскія больницы, больные перестали питаться на счетъ одной только благотворительности и пр.

Какая иронія звучитъ въ названіи «Grand hospice de l'humanité», которое носило эта больница въ прошломъ столѣтіи!

Въ другихъ больницахъ положеніе вещей было еще хуже. Сифилитики и чесоточные помѣщались въ общихъ отдѣленіяхъ. *Оперированные лежали на одной кровати съ рожистыми больными...* Цирюльники и служители съ трудомъ выдерживали нѣсколько дней лазаретной службы, большинство ихъ заболѣвало «госпитальной лихорадкой», отъ которой очень многіе и умирали. Объ опрятности нечего и говорить. «Не нужно было обладать особенно тонкимъ обоняніемъ, говоритъ Fritze, чтобы угадать близость госпиталя».

Вотъ что писалъ E. Horn въ 1806 г. о Charité въ Берлинѣ, больницѣ, которая должна была служить образцомъ для всѣхъ другихъ подобныхъ же учрежденій въ Германіи (*Fisher. s.* 105).

«Грязь и вонь, неподдающіяся почти описанію, царили въ то время во всемъ госпиталѣ. Вмѣсто того, чтобы очищать больныхъ при ихъ поступленіи, на нихъ оставляли ихъ грязныя лохмотья и укладывали ихъ въ грязную постель. Постельное бѣлье не мѣнялось недѣлями, стирали такъ плохо, что чистое бѣлье едва можно было отличить отъ грязнаго, бань не было совсѣмъ. Почти подъ всѣми кроватями стояли горшки, которые издавали такое же страшное зловоніе, какъ и деревянныя ведра, предназначенныя для экскрементовъ. Въ соломенныхъ матрацахъ кишѣли насѣкомыя, подушки пропитанныя потомъ и мочею заражали воздухъ... Куда ни пойти, куда не ступить, куда не взглянуть, всюду невообразимая грязь. При этомъ всѣ окна тщательно закупоривались изъ боязни сквозняка и простуды. Пища была плоха и больничные служители вели мелочную торговлю колбасою, сыромъ, водкой и проч. Худшаго подбора прислуги почти невозможно себѣ представить; служитель получалъ талеръ въ мѣсяцъ!» — Но зато заботѣ о душѣ въ Charité всегда отводилось видное мѣсто. Такъ еще въ концѣ XVIII вѣка больные должны были цѣлыми часами простаивать на молитвѣ и по воскресеньямъ выслушивать длинную проповѣдь. Мало того, два раза въ недѣлю священникъ экзаменовалъ больныхъ по различнымъ вопросамъ вѣры. Передъ операціей больного обыкновенно исповѣдовали и причащали, во время же самой операціи всѣ родственники и друзья оперируемаго, собравшись вмѣстѣ, молились съ воздѣтыми къ небу руками.

До 1720 г. въ госпиталѣ порта Рошфоръ не было печей, а отапливался онъ жаровнями. Въ холодное время года помѣщеніе къ утру до такой степени выстывало, что больные дрожали всѣмъ тѣломъ, а болѣе слабые зачастую умирали, не будучи въ состояніи согрѣться.

Психическіе больные помѣщались въ общихъ больницахъ. О примѣненіи къ нимъ хотя бы постельнаго режима, по словамъ *Тенона,* нельзя было и думать, такъ какъ помѣщенія были тѣсны, переполнены кроватями и на каждой кровати дрались и возились три четыре больныхъ, которыхъ постоянно приходилось удерживать, связывать, заковывать. Въ 1792 г. Dacquin въ предисловіи къ своему труду «Traité de la philosophie de la folie» между прочимъ говоритъ: «Ничѣмъ не объяснимое равнодушіе обнаруживаетъ общество къ устройству и содержанію тѣхъ помѣщеній, въ которыхъ содержатся помѣшанные; это настоящія тюрьмы, въ которыя съ трудомъ проникаетъ свѣтъ и гдѣ царитъ постоянное зловоніе, такъ какъ помѣщенія для психическихъ больныхъ находятся почти всегда въ подвальныхъ этажахъ; при входѣ васъ обдаетъ сырость и испаренія отъ экскрементовъ». Описаніе это относится къ больницѣ въ Піемонтѣ, родинѣ автора.

Но если таково было положенія даже лучшихъ больницъ въ обычное время, то легко себѣ представить, чѣмъ оно было, во время войнъ и ихъ неизбѣжныхъ спутниковъ эпидемій, когда бывало отъ скорбута, дизентеріи, тифа страдала чуть ли ни вся армія.

За недостаткомъ мѣста въ больницахъ больные размѣщались въ тюрьмахъ, казармахъ, церквахъ, частныхъ домахъ, что̀ съ одной стороны увеличивало процентъ смертности, такъ какъ больные оставались почти безъ всякаго ухода, а съ другой стороны содѣйствовало дальнѣйшему распространенію эпидеміи. (Рис. 7).

Въ 1757 г. во Французской эскадрѣ, стоявшей у береговъ С. Америки, начались эпидеміи тифа и скорбута, опустошеніе, произведенное ими было такъ велико, что флотъ вынужденъ былъ вернуться во Францію для за-

мѣны больныхъ матросовъ здоровыми. По возвращеніи судовъ эпидемія быстро распространилась на весь городъ и его ближайшія окрестности. Смертность между всѣми

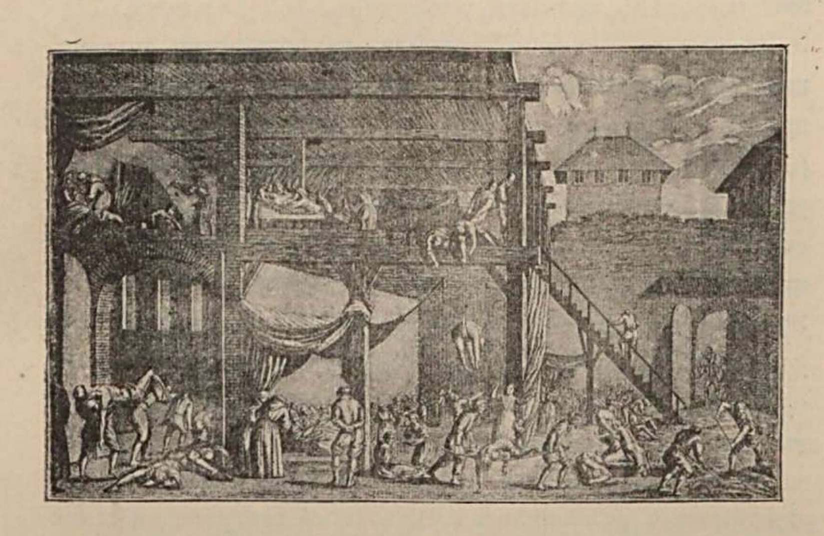

Рис. 7. Внутренній видъ больницы въ Вѣнѣ во время эпидеміи чумы въ 1679 г.—Вѣна, Историческій музей.

категоріями медицинскаго персонала была чрезвычайно велика. Больничные служители заболѣвали почти всѣ поголовно, вслѣдствіе чего найти добровольныхъ охотниковъ на эти должности почти не было возможности. Тогда рѣшено было набирать больничныхъ служителей изъ преступниковъ, отбывающихъ наказаніе въ галерахъ. Но и эти послѣдніе соглашались рисковать своею жизнью только на условіяхъ дарованія имъ полной свободы. «Я былъ вынужденъ не только обѣщать имъ свободу, писалъ интендантъ порта министру 11-го февраля 1758 г., но еще и полное помилованіе, которое сняло бы съ нихъ весь позоръ ихъ преступленія, возстановило бы ихъ въ гражданскихъ правахъ и дало бы имъ право снова слу-

жить какъ во флотѣ, такъ и въ сухопутныхъ войскахъ[1])». Во время эпидеміи, господствовавшей въ Тулонѣ въ 1774 году, въ больницѣ, расчитанной на 270 чел. и содержавшей всего 135 кроватей, помѣщалось 759 больныхъ.

Нѣкоторые госпитали служили излюбленными очагами извѣстныхъ заболѣваній. По свидѣтельству *Бильгера*, во время семилѣтней войны, послѣ сраженія при Прагѣ (6-го мая 1757 г.), раненые въ прусскихъ лазаретахъ умирали тысячами отъ столбняка, несмотря на самыя строгія мѣры предосторожности, принимавшіяся такими врачами, какъ Котеніусъ, Беннэ, Шмуккеръ у др. (см. Spasmus cynicus).—То же самое наблюдалъ *Крамеръ* послѣ сраженія при Лигницѣ. Наконецъ подобнаго же рода свидѣтельства мы находимъ и у *Тэдена*.—Въ обоихъ госпиталяхъ въ Монпелье, по свидѣтельству *Vigarour*, къ теченіе 20 лѣтъ, всѣ, даже самыя ничтожныя травматическія поврежденія, осложнялись госпитальной гангреною и самая форсированная терапія оказывалась совершенно безсильною.

Только ужасающимъ состояніемъ госпиталей можно объяснить себѣ возникновеніе въ концѣ XVIII в. вопроса, необходимы ли больницы и не лучше ли ихъ закрыть какъ учрежденія вредныя. — Какъ не парадоксальнымъ кажется намъ въ настоящее время этотъ вопросъ, но въ концѣ XVIII в. его обсуждали такіе выдающіеся представители человѣческой мысли, какъ *Монтескье* [2]), *Вольтеръ*, *Юнгъ* и др.[3]).

---

[1]) Lefèvre, Op. cit. Болѣе подробныя свѣдѣнія объ этой эпидеміи читатель найдетъ у Levot, Hist. de la ville et du port de Brest. Poissonier - Desperière, Traité des maladies des gens de mer. Toussagrives, Annales de l'higiène et de médecine légale.

[2]) О духѣ законовъ. Спб., 1900.

[3]) Dict. des sc. méd. Tome Vingt-unième. Paris, 1817.—De Gérando, De la bienfaisance publique Tome Second. Bruxelles, 1859.

Вся бездна бѣдствій, обрушивавшихся на несчастныхъ больныхъ, попадавшихъ въ больницы, была въ громадномъ большинствѣ случаевъ результатомъ ошибокъ, непониманія и заблужденій. Достаточно самаго поверхностнаго знакомства съ взглядами врачей до-бактеріальнаго періода, на происхожденіе болѣзней, чтобы понять, какъ немощны должны они были быть въ своихъ попыткахъ улучшить больничное дѣло. *Ширакъ*, старшій врачъ въ портѣ Рошефоръ, въ 1694 г. въ своемъ донесеніи давалъ слѣдующее объясненіе происхожденію постоянно господствующей въ этомъ портѣ эпидеміи лихорадки: «Подъ вліяніемъ лѣтней жары изъ сосѣднихъ болотъ поднимаются испаренія, сильно насыщенныя сѣрою... я убѣжденъ, что эти испаренія при постоянномъ вдыханіи разстраиваютъ пищевареніе и уменьшаютъ растворимость крови. Отсюда эпидемія лихорадки» (*Lefèvre, p. 19*).

Лоранъ, *Ломбаръ*, *Шоссье* и др. приписывали большое значеніе въ происхожденіи столбняка присутствію глистовъ въ кишкахъ. Въ подтвержденіе своего взгляда они ссылались на судорожныя явленія, наблюдаемыя очень часто у дѣтей при глистахъ. Другіе врачи полагали, что столбнякъ вызывается дѣйствіемъ холода. Послѣднее мнѣніе держалось со времени Гиппократомъ [1]), его раздѣлялъ также и знаменитый А. Паре.—*Багье* видѣлъ главную причину столбняка въ сильномъ нравственномъ потрясеніи всего организма при раненіи его, *Абернетти* и др.—въ продолжительномъ запорѣ и т. д.

Въ заразности госпитальной гангрены казалось не могло быть сомнѣній, и тѣмъ не менѣе еще въ концѣ XVIII ст. существовали врачи, которые признавали ученіе о кон-

---

[1]) Aphor. sect. 17.

тагіозности госпитальной гангрены недостаточно обоснованнымъ.

Итакъ, альтруистическія стремленія, порожденныя лучшими порывами человѣческаго духа, опередили развитіе знаній, вслѣдствіе чего пребываніе въ больницахъ нерѣдко причиняло лишь зло тѣмъ, кому оно должно было облегчать страданіе.

Пріобрѣтенія науки незыблемы, но наука не откровеніе, она идетъ человѣческимъ шагомъ и одерживаетъ побѣды лишь путемъ значительныхъ усилій. И потому долженъ былъ пройти длинный періодъ трудной борьбы, пока не оказалось возможнымъ не только предупреждать тѣ бѣдствія, которыя считались неизбѣжными при чрезмѣрномъ скопленіи больныхъ въ госпиталяхъ, но и активно воздѣйствовать на болѣзненный процессъ, сообщая ему болѣе благопріятное для больного теченіе.

Окончательная побѣда человѣколюбія и науки надъ предразсудками, заблужденіями и невѣжествомъ была одержана только во второй половинѣ XIX столѣтія и относится уже къ новѣйшей исторіи госпитальнаго ухода.

Военно-медицинская организація въ прошломъ.

Тѣсная зависимость военно-медицинскаго устройства войскъ отъ способовъ веденія войны.—Военно-медицинская организація у древнихъ народовъ.—Случайность медицинской помощи раненымъ въ средніе вѣка.—Измѣненія, происшедшія въ военно-медицинской организаціи съ учрежденіемъ регулярныхъ войскъ.—Военно-санитарное дѣло въ XVIII в. въ отдѣльныхъ государствахъ.

Исторія постепеннаго развитія гуманитарныхъ стремленій облегчить участь жертвъ военнаго времени самымъ тѣснымъ образомъ связана съ вопросами общей культуры человѣчества. Стремленія эти возникаютъ и получаютъ практическое выраженіе лишь тогда, когда процессъ дифференціаціи первоначально однородной воюющей массы достигъ извѣстной высоты своего развитія, короче говоря, когда уже совершился значительный прогрессъ въ способахъ и пріемахъ веденія войны.

Первоначально воюющая масса не имѣетъ никакого строенія. У дикарей сраженіе представляетъ собой не болѣе, какъ цѣлый рядъ отдѣльныхъ стычекъ. Такое разъединенное состояніе тянулось черезъ продолжительные историческіе періоды и въ теченіе всего этого времени помощь раненымъ имѣла чисто случайный характеръ.—Отсюда ясно, что исторія тѣхъ фазисовъ развитія, черезъ которые прошло отношеніе къ раненымъ необходимо разсматривать въ связи съ измѣненіями въ способахъ и пріемахъ веденія войнъ.

Законы Моисеевы проникнуты чисто патріархальнымъ попеченіемъ о благѣ народномъ. Когда войска были собраны, начальники должны были объявить: «если кто построилъ домъ и не жилъ въ немъ, или насадилъ виноградъ, и не собралъ плодовъ его, или взялъ супругу и не жилъ съ нею, то онъ свободенъ можетъ возвратиться въ домъ свой и увольняется отъ службы во все теченіе этого года».

Еще больше была забота о предупрежденіи болѣзней, неизбѣжныхъ при большомъ скопленіи людей. Законъ требовалъ, чтобы въ станѣ царствовала величайшая чистота:

12) Мѣсто должно быть у тебя внѣ стана, куда бы тебѣ выходить;

13) кромѣ оружія твоего должна быть у тебя лопатка; и когда будешь садиться внѣ стана, выкопай ею (яму), и опять зарой (ею) испражненіе твое [1]).

Послѣ отдѣленія жертвенныхъ частей, всѣ остатки животнаго обыкновенно сжигались внѣ стана:

11) а кожу тельца и все мясо его съ головою и съ ногами его, и внутренности его и нечистоту его,

12) всего тельца пусть вынесетъ внѣ стана на чистое мѣсто, гдѣ высыпается пепелъ и сожжетъ его огнемъ на дровахъ, гдѣ высыпается пепелъ, тамъ пусть сожженъ будетъ [2]),

17) а тельца и кожу его, и мясо его, и нечистоту его сжегъ на огнѣ внѣ стана, какъ повелѣлъ Господь Моисею [3]).

Постоянныя войска были учреждены только вторымъ царемъ израильскимъ, Давидомъ, за 1040 л. до Р. Х. Во

---

[1]) Второзаконіе, гл. XXIII.

[2]) Левитъ, гл. 4.

[3]) Левитъ, гл. 8.

времена Сулы и до него каждый Іудей по достиженіи двадцатилѣтняго возраста долженъ былъ по первому призыву являться на войну, а по окончаніи военныхъ дѣйствій воины расходились по домамъ. При Давидѣ же находились уже «отроки», которые могли подъ начальствомъ Авесса преслѣдовать бунтовщика Савея.—Давидъ раздѣлилъ свой народъ на 12 частей, изъ которыхъ въ каждой было по 24,000 мужей. Каждая изъ этихъ частей въ теченіе мѣсяца оставалась вооруженною. Такимъ образомъ въ распоряженіи Давида всегда находились воины, готовые отразить вторженіе непріятеля. Войско дѣлилось на тысячи и сотни, во главѣ которыхъ стояли тысячники и сотники. Во время войны арміей распоряжался самъ царь или особый военачальникъ.

Но несмотря на такую сравнительно высокую военную организацію безъ помощи оставались у древнихъ евреевъ не только раненые воины, но и сами цари. Такъ напр., Ахаавъ, восьмой царь израильскій, жившій въ концѣ X вѣка до Р. Х., во время войны съ сиріянами истекъ кровью, такъ какъ некому было оказать ему нужной помощи.

34) А одинъ человѣкъ случайно натянулъ лукъ и ранилъ царя Израильскаго сквозь швы латъ.

35) Но сраженіе въ тотъ день усилилось и царь стоялъ на колесницѣ противъ Сиріянъ, и вечеромъ умеръ, и кровь изъ раны лилась въ колесницу [1]).

Свѣдѣнія, сохранившіяся о военной медицинѣ въ древнемъ Египтѣ, очень скудны. Нѣкоторыя данныя могутъ быть почерпнуты въ папирусѣ «Эберсъ». Изъ позднѣйшихъ писателей древности особеннаго упоминанія заслу-

---

[1]) Книга Царствъ, III. 22.

живаютъ Геродотъ (II, 77, 84; III, 139 и др.) и Діодоръ (I, 82 и др.).

Египтяне не любили военнаго ремесла и египетскіе писатели находили всегда въ войнѣ и условіяхъ солдатской жизни неисчерпаемый источникъ для сатиры. Они изображаютъ египетскаго воина переносящимъ голодъ и жажду, подвергающимся ударамъ палки за малѣйшую оплошность, одѣтымъ въ лохмотья; онъ избѣгаетъ непріятельской стрѣлы, чтобы умереть отъ истощенія въ походахъ. Всѣмъ бѣдствіямъ войны обыкновенно противопоставляется безпечальная жизнь скрибы среди довольства и покоя. Во время наборовъ и приготовленія къ войнѣ нерѣдко цѣлая половина населенія годнаго къ военной службѣ убѣгала въ горы, гдѣ оно скрывалось, пока не минуетъ опасность. Чтобы предупредить побѣги уже набранныхъ воиновъ, ихъ нерѣдко содержали до выступленія въ походъ въ тюрьмахъ. Правда, на ряду съ Феллахами, для которыхъ война была истиннымъ несчастіемъ, въ каждой номѣ существовали еще семьи болѣе высоко поставленныя, для которыхъ военная служба была наслѣдственною обязанностью. Но и эти лица въ большинствѣ случаевъ шли на войну изъ боязни лишиться помѣстья и впасть въ нищету. Правитель Нахтминъ рисуетъ такую картину военной жизни: «Его (воина) бьютъ и животъ его покрытъ ранами.—Его бьютъ и брови его разсѣчены кровавыми рубцами.—Его бьютъ и на головѣ его проломы.—Его растягиваютъ и бьютъ по немъ какъ по папирусу, и онъ совсѣмъ разбитъ палкой.—Какъ оселъ тащитъ онъ на плечахъ своихъ продовольствіе и воду, и спина его ломится подъ ними, какъ ослиная, и кажется ему, что всѣ позвонки его надтреснули.—Вернется ли онъ въ Египетъ, онъ уже не что иное, какъ старое, источенное червями дерево.—Онъ боленъ, не мо-

жетъ ни стоять, ни ходить.—Его везутъ на ослѣ, а воры уносятъ его одежду и слуги его разбѣгаются» (*Масперо*). При такомъ отношенiи къ воину можно ли допустить, что въ древнемъ Египтѣ существовала *правильная* военно-медицинская организацiя, хотя существованiе отдѣльныхъ врачей въ египетскомъ войскѣ и не-подлежитъ сомнѣнiю.

Упоминается о военныхъ врачахъ и въ Аиръ-Веда. Одни изъ военныхъ врачей сопровождали войско, другiе находились при царской кухнѣ. — Послѣднiе занимали очень почетное положенiе, палатки ихъ раскидывались обыкновенно рядомъ съ царскою палаткою, главною ихъ обязанностью было охранять своего государя отъ отравы. Но въ общемъ число врачей въ индусскомъ войскѣ, повидимому, не было значительно.

Тогда какъ всѣ наши свѣдѣнiя о помощи раненымъ у древнихъ восточныхъ народовъ имѣютъ лишь отрывочный случайный характеръ, Гомеръ рисуетъ намъ яркую и вполнѣ опредѣленную картину военно-санитарной организацiи у грековъ.—Во время Троянской войны въ войскѣ грековъ находились два знаменитыхъ данайскихъ врача: Подалиръ и Махаонъ.

730) Триккой владѣвшiй народъ, и Иѳомой высоко-
утесной
И обитавшiй въ Эхалiи, градѣ владыки Эврита,
Два извели воеводы, Асклепiя мудрыя чада,
Славные оба Данаевъ *врачи*, Подалиръ и Махаонъ [1]).

Махаонъ лечилъ Пондара, раненаго стрѣлою Менелая.

209) Быстро пошли сквозь толпы по великому войску Данаевъ

[1]) Илiада Гомера, переводъ Н. И. Гнѣдича. Спб. 1884 г. Пѣснь XI.

И когда притекли, гдѣ Атридъ Менелай свѣтлокудрый
Былъ пораженъ, гдѣ собравшись Ахейскіе всѣ властелины
Кругомъ стояли, а онъ посреди ихъ, богу подобный,
Врачъ изъ плотнаго запона стрѣлу извлечь поспѣшаетъ,
Но когда онъ повлекъ, закривились шипы у пернатой,
Быстро тогда разрѣшивъ пестроблещущій запонъ, подъ онымъ
Поясъ, и повязь которую мѣдники мужи ковали,
Язвину врачъ осмотрѣлъ, нанесенную горькой стрѣлою,
Выжалъ кровь и, искусный, ее врачествами осыпалъ,
Силу которыхъ отцу его Хиронъ открылъ дружелюбный (пѣснь IV).

Но полнаго раздѣленія воинской и врачебной дѣятельности въ періодъ Троянской волны еще не существовало. Съ одной стороны данайскіе врачи принимали участіе въ сраженіи на ряду съ другими воинами (XI, 505), а съ другой стороны въ тайны врачеванія ранъ были посвящены и другіе герои Троянской войны. Такъ, раненый въ сраженіи Эврепидъ Эвемонидъ обратился къ Патроклу съ слѣдующими словами:

828) Вырѣжь стрѣлу изъ бедра мнѣ, омой съ него теплой водою
Черную кровь и цѣлебными язву осыпь врачевствами,
Здравыми; ихъ ты, вѣщаютъ, узналъ отъ Пелеева сына,
Коего Хиронъ училъ, справедливѣйшій всѣхъ изъ Кентавровъ.

841) Рекъ (Патроклъ) и, подъ грудь подхативши, повелъ онъ владыку народовъ
Къ сѣни; служитель узрѣвъ ихъ, тельчія кожи раскинулъ.
Тамъ распростерши героя, ножомъ онъ лядвеи жало
Вырѣзалъ горькой, пернатой, омылъ съ нее теплой водою
Черную кровь и руками истертымъ корнемъ присыпалъ

Горькимъ, врачующимъ боли, который ему совершенно
Боль утоляетъ, и кровь унялась и язва изсохла (XI).

Нерѣдко раненые воины сами должны были извлекать стрѣлы и перевязывать себѣ раны.

397) Діомедъ же, присѣвъ изъ ноги прободенной
Вырвалъ стрѣлу, и по тѣлу жестокая боль пробѣжала

Раненыхъ греки отвозили на корабли. Такъ, напр., удалился изъ боя Діомедъ, раненый въ ногу стрѣлою Париса.

399) Онъ въ колесницу вскочивъ, повелѣлъ своему браздодержцу
Коней къ судамъ устремить мореходнымъ: терзалось въ немъ сердце [1]).

Обыкновенно же отвозилъ раненыхъ на корабли пристарѣлый Несторъ.

511) Несторъ Нелидъ, о великая слава Ахейскихъ народовъ!
Стань въ колесницу немедленно, пусть и почтенный Махаонъ
Станетъ съ тобой, и гони къ кораблямъ ты коней быстроногихъ.
Опытный врачъ драгоцѣннѣе многихъ другихъ человѣковъ,
Зная вырѣзывать стрѣлы и язва цѣлить врачевствами [2]).

Изъ троянскихъ врачей упоминается только Агеноръ [3]), но другія мѣста той же поэмы позволяютъ думать, что въ троянскомъ войскѣ находились и другіе врачи.

О медицинско-санитарномъ устройствѣ войскъ въ позднѣйшіе періоды греческой исторіи мы находимъ свѣдѣнія

---

[1]) Ibid.

[2]) Ibid.

[3]) Il. XIII, 598.

у Өукидида (I, 3, 6), Геродота (IX, 24), Юстина (XXVIII, 4, 5), Ксенофонта и др.

У Спартанцевъ, государство которыхъ было какъ бы открытымъ лагеремъ, расположеннымъ среди побѣжденныхъ и непріятелей и у которыхъ все цѣликомъ было направлено къ оборонѣ или битвѣ, военные врачи существовали, повидимому, еще во времена Ликурга, т. е. въ IX вѣкѣ до Р. Х. [1]).

Ксенофонтъ приводитъ слѣдующій діалогъ между Киромъ и Камбизомъ [2]). «Для заботы о здоровьѣ моихъ воиновъ въ моемъ войскѣ находятся люди искусные въ медицинѣ. Я слыхалъ, что, подобно городамъ, полководцы приглашаютъ обыкновенно врачей для своихъ подчиненныхъ, и потому, какъ только эта должность была поручена мнѣ, я принялъ всѣ нужныя для того мѣры.

Врачи, о которыхъ ты говоришь, сказалъ Камбизъ, подобны портнымъ, зачиняющимъ разодранное платье, они являются только тогда, когда человѣкъ уже боленъ. Твое же попеченье о здоровьѣ воиновъ должно быть гораздо больше: ты долженъ стараться предупреждать болѣзни».

Кромѣ того извѣстно, что врачи находились при отдѣльныхъ полководцахъ. Такъ, Өессалій, сынъ Гиппократа, сопровождалъ Алкивіада въ Сицилію; рану Филиппа Македонскаго лечилъ врачъ Критобулъ, въ войскѣ Александра Великаго находились врачи Каллистенъ, Главка, Алексипъ, Катодемусъ, Паузаній, Андрокидъ. Наконецъ, въ походѣ «десяти тысячъ» Ксенофонта принимали участіе восемь врачей.

Недавно была найдена бронзовая доска свидѣтельствую-

---

[1]) Xenophon. Lacedaem. respubl. XIII, 7.

[2]) Ксенофонта философа и полководца славнаго исторія о старшемъ Кирѣ. Въ С.-Петербургѣ, 1788. Вторымъ тисненіемъ, стр. 69.

щая о подвигахъ греческихъ врачей во время персидскихъ войнъ (*Gurlt*).

Болѣе высокая организація помощи раненымъ сопутствовала римскую цивилизацію. Наиболѣе цѣнныя свѣдѣнія по этому вопросу разсѣяны въ трудахъ Ливія, Салюстія, Діонисія Галикарнасскаго, Светонія, Валерія Максима, Плинія, Гигина, Галена и др.

Въ до-августовскій, республиканскій періодъ военная медицина, какъ организованное цѣлое, еще не существовала. Это обусловливалось съ одной стороны отсутствіемъ постоянныхъ войскъ и съ другой стороны недостаткомъ во врачахъ, число которыхъ значительно увеличилось въ Римѣ только со времени покоренія Греціи.

Но тѣмъ не менѣе не подлежитъ сомнѣнію, что и въ это время въ римскомъ войскѣ находились отдѣльные врачи, состоявшіе обыкновенно при консулахъ, преторахъ и другихъ богатыхъ и вліятельныхъ людяхъ. Такъ, по свидѣтельству *Плутарха* (*Cat. min. 70*), при Катонѣ Младшемъ находился врачъ Клеанѳъ.

Установленіе имперіи имѣло своимъ послѣдствіемъ возникновеніе постоянной арміи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и болѣе прочной военно-медицинской организаціи. Наиболѣе убѣдительнымъ образомъ доказываютъ это эпиграфическія данныя, большинство которыхъ относится къ первому времени существованія имперіи. — Образчикомъ подобныхъ надписей могутъ служить двѣ слѣдующія:

L. Caeli Arrian medico legionis II. italic. qui vix. ann XXXXVIII menses VII	Ti · Claudius · Julianus medicus · clinicus · coh · III pr · fecit · vivos · sibi · et Tulliae · Epigone · conjugi libertis · libertabusque

Scribonia Faustina conjugi carissimo

Claudiis · posterisque eorum [1])
H; M; H; N; S.

Особенно много заботились объ обезпеченіи раненымъ скорой помощи Троянъ и Александръ Северъ. У историка временъ Трояна, вольно-отпущенника *Гигина*, мы встрѣчаемъ слѣдующее описаніе военнаго лазарета: «Quotiens autem quinque vel sex Legiones acceptae fuerint, duae cohortes primae lateribus plaetorii tendere debebunt, duae in praetentura, supra quas *Valetudinarium*; deinde vexillarii vel cohors secunda; et si res exigat, cohors petitata quingenaria, loco vexillarum solet superponi; et si strictior fuerit pedatura, cohorti Legionariae dari debet, sed numero suo, ut septuaginta pedes valetudinarium et reliqua, quae supra tendunt, accipiant, hoc est veteri narium et fabrica; quae ideo longins posita est, ut valetudinarium quietum esse convalescentibus possit: quorum pedatura in singulas species ad ducentos homines solet computari» [2]). *(Hygini Gromatici, de Castramentatione Liber, pag, 114 et 1021. Tom X. Autiquis Roman. Ioan. Graenii).*

Во время опустошительныхъ эпидемій, напр. тифа, свирѣпствовавшаго въ римскомъ войскѣ во время гражданскихъ войнъ Помпея и Цезаря, если не хватало мѣстъ въ валетудинаріяхъ, больные переправлялись въ ближайшіе города и селенія, гдѣ они размѣщались по

---

[1]) Dr. Félix Roubaud, Des hôpitaux au point de vue de leur origine et de leur utilité, des conditions Hygiéniques qu'ils doivent presenter, et de leur administration. Paris, 1853.—А. Стрѣльцовъ, Врачи у древнихъ римлянъ. 1888.

[2]) Когда собирутся пять—шесть легіоновъ, двѣ первыя когорты располагаются по сторонамъ преторіи; двѣ—въ претентурѣ; вдоль послѣднихъ помѣщается лазаретъ; etc.

частнымъ домамъ. «Magna post proelia sancios largitione et cura sustentabant in privato valetudinario». (Tacit., Annal., lib. IV).

Во флотѣ при каждой триремѣ также существовало по одному врачу. Возможно, впрочемъ, что меньшіе корабли не имѣли врача вовсе, а большіе имѣли изъ нѣсколько, но прямыхъ указаній на это нигдѣ нѣтъ [1]). Нѣкоторые изъ флотскихъ врачей за отличіе получали двойное жалованье (duplarii) [2]).

Такимъ образомъ, мы видимъ, что въ древнѣйшія времена правильно организованная медицинская помощь составляла исключеніе. Такое равнодушіе къ участи раненыхъ и больныхъ находится въ полномъ согласіи съ тою жестокостью, какую проявляли при веденіи войнъ древнія народы. Ассиріяне, напр., сдирали съ плѣнныхъ кожу и бросали ихъ затѣмъ въ раскаленную печь (*Масперо*). Александръ Великій выразилъ свою скорбь по поводу смерти своего друга Гефестіона тѣмъ, что велѣлъ остричь гривы своимъ лошадямъ, потушить священный огонь, умертвить нѣсколько тысячъ плѣнныхъ и распять на крестѣ врача, лечившаго Гефестіона. Во время пелопонесской войны Спартанцы убивали плѣнныхъ, а Аѳиняне отсѣкали имъ правую руку (Тэнъ).

Наступившія вслѣдъ за паденіемъ античной культуры непрерывныя войны, вторженія варваровъ, гоненія на христіанъ повергли Европу въ состояніе полнаго варварства.

Въ средніе вѣка мы встрѣчаемъ снова возвращеніе къ хаотической формѣ сраженія. Въ ранній феодальный пе-

---

[1]) Стрѣльцовъ, op. cit., p. 68.

[2]) Ковнеръ, Истор. древн. медицины. Ч. III, стр. 989.

ріодъ все строилось на личной доблести. Война, говоритъ Готье, представляла рядъ «кровопролитныхъ дуэлей». Во Франціи XIV ст. армія была ордою независимыхъ главъ, за каждымъ изъ которыхъ шли его собственные пособники, при чемъ каждый дѣйствовалъ, какъ ему хотѣлось; по словамъ Фруассара, между отдѣльными группами было такъ мало связи, что имъ не всегда было извѣстно о пораженіи главнаго войска.

За весь этотъ длинный періодъ заботливость о больныхъ, раненыхъ и отставшихъ была дѣломъ частной инниціативы и личнаго подвига врачей, сопровождавшихъ походъ и обязанныхъ лечить только короля, бароновъ, полководцевъ. Но очень часто даже сами полководцы были вынуждены довольствоваться цирюльниками и эмпириками за невозможностью найти хирурга [1]).

Изъ отдѣльнымъ врачей, прославившихся своею самоотверженною дѣятельностью во время войнъ, упоминанія заслуживаютъ: Жанъ Питаръ, сопровождавшій Людовика св. въ Святую Землю, а затѣмъ бывшій лейбъ-хирургомъ Филиппа Сильнаго и Филиппа Красиваго; Генрихъ изъ Мондевиля, ученикъ Теодориха и Лафранши и учитель Гюи де Шоліака, лейбъ-медикъ Филиппа Красиваго; знаменитый реформаторъ хирургіи Амбруазъ Паре, находившійся во время войнъ 1536—1569 г. сначала при Montejeau, а затѣмъ при Rohan, и, наконецъ, его ученикъ Пигрей. Но само собою понятно, что отдѣльные врачи могли оказывать помощь только очень ограниченному контингенту лицъ. (Рис. 8).

Нѣчто въ родѣ санитарной службы существовало въ концѣ IX вѣкѣ при Людовикѣ Благочестивомъ. Во время продолжительныхъ войнъ, которыя велъ этотъ государь

[1]) Malgaigne, Op. cit. P. CLXVII.

съ венграми, болгарами и сарацинами при каждомъ когортѣ находилось 8—10 человѣкъ, избиравшихся, обык-

Рис. 8. Полевой хирургъ и его помощникъ въ XVI в.—Niclas Meldemann. P. 9.

новенно, изъ людей, неспособныхъ къ строевой службѣ; на нихъ обязанности лежало подбирать раненыхъ и ухаживать за ними. Они получали опредѣленное вознагражденіе за каждаго спасеннаго ими солдата.

Другая попытка такого рода была сдѣлана императоромъ Максимиліаномъ I (1493—1519), въ войскѣ котораго на каждые въ среднемъ 200 человѣкъ существовали одинъ санитаръ съ помощникомъ [1]).

Заслуживаютъ упоминанія также мѣры, принимавшіяся для обезпеченія помощи раненымъ нѣкоторыми городами. Въ 1325 г. войско города Iперн сопровождалъ хирургъ Жанъ Иперманъ [2]).— Въ 1449—50 г. во время осады города Нюренберга, Бранденбургскимъ ландграфомъ Альбрехтомъ Ахиллесомъ въ войскѣ осажденныхъ находились два городскихъ врача [3]). Мы не станемъ приводить другихъ подобныхъ же примѣровъ, замѣтимъ только, что при желаніи число ихъ можно было бы значительно умножить.

Итакъ и въ средніе вѣка не существовало организованной помощи раненымъ и участь ихъ въ значительномъ большинствѣ случаевъ всецѣло зависѣла отъ ихъ сотоварищей по ратному дѣлу, которые часто, увлекшись боевымъ пыломъ или заботами о собственномъ спасеніи, оставляли ихъ безъ всякаго призора и ухода.

Отсутствіемъ знающихъ врачей и хирурговъ пользовались разнаго рода шарлатаны, которые вмѣстѣ съ маркетантами слѣдовали за войсками и послѣ каждаго сраженія являлись полными хозяевами положенія. Они перевязывали и лечили раны, но главнымъ образомъ торговали различными тайными средствами, эксплоатируя этимъ путемъ безпомощность больныхъ. Очень дѣятельное уча-

---

[1]) E. Gurlt, Geschichte des Chirurgie. Berlin, 1898. Dritter Band, S. 18.

[2]) Ibid. T. II, p. 679.

[3]) Monographien zur deutschen Kulturgeschichte. Band 3. Altertiimliche Ausgabe. H. Peters. Leipzig, 1900.

стіе въ уходѣ за ранеными принимали также женщины (*Alwin Schulz*).

Для полноты картины тѣхъ бѣдствій, на которыя обрекались воюющія массы, надо припомнить еще, что въ прошломъ при повсемѣстной нищетѣ и неопрятности, при полномъ забвеніи самыхъ элементарныхъ правилъ гигіены, моровая язва, проказа, разныя эпидеміи акклиматизировались въ районѣ военныхъ дѣйствій, какъ у себя дома. Лихорадочныя болѣзни и дизентерія вырывали изъ строя до двухъ третей наличнаго состава. Много народу гибло также отъ венерическихъ болѣзней. «Сіи ужаснѣйшіе враги, говоритъ Я. Говоровъ, причиняли болѣе вреда нѣкоторымъ изъ нашихъ воиновъ, нежели обыкновенныя послѣдствія войны» [1]). Осложненіе ранъ септицеміей, піеміей, госпитальной гангреной и проч. составляло самое заурядное явленіе. Среди моряковъ жертвы вербовались главнымъ образомъ скорбутомъ.

Но самымъ безпощаднымъ бичомъ прежнихъ войнъ былъ тифъ. «Исторія тифа, говоритъ Гиршъ, есть исторія самаго человѣческаго страданія». Въ 1566 году, напр., во время австро-турецкой войны опустошеніе, произведенное тифомъ въ австрійскомъ войскѣ, было такъ велико и впечатлѣніе, произведенное имъ, было такъ сильно, что еще въ XVII ст. тифъ назывался венгерской лихорадкою, венгерскою чумой. Но наивысшаго развитія тифозныя эпидеміи достигли въ послѣднюю четверть XVIII ст. во время войнъ изъ-за испанскаго наслѣдства и революціонныхъ войнъ. Въ австрійскомъ полку Nugent въ 1775 г. переболѣли тифомъ поголовно всѣ солдаты, при чемъ 600 человѣкъ поплатились жизнью [2]).

---

[1]) Журналъ Медико-хирургической Академіи за 1816 г. № 1.

[2]) N. Rigler, Constitutio epidemica ducatus Bielicensis in Silesia austrica annorum 1775—1779. Vratisl. 1780.

Для тѣхъ, кто привыкъ дѣйствовать при условіяхъ, созданныхъ великими пріобрѣтеніями новѣйшаго времени, и у кого подчасъ является сомнѣніе въ пригодности настоящаго порядка вещей, весьма полезно сравнить тѣ мѣры, которыя принимаются въ настоящее время въ борьбѣ

Фиг. 9.

съ заразными болѣзнями, съ тѣми, которыя употреблялись съ этою цѣлью въ прошлыя времена. Для этого достаточно взглянуть только на приводимый рисунокъ (рис. 9), который представляетъ собою врача XVII в., облечен-

наго въ предохранительный костюмъ противъ чумной заразы.

Когда, наконецъ, между феодальными владѣльцами, управлявшими и злоупотреблявшими человѣчество, нашелся въ каждомъ государствѣ одинъ, оказавшійся болѣе сильнымъ, и когда онъ, пользуясь общимъ одобреніемъ, подчинилъ себѣ всѣхъ остальныхъ и подъ именемъ короля сдѣлался главою народа, тогда совершился и переходъ отъ временныхъ народныхъ ополченій къ постояннымъ регулярнымъ войскамъ.

На коренное измѣненіе условій военнаго быта, выразившееся въ сліяніи отдѣльныхъ примитивныхъ группъ въ одно стройное цѣлое, большое вліяніе имѣло также открытіе взрывчатыхъ веществъ.

Въ средніе вѣка при страшномъ опустошеніи, произв о димомъ въ войскахъ различными эпидеміями, самыя войны быти далеко не такъ опасны, какъ это кажется. *Ордерикъ Виталь*, напр., повѣствуя о Бретпольскомъ сраженіи (1119 г.), говоритъ: «я знаю, что на 900 сражавшихся рыцарей, только трое были убиты; собственно говоря, они были закованы въ желѣзо и щадили другъ друга, стараясь не столько убивать, сколько брать въ плѣнъ» [1]). Идеаломъ воина былъ Карлъ Великій, какимъ онъ рисуется въ хроникѣ *Люе-Тюрпена*. «Онъ однимъ ударомъ перерубаетъ пополамъ воина вмѣстѣ съ лошадью, сразу разгибаетъ безъ труда четыре лошадиныя подковы, съѣдаетъ за обѣдомъ четверть барана, двухъ куръ или гуся и проч.». Въ своемъ вооруженіи средневѣковый воинъ напоминалъ живую крѣпость, очень мало доступную для тогдашнихъ орудій войны.

---

[1]) Левиссъ и Рамбо, Культура и цивилизація Западной Европы въ эпоху крестовыхъ походовъ, Москва. 1895 г. Стр. 57.

Изобрѣтеніе взрывчатыхъ веществъ, имѣвшее своимъ послѣдствіемъ введеніе въ военное дѣло митральезъ, бездымнаго пороха и круповскихъ пушекъ, уже въ XVII в. сдѣлало воина совершенно незащищеннымъ противъ непріятельскихъ снарядовъ. Ловкость, сила, способность возможно дольше выдерживать бой перестали быть условіемъ успѣха. Войны сдѣлались болѣе кровопролитными, изъ строя стало выбывать бóльшее число лицъ, травматическія заболѣванія приняли характеръ эпидемическій, и необходимость организаціи, обезпечивающей помощь раненымъ независимо отъ личнаго подвига, сдѣлалась еще настойчивѣй, еще необходимѣй.

Дальнѣйшій прогрессъ въ этой области совершился подъ вліяніемъ просвѣтительныхъ идей XVIII в., когда даже врагъ пересталъ быть extra legem и жизнь стала щадиться изъ побужденій чисто нравственныхъ. Это было время, когда до отдаленныхъ предѣловъ образованнаго міра прогремѣло могучее и убѣжденное слово Руссо, когда занималась яркая заря новаго отношенія къ человѣку и его нравственному достоинству.

Восемнадцатому вѣку не были чужды даже идеи Женевской конвенціи. Передъ сраженіемъ при Дэттингенѣ, напр., въ 1743 г., лазареты и весь медицинскій персоналъ были объявлены нейтральными.

Правда, военно-медицинскія учрежденія начала XVIII вѣка еще не могли избавиться вполнѣ отъ вліянія временныхъ, средневѣковыхъ ополченій, но уже одинъ тотъ фактъ, что среди казармъ и крѣпостей появились сооруженія, хотя бы и скромныя, для больныхъ и раненыхъ, былъ великій шагъ впередъ на пути культурнаго развитія народовъ.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы разсмотримъ состояніе военно-медицинской организаціи въ XVIII в. въ каждомъ

изъ европейскихъ государствъ въ отдѣльности, при чемъ наиболѣе подробно остановимся на русской военно-медицинской старинѣ.

Франція.—Первый регламентъ объ оказаніи помощи раненымъ былъ изданъ Генрихомъ IV въ 1591 г.; въ 1597 г., при осадѣ Амьена, по его повелѣнію былъ устроенъ первый летучій лазаретъ. При Людовикѣ XIII, помимо подвижныхъ лазаретовъ, устраивались также постоянные.

Военно-морская медицина во Франціи беретъ свое начало съ конца XVII вѣка, когда благодаря генію Кольбера былъ созданъ постоянный флотъ. Въ общемъ положеніи о флотѣ, вышедшемъ въ 1642 году, капитанамъ вмѣняется въ обязанность приглашать знающихъ хирурговъ. Первые морскіе хирурги находились въ полной зависимости отъ командира корабля. Командиръ приглашалъ хирурга на опредѣленное время и въ каждую данную минуту могъ снова удалить его съ корабля.

Указомъ 15-го августа 1689 г. было предписано также и всѣмъ торговымъ судамъ, отправляющимся въ дальнее плаваніе, брать съ собою одного или двухъ хирурговъ, смотря по численности экипажа и продолжительности плаванья.

Въ первые годы своего царствованія Людовикъ XIV назначилъ главнымъ хирургомъ всѣхъ морскихъ и сухопутныхъ войскъ Жана Портье, давъ ему большія полномочія. Но послѣдній не воспользовался предоставленными ему правами и морскіе хирурги продолжали оставаться въ полной зависимости отъ произвола капитановъ судовъ.

Въ виду крайне низкаго уровня знаній у хирурговъ, всѣми сознавалась настойчивая необходимость въ пра-

вильно-организованномъ медицинскомъ преподаванiи. Первыя хирургическiя школы были открыты въ Лилѣ, Мецѣ и Страсбургѣ и спецiально для врачей морской службы въ Тулонѣ, Брестѣ и Рошефорѣ. Помимо правительственныхъ школъ существовали также частныя.

Чтобы дать нѣкоторое представленiе о характерѣ медицинскаго преподаванiя въ XVIII столѣтiи, мы остановимся нѣсколько подробнѣе на военно-хирургическихъ школахъ въ Рошефорѣ и Брестѣ.

Школа въ портѣ Рошефоръ была основана по инициативѣ старшаго врача въ Рошефорѣ Дюпюи. Послѣ цѣлаго ряда ходатайствъ передъ министромъ, ему были отпущены средства на содержанiе при госпиталѣ, въ видѣ опыта, четырехъ учениковъ съ тѣмъ, чтобы эти послѣднiе, усовершенствовавшись въ достаточной степени въ хирургiи, поступили въ качествѣ подлекарей на судовую службу съ жалованiемъ 15 livres въ мѣсяцъ. Первый опытъ удался, и въ 1721 году было рѣшено открыть постоянную школу, на что, впрочемъ, была отпущена очень скромная даже для того времени сумма въ 996 livres, 16 sols.

Этой школѣ удалось очень скоро завоевать себѣ почетное положенiе въ общественномъ мнѣнiи. Командиры судовъ считали для себя большимъ счастьемъ, если имъ удавалось имѣть хирургомъ ученика Дюпюи. Но такъ какъ школа въ Рошефорѣ не могла удовлетворить всему спросу на хирурговъ, то въ 1731 г. была основана такая же школа въ Брестѣ.—Въ серединѣ вѣка условiя прiема и порядокъ преподаванiя въ этихъ школахъ были слѣдующiе. Въ школы принимались физически-здоровые юноши, не моложе 15 лѣтъ, благообразной внѣшности и съ правильной формы руками. На вступительномъ экзаменѣ они должны были обнаружить умѣнье читать и писать, точить ножи и ножницы, брить и пускать кровь. Выдержавшiе

экзаменъ, поступали подъ надзоръ смотрителя госпиталя, который вручалъ имъ особыя тетрадки съ предварительными свѣдѣніями по хирургіи и анатоміи, которыя они должны были заучить. Демонстраторъ, на обязанности котораго лежало слѣдить за занятіями учениковъ, отмѣчалъ ежедневно въ своей записной книжкѣ успѣхи, сдѣланные каждымъ изъ нихъ. Послѣ ознакомленія съ анатоміей и хирургіей по запискамъ, ученики допускались къ занятіямъ на трупахъ. Они обязаны были сами отправляться au dépôt des morts за трупами, и затѣмъ туда же возвращать всѣ сохранившіеся послѣ занятій остатки. Занятіями руководилъ демонстраторъ. Послѣ изученія анатоміи переходили къ операціямъ на трупахъ, которымъ придавалось большое значеніе. Кромѣ хирургіи старшій врачъ сообщалъ еще общія свѣдѣнія по внутренней медицинѣ, а также училъ консервировать нѣкоторыя, наиболѣе употребительныя, лекарственныя растенія.—Послѣ 3-хъ лѣтъ, проведенныхъ въ школѣ, ученики по очереди назначались въ плаванье.—Для поддержанія между учениками соревнованія наиболѣе преуспѣвшимъ давались золотыя медали, большая и малая, которыя назначались самимъ королемъ, по представленію администраціи школы.

До 1746 г. большинство учениковъ не имѣли собственнаго помѣщенія, и спали они въ самыхъ госпиталяхъ среди больныхъ. На учениковъ возлагались нѣкоторыя обязанности; они должны были слѣдить за діэтой больныхъ, за прислугою и пр. Если ученикъ засыпалъ во время дежурства, онъ платилъ 20 sous штрафу, если же оставлялъ госпиталь, исключался изъ школы.—Отсутствіе собственныхъ помѣщеній и переполненіе госпиталей во время войнъ часто нарушало правильность занятій.

Послѣ многихъ лѣтъ, проведенныхъ въ школѣ за занятіями медициной и хирургіей, послѣ нѣсколькихъ компаній, совершенныхъ на военныхъ корабляхъ, въ низшихъ должностяхъ, тѣ, которые желали получить степень хирурга, подвергались экзамену по анатоміи и хирургіи. Это былъ торжественный день въ жизни хирурговъ. Въ назначенный день подъ предсѣдательствомъ интенданта порта, въ присутствіи докторовъ порта, штабъ-хирурга, его помощника и всѣхъ имѣющихся налицо хирурговъ, рѣшалась судьба экзаменующихся. Выдержавшіе испытаніе получали степень хирурга.

Если военныхъ врачей не доставало, то на службу приглашались вольнопрактикующіе хирурги, которые, по прибытіи ихъ на мѣсто, подвергались экзамену и затѣмъ получали назначеніе соотвѣтственно обнаруженнымъ ими знаніямъ.

Въ 1756 г. во время войны съ Англіей школы были уже въ состояніи снабдить флотъ нужнымъ количествомъ хирурговъ. Во второй половинѣ вѣка возникла тенденція замѣщать каждое освободившееся мѣсто путемъ конкурснаго экзамена.

Такимъ образомъ уже въ прошломъ столѣтіи во Франціи существовала система конкурсовъ и экзаменовъ, получившая такое широкое развитіе въ нашъ вѣкъ.

На леченіе раненыхъ и больныхъ солдатъ во Франціи тратилось несравненно больше денегъ, чѣмъ въ какомъ-нибудь другомъ изъ европейскихъ государствъ. Во время же республиканскихъ войнъ, подъ вліяніемъ идей о равенствѣ и братствѣ, за солдатомъ было признано право на такой же медицинскій уходъ, какимъ пользуются офицеры.

Въ XVIII в. медицинскій персоналъ состоялъ изъ слѣ-

дующихъ категорій: докторовъ, штабъ-хирурговъ, хирурговъ, помощниковъ хирурговъ и аптекарей.

По параграфамъ V, VI, VII и VIII регламента 1689 года обязанности между ними въ портовыхъ городахъ были распредѣлены слѣдующимъ образомъ.

Докторъ обязанъ былъ посѣщать больныхъ солдатъ и офицеровъ по первому ихъ требованію; обходить не менѣе двухъ разъ въ день больныхъ въ госпиталѣ, присутствовать при перевязкѣ ранъ; экзаменовать вмѣстѣ съ штабъ-хирургомъ и въ присутствіи комиссара госпиталя всѣхъ хирурговъ, помощниковъ-хирурговъ и аптекарей, поступающихъ на судовую службу.

Штабъ-хирургъ долженъ былъ лечить всѣхъ офицеровъ, матросовъ и другихъ лицъ, находящихся на морской службѣ; вмѣстѣ съ докторомъ 2 раза въ день навѣщать раненыхъ; распредѣлять обязанности между младшими хирургами, экзаменовать вмѣстѣ съ докторомъ хирурговъ, поступающихъ на судовую службу, и, наконецъ, вмѣстѣ съ докторомъ контролировать дѣятельность аптекаря. Такимъ образомъ штабъ-хирургъ былъ помощникомъ, а въ случаѣ надобности замѣстителемъ доктора.

Помощникъ хирурга и аптекарь должны были сопровождать доктора и штабъ-хирурга и въ точности исполнять всѣ ихъ предписанія.

Регламентъ 1689 года подвергся съ теченіемъ времени нѣкоторымъ поправкамъ и дополненіямъ, но въ своихъ основныхъ чертахъ оставался тѣмъ же до конца XVIII вѣка.

По уставу 1759 года, на каждые 100 человѣкъ экипажа долженъ былъ быть одинъ хирургъ. Такое большое число хирурговъ находитъ свое объясненіе въ почти непрерывныхъ и крайне тяжелыхъ по своему проявленію эпидеміяхъ, опустошавшихъ въ то время флотъ. Такъ

напримѣръ, въ 1757 г., во время войны съ англичанами, въ теченіе 5 мѣсяцевъ погибло отъ тифа, скорбута и другихъ болѣзней 5 докторовъ и 150 хирурговъ.

Въ сухопутныхъ войскахъ въ концѣ вѣка находилось по два хирурга при каждомъ батальонѣ. Такимъ образомъ всего въ полку находилось 8—10 хирурговъ. Хирургъ перваго батальона считался старшимъ; онъ долженъ былъ имѣть степень доктора медицины и хирургіи одного изъ французскихъ факультетовъ. — При каждой арміи находился еще хирургъ — консультантъ, который принималъ участіе въ обсужденіи всѣхъ наиболѣе сложныхъ случаевъ; должность эта была упразднена въ 1795 г.

Всѣ полковые хирурги были подчинены строевому начальству: командующему полкомъ и батальоннымъ командирамъ. Старшій хирургъ долженъ былъ руководить своими младшими товарищами и оказывать имъ помощь своими совѣтами во всѣхъ встрѣчающихся въ ихъ практикѣ затрудненіяхъ. На обязанности врачей лежала не только врачебная часть, но также санитарная и продовольственная, они должны были слѣдить за доброкачественностью пищевыхъ продуктовъ, чистотою казармъ и т. д.

Въ военное время во главѣ каждаго отряда, дѣйствующаго самостоятельно, находился еще особый отрядной врачъ.

При началѣ каждой кампаніи формировался кромѣ того батальонъ санитаровъ, которые должны были находиться при хирургахъ и по ихъ указаніямъ исполнять въ госпиталяхъ и на полѣ сраженія всѣ низшія медицинскія обязанности.

Во время военныхъ дѣйствій, каждый хирургъ обязанъ былъ постоянно имѣть при себѣ всѣ необходимые хирургическіе инструменты, которые составляли для него своего рода оружіе военнаго времени.

Для выясненія матеріальнаго положенія военныхъ врачей въ прошломъ столѣтіи, мы приведемъ соотвѣтствующіе параграфы нѣсколькихъ регламентовъ, касающихся врачей морской службы. По регламенту 1689 г. на кораблѣ 1-го ранга штабъ-хирургъ получалъ 75 liv. въ мѣсяцъ, хирургъ 30, аптекарь 24, помощникъ хирурга 15. На кораблѣ 2-го ранга штабъ-хирургъ получалъ 60, хирургъ 24, аптекарь 18, помощникъ хирурга 15.—Содержаніе офицера въ госпиталѣ обходилось 15—25 sols, солдата 7 sols.—По регламенту 1758 года штабъ-хирургъ получалъ содержанія 2300 liv. въ годъ, его помощникъ 1610, полковой хирургъ 1473, хирургъ при арсеналѣ 1200, помощникъ хирурга 6 fr. въ мѣсяцъ при готовой квартирѣ и содержаніе.—По регламенту 1786 года, штабъ-хирургъ получалъ 2000, его помощникъ 1800, помощникъ хирурга 420 (*Lefevre, pp. 16, 136, 233*).

Французскіе врачи шли въ бой вмѣстѣ съ своими батальонами и полками, они оказывали помощь раненымъ подъ огнемъ, рискуя своею собственною жизнью. Самоотверженность врачей должна была, несомнѣнно, оказывать нравственное вліяніе на солдатъ, но съ другой стороны врачъ не могъ работать спокойно и увѣренно, какъ этого требуетъ самый родъ его дѣятельности, и кромѣ того большое число жертвъ между врачами отзывалось губительно на самихъ раненыхъ.

Въ концѣ XVIII ст. всѣ лучшіе хирурги были военными хирургами; многіе изъ нихъ были членами Collège de Saint-Côme. На гражданскую службу предпочитали брать тѣхъ хирурговъ, которые пробыли нѣкоторое время на военной службѣ.

Всѣ военные госпитали были раздѣлены на 5 классовъ и снабжены соотвѣтствующимъ количествомъ медицинскаго персонала.—Въ полевыхъ лазаретахъ оказывалась толь-

ко первая помощь, послѣ чего больные переправлялись въ постоянные госпитали.—При полевомъ лазаретѣ, сопровождавшемъ армію въ 20,000 человѣкъ, должны были находиться штабъ хирургъ, его помощникъ, 12 хирурговъ, 30 учениковъ и 30 служителей.

Управленіе постоянными госпиталями нерѣдко находилось въ рукахъ лицъ совершено чуждыхъ какъ медицины, такъ и военной администраціи, а именно женскихъ духовныхъ орденовъ. Такъ, завѣдываніе госпиталемъ въ Рошефорѣ находилось одно время въ рукахъ духовнаго ордена Saint Jean-de-Dieu, въ Брестѣ въ рукахъ общины сестеръ милосердія Saint vincent de Paul и т. д.[1].

Въ концѣ вѣка были выработаны новыя правила управленія военными госпиталями. Во главѣ каждаго изъ нихъ былъ поставленъ совѣтъ изъ трехъ лицъ: завѣдующаго госпиталемъ, комиссара госпиталя и строевого офицера. Этотъ совѣтъ былъ подчиненъ центральному управленію, Conseil de santé, которое въ свою очередь зависѣло уже непосредственно отъ министра. Conseil de santé состояло изъ трехъ врачей и одного фармацевтма; назначались всѣ эти лица самимъ королемъ.—Conseil de santé назначалъ врачей во всю армію и къ нему поступали два раза въ мѣсяцъ подробные отчеты о положеніи госпиталей и санитарномъ состояніи отдѣльныхъ войсковыхъ частей.

Перевозка раненыхъ на перевязочные пункты и затѣмъ далѣе въ постоянные лазареты была правильно организована французами только во-второй половинѣ столѣтія. Еще во время войнъ 1758—59 года раненые по нѣсколько дней оставались на полѣ битвы безпомощные и за-

---

[1]) *Dulorant*, Essai sur les établissements nécessaires et les moins dispendieux pour rendre le service des malades dans les hôpitaux vraiment utile à l'Ihmanité. Paris. 1787.

бытые. Санитарныя повозки были такъ плохи, что больные предпочитали, чтобы ихъ несли съ поля битвы на ружьяхъ, доскахъ, и т. п.

Въ шестидесятыхъ годахъ *Коломбье* была введена болѣе цѣлесообразная повозка; она имѣла 14 фут. въ длину и 5 фут. въ ширину и была разсчитана на четырехъ больныхъ, которые помѣщались на особыхъ, подвѣшанныхъ на ремняхъ, матрацахъ, чѣмъ значительно ослаблялась сила толчковъ. Въ 1788 г. на каждые 1000 человѣкъ приходилась одна повозка.

Нѣсколько позднѣе *Перси* была предложена т. наз. «колбаса» повозка (Wurst); она представляла собой длинный круглый ящикъ, похожій на колбасу, на который садились верхомъ 8 хирурговъ и 4 санитара, повозку эту сопровождали четыре верховыхъ. Повозки *Перси* не получала широко распространенія и въ скоромъ времени была совсѣмъ оставлена.

Большого вниманія заслуживаютъ разборныя полевыя носилки *Перси*; составныя части каждыхъ подобныхъ носилокъ распредѣлялись между двумя санитарами: поперечныя перекладины помѣщались на ранцѣ, продольныя жерди носились въ рукахъ, полотно, свертывалось наподобіе пояса.

Очень практичнымъ оказался санитарно-летучій отрядъ *Ларрея*; онъ былъ введенъ во французскую армію во время Наполеоновскихъ войнъ и послужилъ основаніемъ нынѣшней общепринятой системы переноски и перевозки раненыхъ на перевязочныхъ пунктахъ. Этотъ отрядъ (ambulance) состоялъ изъ 12 малыхъ двухколесныхъ и 4 большихъ четырехколесныхъ повозокъ, на ремняхъ и рессорахъ, съ веревочнымъ переплетомъ и матрацами. Въ составъ каждаго отряда входили 3 хирурга и 12 помощниковъ хирурговъ. Санитарно-летучій отрядъ Ларрея

долженъ былъ слѣдить за всѣми движеніями авангарда, и подавать помощь раненымъ во время самаго сраженія.

Германія.—Первое основаніе правильно организованной медицинской помощи въ арміи было положенено Фридрихомъ Вильгельмомъ I. Въ первые же годы царствованія имъ были основаны, по совѣту генералъ-хирурга Голцендорфа, два медицинскихъ учебныхъ заведенія. Teatrum anatomicum, преобразованное позднѣе (1724) въ collegium medico-chirurgicum, и Charité, больница и въ то же время практическая школа [1]) для врачей. Оба эти учрежденія, находившіяся между собою въ самой тѣсной связи, были предназначены, главнымъ образомъ, для подготовленія военныхъ хирурговъ. По примѣру Парижа, Лондона и Амстердама Charité должна была доставить возможность хирургамъ пройти практически курсъ какъ внутреннихъ, такъ и хирургическихъ болѣзней [2]). Преподаваніе медицины вели шесть профессоровъ и одинъ демонстраторъ хирургическихъ операцій.

Кромѣ того, въ 1748 г. была основана еще школа въ Дрезденѣ, въ которую принимались только хирурги, пробывшіе нѣкоторое время на военной службѣ, слѣдовательно не новички, а люди, обладающіе уже извѣстною суммой знаній по медицинѣ. Такое же устройство и то же назначеніе подготовлять военныхъ врачей имѣлъ институтъ императора Іосифа въ Вѣнѣ, основанный въ 1781 году и преобразованный въ 1785 г.; этотъ институтъ находился въ связи съ военнымъ госпиталемъ на 1200

---

[1]) *Preuss* J. D. E., Das Königl. Preuss. med. chir. Friedrich-Wilchelms Jnstitut zu Berlin. Ein geschichtliches Versuch zum 25 Stiftungstage desselben den 2 August 1819. S. 125.

[2]) *Guttstadt.* A., Die naturwissenschaftlichen und medicinischen Staatsanstalten Berlins. Berlin, 1886. S. 344.

человѣкъ.—Наиболѣе способные молодые хирурги посылались для дальнѣйшаго усовершенствованія въ Парижъ.

Кромѣ того, когда въ 1744 г. первая Силезская война обнаружила съ полной очевидностью всѣ несовершенства существующей военно-медицинской организаціи, изъ Франціи были приглашены 12 хирурговъ, обязанность которыхъ заключалась въ томъ, чтобы въ мирное время лечить и преподавать въ Берлинѣ, во время же войны посвящать свои заботы исключительно раненымъ [1]). Но, по словамъ *Мурзинна* [2]), эти пріѣзжіе хирурги оказались по своимъ знаніямъ ниже прусскихъ хирурговъ, вслѣдствіе чего во время войны всѣ они и были подчинены нѣмецкимъ хирургамъ. «Они очень дорого стоили государству, прибавляетъ *Мурзинна*, а пользы принесли мало, отъ того-то они и вымерли всѣ до одного». Лучшею школою для выработки опытныхъ хирурговъ служили почти непрерывныя войны въ эпоху Фридриха Вильгельма I (1713—1741). И дѣйствительно, въ концѣ вѣка въ Германіи существовало уже много выдающихся хирурговъ, которые перенесли на германскую почву весь блескъ французской хирургіи.

О состояніи военно-походныхъ госпиталей во время 7-милѣтней войны мы находимъ подробныя свѣдѣнія у *Бальдингера* [3]). Все врачебно-санитарное дѣло въ арміи

---

[1]) *Preuss.* J. D. E. Historische Erinnerungen an den Stifter und die Stiftung Königl. med. chir. Friedrich-Wilchelms-Institut. Eine Iubelrede dem 50 jährigen Bestehen dieser Anstalt den 2 August 1845 gewidmet. Berlin 8. S. 29, 7.

[2]) *Mursinna.* Rede über die Geschichte der preussischen Chirurgie im achtzehnten Jahrhundert gehalten am Stiftungstage des medicinisch-chirurgischen Pepinière den 20 August 1804. Berlin. S. 21.

[3]) *Baldinger. E. G.* Von den Krankheiten einer Armen, aus eignen Wahrnehmungen im preussischen Feldzuge aufgezeichnet. 1774. S. 29.

было поручено послѣ смерти Бунесса тремъ генераламъ-хирургамъ: Шмукеру, Бильгеру и Тэдену. Генералъ-хирургамъ былъ подчиненъ весь остальной медицинскій персоналъ, который распадался на три степени: старшихъ хирурговъ, младшихъ хирурговъ и штабъ-хирурговъ. Старшій хирургъ завѣдывалъ лазаретомъ и обязанъ былъ во всѣхъ сложныхъ случаяхъ совѣтоваться съ штабъ-хирургомъ. Младшіе хирурги работали подъ руководствомъ докторовъ или старшихъ хирурговъ, какъ въ хирургическихъ, такъ и терапевтическихъ отдѣленіяхъ.

Походныя аптеки съ соотвѣтствующимъ медицинскимъ персоналомъ находились подъ надзоромъ докторовъ и хирурговъ.

Походные лазареты подраздѣлялись на главные лазареты, въ которыхъ больные оставались до полнаго выздоровленія и которые во время 7-лѣтней войны находились въ Бреславлѣ, Глогау, Штетинѣ, Дрезденѣ, Торгау и Виттенбергѣ, и на такъ-называемые летучіе лазареты, которые сопровождали войска во время походовъ и битвъ.— Раненые въ сраженіяхъ перевязывались, насколько возможно, на полѣ битвы, большею частью сухой перевязкой и отсылались дальше въ лазаретъ. Походный лазаретъ располагался на такомъ разстояніи отъ арміи, на какомъ только позволяли дѣйствія непріятеля. Маленькое возвышеніе, холмъ, ровъ служили для лазарета прикрытіемъ отъ непріятельскаго огня; положеніе въ тылу арміи было относительно наиболѣе безопаснымъ. Раненый получалъ, сообразно съ состояніемъ его силъ, уксусъ съ водой, порошекъ изъ абсорбирующихъ средствъ, селитру и т. д., а также лекарства, «предупреждающія появленіе воспаленія и лихорадки». Въ тѣхъ случаяхъ, когда существовали къ тому показанія, дѣлалось кровопусканіе. Послѣ этого раненый переводился въ ближайшій лазаретъ; здѣсь подробнѣе изслѣдовалась рана, производились не-

обходимые расширенія и разрѣзы, удалялись инородныя тѣла, свободно лежащіе осколки, кости, свертки крови и т. п.; пускались въ ходъ трепанъ, пила, бистури; очищали и лечили раны. Каждый хирургъ получалъ извѣстное число раненыхъ и необходимое число помощниковъ. Въ случаѣ накопленія значительнаго числа раненыхъ, временно въ лазареты командировались полковые хирурги.

Старшій хирургъ самъ дѣлалъ всѣ операціи, даже простые разрѣзы; младшіе хирурги служили ему помощниками: они приготовляли повязки, скатывали бинты, дѣлали шарики и подушечки изъ корпіи, ставили компрессы... Только тѣ изъ молодыхъ хирурговъ, которые, прослуживъ нѣкоторое время въ арміи, успѣли заявить себя своими способностями и ловкостью, получали разрѣшеніе дѣлать разрѣзы и «трепанаціи», но только въ присутствіи и подъ наблюденіемъ старшаго хирурга... Въ серьезныхъ случаяхъ старшій или штабъ-хирургъ приглашалъ товарищей для совмѣстнаго изслѣдованія больного. Такъ какъ въ арміи всегда находился кто-нибудь изъ генералъ-хирурговъ, то, понятно, что главный надзоръ за всѣмъ медицинскимъ устройствомъ лежалъ на его обязанности.

Позднѣе (1787) управленіе каждаго лазарета было подчинено еще высшему управленію, въ составъ котораго входили генеральный штабъ-врачъ, генеральный хирургъ и штабъ-офицеръ; въ военное время они собирались ежедневно и вѣдали всѣ дѣла, касающіяся врачебно-санитарнаго устройства войскъ.

Прусскій солдатъ, находясь въ лазаретѣ, пользовался большою свободою, которую онъ употреблялъ обыкновенно себѣ во зло; врачъ являлся слугою раненаго солдата, такъ напр., онъ не могъ назначить больному діэты, а лишь совѣтовалъ ему употреблять одно и не ѣсть дру-

гого. Только съ введеніемъ, по настоянію *Тедена*, новаго регламента въ 1787 г. врачебный персоналъ получилъ большія права, и съ этихъ поръ діэта назначалась уже врачемъ [1]), а не самимъ больнымъ.

Если въ лазаретѣ умиралъ кто-либо изъ гвардейцевъ, этихъ любимцевъ Фридриха Великаго, фельдшеръ (наиболѣе принятое названіе военныхъ хирурговъ въ Пруссіи) подвергался аресту. Какъ низко стояли военные фельдшера въ общественномъ мнѣніи, видно изъ инструкціи, данной Фридрихомъ Великимъ въ 1781 г., которою предписывается офицерамъ, завѣдующимъ лазаретами, слѣдить не только за пищею больныхъ и состояніемъ лазаретовъ, но также и затѣмъ, чтобы врачи и фельдшера не ампутировали десятками конечности и вообще ампутировали конечности не раньше того, какъ наступило уже омертвѣніе.

Въ случаѣ же уклоненія врачей отъ исполненія своихъ прямыхъ обязанностей, названные офицеры должны были немедленно арестовывать виновныхъ и сажать ихъ на цѣпь, а затѣмъ нарядить слѣдствіе для всесторонняго выясненія дѣла. Такимъ образомъ даже чисто врачебная сторона дѣятельности медицинскаго персонала была подчинена офицерамъ и послѣдніе могли расправляться съ врачами такъ же сурово, какъ и съ нижними военными чинами.

Еще въ концѣ столѣтія, въ 1791 году, *Бильгеръ* [2]) писалъ относительно низшаго военно-медицинскаго персонала слѣдующее: «Слишкомъ хорошо извѣстно, что вслѣдствіе чрезвычайно низкаго оклада младшихъ хирур-

---

[1]) *Fischer*, op. cit., s. 309.

[2]) *Bilguer*. Erinnerungen für die Bemerkungen zur Erveiterung der medicinischen und chirurgischen Erkentniss, etc. Berlin. 1791. S. 45.

говъ, а также вслѣдствіе строгости военной дисциплины, только немногіе посвящають себя этой неблагодарной дѣятельности, а эти немногіе представляють собою въ большинствѣ случаевъ людей, не получившихъ ни нравственнаго воспитанія, ни научнаго образованія и происходящихъ обыкновенно изъ низшихъ классовъ общества. Если бы государство приняло мѣры къ тому, чтобы хирургической дѣятельности посвящали себя люди благовоспитанные, съ хорошей подготовкой и съ доброй нравственностью, то въ войскахъ находились бы опытные хирурги, а не привилегированные убійцы; но для этого государство прежде всего должно оплачивать этихъ необходимыхъ для страны работниковъ».

Въ семидесятыхъ годахъ XVIII столѣтія появилась рѣзкая критика состоянія военно-полевыхъ лазаретовъ во время войны изъ-за баварскаго наслѣдства и проектъ реорганизаціи ихъ на болѣе раціональныхъ основаніяхъ. Въ этомъ проектѣ [1]) анонимный авторъ пишетъ: «Тѣ же самые порядки, какіе существовали въ хозяйственномъ и медицинскомъ устройствѣ войскъ во время семилѣтней войны, несмотря на весь опытъ, пріобрѣтенный за послѣдніе двадцать лѣтъ, оставались и во время послѣдней войны изъ-за баварскаго наслѣдства на горе больнымъ и на посмѣшище всей мыслящей части человѣчества». «Достаточно самаго поверхностнаго знакомства съ прусскими лазаретами, говорится дальше, чтобы, несмотря на весь огромный процентъ смертности, удивиться, почему онъ не еще больше».

Повозки для транспортированія больныхъ существовали еще при германскихъ ландкнехтскихъ войскахъ въ началѣ XVI ст. Въ силу государственнаго уложенія, из-

---

[1]) Feldlazareth-Reglement. S. II.

даннаго въ 1537 году въ Кобургѣ, при полевыхъ войскахъ должны были находиться особыя «завѣшанныя» повозки. Въ концѣ XVII вѣка при осадѣ Бонны (1689) Фридрихомъ III прусскимъ былъ сформированъ отрядъ, которому было предписано разыскивать, подбирать и переносить раненыхъ. Но транспортъ больныхъ и раненыхъ въ теченіе всего XVIII в. составлялъ самое слабое мѣсто въ прусской арміи. Вслѣдствіе крайняго недостатка въ повозкахъ для перевозки больныхъ пользовались обыкновенно тѣми же повозками и телѣгами, которыя служили для доставки провіанта и фуража. «Больныхъ дизентеріей, говоритъ *Фритцъ*, везли въ лазаретъ на тѣхъ же повозкахъ, на которыхъ доставлялась въ армію мука». У легко раненыхъ отбирались ранецъ и ружье и они шли пѣшкомъ. Для ампутированныхъ устраивались импровизированныя носилки, которыя помѣщались на спину двумъ лошадямъ.—Хорошо извѣстенъ разсказъ о находчивости Шмукера, перваго генералъ-хururга во время семилѣтней войны. Послѣ битвы при Лигницѣ 15-го августа 1760 года не было больше никакой возможности перевезти 500 раненыхъ съ поврежденіями въ верхней половинѣ тѣла; тогда, по предложенію Шмукера, полкъ драгуновъ спѣшился и уступилъ раненымъ своихъ лошадей, въ теченіе получаса всѣ раненые были на лошадяхъ, а драгуны сопровождали ихъ пѣшкомъ; на третій день весь этотъ отрядъ прибылъ въ Бреславль [1].—Послѣ сраженія при Торгау, раненые числомъ 9742 «оставались лежать въ продолженіе очень холодной ночи съ третьяго на четвертое ноября 1760 года безъ всякой помощи, ограбленные, многіе лишенные даже рубашки и притомъ

---

[1]) *Schmucker* Joh. Leb., Vermischte chirurgische Schriften. Berlin und Stettin. 1776. Th. 1. S. 345.

на сырой болотистой почвѣ...»—Такое положеніе вещей продолжалось до самаго конца вѣка; такъ, во время кампаніи 1792—1795 гг. раненые оставались на полѣ битвы до конца сраженія.

Не лучше былъ транспортъ и въ австрійской арміи. Въ 1760 г., напр., послѣ сраженія при Торгау 3000 раненыхъ въ теченіе шести дней перевозились съ мѣста на мѣсто почти безъ всякой пищи и врачебной помощи, пока, наконецъ, они не были доставлены въ госпиталь.

Англія.—Послѣ сказаннаго уже о Франціи и Германіи, намъ остается объ Англіи добавить только нѣсколько словъ.—Упоминаніе о первыхъ военныхъ хирургахъ въ Англіи относится ко времени третьяго Крестоваго похода (1189—1192). При Генрихѣ V, въ 1415 году, находились докторъ *Никола Волне* и хирургъ *Ѳома Марстедъ*.—Между англійскими хирургами часто встрѣчались круглые невѣжды, разнаго рода шарлатаны, пропойцы. Солдатъ, прослужившій нѣкоторое время у хирурга въ качествѣ деньщика и научившійся ставить пластырь и срѣзать мозоли, дѣлался помощникомъ хирурга, а впослѣдствіи могъ стать и его замѣстителемъ.

При каждомъ полку долженъ былъ находиться только одинъ хирургъ съ помощникомъ.

Лазаретовъ при полкахъ въ большинствѣ случаевъ не было и больные размѣщались въ частныхъ домахъ, оставаясь нерѣдко безъ всякаго призора. Но и самые лазареты тамъ, гдѣ они существовали, оставляли желать очень многаго. Положеніе хирурговъ было далеко не обезпеченное, что нерѣдко вело къ очень печальнымъ послѣдствіямъ; такъ, получая извѣстное вознагражденіе за каждую операцію, они ампутировали въ серединѣ вѣка на полѣ сраженія безъ всякой надобности всѣ поврежден-

ныя конечности. Инструменты у хирурговъ были плохіе, старые.

Такъ какъ военные хирурги были подчинены строевому начальству, то имъ постоянно приходилось выслушивать упреки въ томъ, что они слишкомъ затягиваютъ леченіе больныхъ. Мало того, любой офицеръ могъ запереть хирурга въ карцеръ или даже подвергнуть его тѣлесному наказанію. Иногда на хирурга возлагались чуть лл не обязанности палача. Когда провинившійся солдатъ прогонялся сквозь строй и наказывался шпицъ-рутенами, хирургъ долженъ былъ слѣдить за тѣмъ, чтобы ремни были достаточно тонки и не запачканы кровью, такъ какъ толстый ремень, да еще покрытый кровью, уменьшалъ силу удара.

Но на ряду съ этимъ между англійскими военными хирургами встрѣчались и такіе, которые составляли гордость не только врачебнаго сословія, но и всей страны. Достаточно упомянуть только, что въ рядахъ военныхъ хирурговъ стояли *Гунтеръ* и *Жаксонъ*.

Если въ общемъ организація военной медицины въ Англіи не можетъ быть даже сравниваема съ военной медициной въ Германіи, а тѣмъ болѣе во Франціи, то тѣмъ не менѣе мы обязаны Англіи многими такими нововведеніями, которыя были оцѣнены по достоинству только 100 лѣтъ спустя. *Pringl'емъ* было отмѣчено то важное значеніе, которое имѣютъ чистый воздухъ и вентиляція для госпиталей, *Броклесби* ввелъ барочную систему и наконецъ, графъ *Штеръ* первый далъ вполнѣ опредѣленное выраженіе вопросу о нейтралитетѣ врачей и больницъ въ военное время.

Правильно организованной перевозки раненыхъ у англичанъ въ теченіе всего столѣтія не существовало вовсе. Раненые оставались на полѣ до окончанія битвы, и

только послѣ разрѣшенія главнокомандующаго позволялось товарищамъ и роднымъ выносить ихъ на рукахъ. Даже во время Наполеоновскихъ войнъ носилки и повозки, существовавшія во французскихъ войскахъ, вводились очень медленно въ англійской арміи (*Arey Power, op. cit.*).

Военно-медицинское устройство въ старинной Россіи.

Такъ какъ развитіе военно-медицинской организаціи въ Россіи шло во многихъ отношеніяхъ совершенно самобытнымъ путемъ, то мы считаемъ необходимымъ не ограничиваться только XVIII в., а коснуться кратко также и предшествующихъ вѣковъ.

Развитію знаній въ Россіи вообще и въ частности насажденію медицины долгое время тормозили общія условія русской исторической дѣйствительности: междоусобныя войны князей Кіевской Руси и удѣльнаго періода, татарское иго, борьба съ литовскими князьями, война въ періодъ собиранія Московскаго Государства и проч.

Въ древній патріархально-языческій періодъ, т. е. до крещенія русскаго народа, на Руси не было совсѣмъ врачей и медицина, представлявшая собою самое тѣсное смѣшеніе знаній нѣкоторыхъ дѣйствительно цѣлебныхъ средствъ съ вѣрою въ чудодѣйственныя тайны природы, составляла исключительное достояніе различныхъ знахарей, кудесниковъ, вѣдуновъ, наговорщиковъ.

Въ религіозно-общинный періодъ врачебное дѣло нашло себѣ пріютъ подъ сѣнью монастырей. Но уже и въ то время въ Россіи на ряду съ духовными существовали также свѣтскіе врачи, пріѣзжавшіе по большей части изъ Византіи и вообще съ востока. Что свѣтскіе врачи не составляли исключенія, доказываетъ «Русская правда»

XI столѣтія, которая требовала, чтобы обидчикъ заплатилъ врачу за леченіе пострадавшаго [1]).

Духовная и мірская медицина, повидимому, находились другъ къ другу въ нѣкоторомъ антагонизмѣ. Лучшимъ доказательствомъ этого антагонизма во времена Владиміра Мономаха служитъ извѣстный споръ между «безмезднымъ врачемъ», монахомъ Кіево-Печерской Лавры Агапитомъ и однимъ очень знаменитымъ въ Кіевѣ Армянскимъ врачемъ, имя котораго печерскій Патерикъ намъ не оставилъ [2]).

Въ продолженіе двухъ съ половиною вѣковъ тяготѣвшаго надъ русской землей татарскаго ига медицина укрывалась вмѣстѣ со всею книжностью въ монастыряхъ и въ теченіе всего этого времени мы тщетно стали бы искать какихъ либо слѣдовъ свѣтской медицины.

Впервые профессіональные врачи появились въ Россіи въ княженіе Іоанна III, свергнувшаго татарское иго. Пріѣхали они, вѣроятно, изъ Италіи въ свитѣ второй супруги князя Софіи Палеологъ.—Судьба первыхъ двухъ піонеровъ раціональной медицины въ Россіи, «Антона Нѣмчина» и «Леона Жидовина», могла надолго отбить охоту у иностранцевъ нести врачебную службу въ Москвѣ. Антонъ Нѣмчинъ, послѣ неудачнаго леченія татарскаго царевича Каракача, былъ выданъ головою сыну умершаго. Послѣдній приказалъ татарамъ отвести его на Москву-рѣку и здѣсь подъ мостомъ зарѣзать.—Леона Жидовина послѣ смерти сына великаго князя Іоанна Іоанно-

---

[1]) Проф. *Г. Г. Скориченко*, Историческій очеркъ медицинскаго образованія въ Россіи до учрежденія Медико-хирургической академіи. С.-Петербургъ 1898, стр. 4.

[2]) Ханыковъ, Очерки исторіи медицинской полиціи въ Россіи 1851— Печерскій Патерикъ. Изд. 1770 г., стр. 98.

вича, котораго онъ лечилъ, посадили въ тюрьму и по прошествіи 6 недѣль со дня смерти князя свели на Болвановку и здѣсь отрубили ему голову [1]).

Постоянныхъ войскъ въ царствованіе Іоанна III еще не было и въ случаѣ войны созывались дѣти боярскія, которыя приводили съ собою вооруженныхъ всадниковъ и доставляли необходимые продовольственные запасы. Полки дѣтей боярскихъ усиливались земскими ополченіями посошныхъ людей (съ сохъ). По окончаніи войны солдаты возвращались къ мирной обстановкѣ, занимались сельскимъ хозяйствомъ, торговали за прилавкомъ и т. п., но военнаго дѣла не знали. О правильной помощи ратнымъ людямъ въ этотъ періодъ русской исторіи не могло еще быть и рѣчи.

Во вторую половину XVI вѣка подъ вліяніемъ торговыхъ сношеній, завязавшихся между Россіей и Англіей черезъ Бѣлое море, и вслѣдствіе личныхъ дружественныхъ отношеній, связывавшихъ Іоанна IV и англійскую королеву Елизавету, англійскіе врачи стали въ большомъ числѣ пріѣзжать въ Россію.

При дворѣ Бориса Годунова было уже такъ много врачей, что для леченія внезапно заболѣвшихъ въ Москвѣ датскаго принца явилась возможность созвать консиліумъ. Соотвѣтственно, съ одной стороны, съ частными обстоятельствами приглашенія на русскую службу иностранцевъ, а, съ другой стороны, съ общими условіями тогдашней политической жизни, всѣ эти врачи были нѣмцы. Послѣдніе въ очень короткое время такъ прочно утвердились въ Россіи, что конкуренція съ ними сдѣлалась

---

[1]) Никоновская лѣтопись, VI, 125. Полное собраніе Русскихъ лѣтописей VI, 37, 239.

невозможною даже англичанамъ и голландцамъ, появившимся въ Россіи раньше ихъ.

Но полковыхъ врачей въ это время все еще не существовало. Такъ, послѣ пораженія Лже-Дмитрія въ 1605 г. во время осады города Кромы въ войскахъ Годунова началась эпидемія дезинтеріи. «Грехъ ради пріиде подъ кромы на ратныхъ людей скорбь велія сіе нещастіе вскорѣ послѣдуемо было другимъ, то есть нашедшею болѣзнею-поносомъ на воинство россійское». Смертность была очень велика и войско быстро уменьшилась. Когда вѣсть объ этомъ дошла до Бориса Годунова, онъ послалъ изъ Москвы нужныя лекарства, по совѣту находящихся въ Москвѣ врачей. «Тогда при войскахъ не было врачей, а полагалися на силу человѣческаго сложенія. Годуновъ, по совѣту обрѣтающихся въ Москвѣ врачей, послалъ нужныя лекарства.» (Рихтеръ).

Изъ вышеприведеннаго видно, что въ то время при войскахъ не было ни врачей, ни полевыхъ аптекъ, и московскіе врачи были единственными, къ которымъ можно было въ подобномъ случаѣ обратиться за совѣтомъ.

Врачи командировались въ это время въ полки только въ случаѣ надобности. Подтвержденіемъ сказанному можетъ служить между прочимъ слѣдующій документъ, найденный нами въ бумагахъ «Разряднаго приказа» [1]).

---

[1]) Возникновеніе „Разряда“ или „Разряднаго Приказа“ относится къ первой четверти XVII ст. До 1692 года Разрядному Приказу принадлежало господствующее положеніе среди всѣхъ другихъ приказовъ, съ этого же времени первенство перешло къ Посольскому Приказу. Въ 1711 г. Разрядный приказъ уступилъ свое мѣсто „Правительствующему Сенату“. (Левъ Максимовичъ, Указатель Россійскихъ Законовъ. Москва, 1803. Предисловіе XX).

Лѣта 1703 апрѣля въ 1-й день по указу великаго государя царя и великаго князя Петра Алексѣевича всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца боярину Тихону Никитичу Стрѣшневу съ товарищи. Въ указѣ великаго государя изъ Разряду въ Аптекарской приказъ къ думному дьяку къ Андрею Андреевичу Виніюсу съ товарищи за приписью дьяка Ѳедора Замятнина писано: по его великаго государя указу на его великаго государя службѣ въ Сѣвску въ полку боярина и воеводъ князя Михайла Григорьевича Ромодановскаго съ товарищи велѣно быть изъ Аптекарскаго приказу дохтуру съ лекаремъ и съ лекарствы, а кто имяны и сколько съ ними какихъ лекарствъ порознь послано будетъ о томъ въ Разрядъ къ тебѣ боярину Тихону Никитичу съ товарищи отписать; и по тому его великаго государя указу на вышеписанную его великаго государя службу въ Сѣвескъ въ полкъ боярина и воеводъ князя Михайла Григорьевича Ромодановскаго съ товарищи наряженъ лекарь Семенъ Рапкѣевъ да лекарскаго дѣла ученикъ Антипъ Андреевъ, а лекарствъ съ ними отпущено къ прежнимъ въ прибавку, которыя съ нимъ Семеномъ были на его великаго государя службѣ въ Дарогобужѣ въ прошломъ 702-мъ году въ полку окольничего и воеводъ князя Ѳедора Ивановича Шаховскаго съ товарищи по цѣнѣ кромѣ припасовъ на 52 руб. на 17 алтынъ на 2 деньги, а съ прежними остаточными лекарствами на 125 руб. на 6 алт. на деньги, да припасовъ на 6 руб. на 33 алт., а что какихъ лекарствъ къ прежнимъ въ прибавку нынѣ съ нимъ лекаремъ и съ ученикомъ наряжено, и тѣмъ лекарствамъ и припасамъ подъ симъ его великаго государя указомъ роспись; и тотъ вышеименованный лекарь Семенъ Рапкѣевъ и ученикъ изъ Аптекарскаго приказу въ Разрядъ къ тебѣ боярину Тихову Никитичу Стрешневу съ товарищи посланы съ симъ его великаго государя указомъ, а его великаго государя жалованья по окладамъ и кормовыя деньги на нынѣшній 703-й годъ на $^1/_2$ года лекарю и ученику выдано изъ Аптекарскаго приказу изо взятыхъ денегъ изъ ратуши [1]).

Первыя указанія на существованіе при полкахъ [2]) врачей относятся къ 1616 году. «Въ 1616 г., говоритъ

[1]) Моск. Арх. Мин. Юст. Разр. вязк. № 28, д. 118.

[2]) Словомъ полкъ обозначалось въ прошломъ все скопленіе войскъ въ какомъ-нибудь опредѣленномъ мѣстѣ; такъ, Смоленскій полкъ

Успенскій [1]), находимъ *подлинныхъ полковыхъ врачей* въ спискахъ верховнаго Государственнаго Разряда».

Во вторую четверть XVII в. такія упоминанія встрѣчаются уже довольно часто. Такъ, въ 1631 г. русскимъ правительствомъ былъ посланъ въ Германію Генрихъ фонъ Даль съ тѣмъ, чтобы онъ нанялъ на русскую службу цѣлый полкъ въ 1600 человѣкъ. Это порученіе было приведено Далемъ въ исполненіе и во вновь сформированномъ полку находился также и лекарь (Рихтеръ).— Въ 1632 г. были командированы изъ Москвы два лекаря въ полкъ воеводы Прозоровскаго подъ г. Бѣлый.—Въ 1633 г. лекарь, снабженный походною аптекою, сопровождалъ рать, выступившую къ Перми Великой. — Въ 1644 г. лекарь Роландъ отправился съ полками въ Колмыцкій походъ.

Но насколько еще неустойчивъ былъ институтъ военныхъ врачей, видно уже изъ того, что присутствіе врачей въ полкахъ попрежнему не считалось обязательнымъ. Такъ, въ 1678 г. послѣ Чигиринскаго похода ратнымъ людямъ, оставшимся на военной службѣ, деньги «на лѣчбу ранъ» (1 — 4 рубля) выдавались на руки [2]).

Осмотръ старыхъ, больныхъ и увѣчныхъ солдатъ при увольненіи ихъ со службы поручался также не врачамъ, а воеводамъ, какъ это явствуетъ изъ грамоты, данной боярину, князю Черкасскому «съ товарищи» въ 1655 г. [3]).

Указанія о назначеніи врачей для освидѣтельствованія ратныхъ людей съ цѣлью выясненія вопроса относительно

значило всѣ войска, собранныя въ Смоленскѣ, Рязанскій полкъ— въ Рязани и проч.

[1]) Опытъ повѣствованія о древностяхъ русскихъ Гавріила Успенскаго. Харьковъ, 1818, стр. 539.

[2]) Хмыровъ, Русская военно-медицинская Старина. Спб., 1869.

[3]) Полн. Собр. Закон. Т. I, стр. 364.

ихъ пригодности къ военной службѣ начинаютъ встрѣчаться только съ первыхъ годовъ XVII вѣка. Мы приведемъ тѣ изъ этихъ документовъ, которые были найдены нами въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи.

Лѣта 1704 іюня въ 3-й день по указу великаго государя царя и великаго князя Петра Алексѣевича всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца боярину Тихону Никитичу Стрешневу съ товарищи. Въ нынѣшнемъ 704-мъ году мая въ 27 день въ указѣ великаго государя изъ Розряду въ аптекарской приказъ за приписью дьяка Ѳедора Замятнина писано велѣно стряпчего Якова Андреева сына Кучецкова, въ Аптекарскомъ приказѣ осмотрить докторомъ, какою онъ болѣзнью боленъ и полковая служба служить ему мочноль да тотъ осмотръ за дьячьею приписью и за дохтурскою рукою прислать въ Розрядъ къ тебѣ боярину къ Тихону Никитичу съ товарищи и по тому его великаго государя указу того вышеименованнаго стряпчего Якова Кучецкова осматривалъ докторъ Лаврентій старой Блюментростъ и тотъ осмотръ за дьячьею приписью и за его докторскою рукою въ Розрядъ къ тебѣ боярину Тихону Никитичу Стрешневу съ товарищи посланъ подъ симъ его великаго государя указомъ.

1704 г. іюня въ 1 день по указу великаго государя стряпчего Якова Андреева сына Кучецкова осматривалъ докторъ Лаврентій старой Блюментростъ, а по осмотру его Лаврентьеву онъ Яковъ немоществуетъ тяжкимъ воздыханіемъ а по-латыни зовется астма—тяжкая грудная болѣзнь, да въ немъ же болѣзнь тяжкая цынготная и водяная немощь и помраченіе ума, и за тѣми болѣзньми ему Якову его великаго государя службы служить невозможно. Сіе свидѣтельствуетъ онъ вышеименованный докторъ подписаніемъ своея руки.—Laurentius Blumentrost...

Лѣта 1704 апрѣля въ день по указу великаго государя дьяку Ивану Невѣжину. Великій государь указалъ въ Аптекарскомъ приказѣ стряпчего Андрея Михайлова сына Васаева осмотрить дохтуромъ какою онъ болѣзнью и сколь давно боленъ, и полковая служба служить ему за тою болѣзнью мочноль, да тотъ осмотръ тебѣ за своею приписью и за дохтурскою рукою прислать въ Розрядъ къ боярину къ Тихону Никитичу Стрешневу съ това-

рищи и дьяку Ивану Невѣжину учинить о томъ по его великаго государя указу.

Аѳанасей Кондратьевъ сынъ Шевелевъ служилъ во дворовыхъ людехъ на Кормовомъ дворцѣ въ стряпчихъ 20 лѣтъ и былъ на 1-й службѣ.—А нынѣ по наряду велѣно ему быть на службѣ въ Сѣвску изъ той статьи которые были у дѣлъ.—А по осмотру въ Розрядѣ у него Аѳанасья наружные болѣзни нѣтъ, а сказалъ что-де онъ скорбенъ чечнойною болѣзнью и отъ той-де болѣзни онъ скорбенъ животной болѣзнью и въ головѣ-де у него шумъ и въ рукахъ и въ ногахъ ломъ непрестанной, и за тѣми-де болѣзньми полковые службы служить ему немочно; дѣтей у него нѣтъ, крестьянъ за нимъ въ Алексинѣ 4 чел., и изъ того числа въ бѣгахъ 2 чел. [1]).

Лѣта 1704 июля въ 31 день по указу великаго государя царя и великаго князя Петра Алексѣевича всея великія и малыя бѣлыя Россіи самодержца боярину Тихону Никитичу Стрешневу съ товарищи. Сего жъ іюля въ 19-й день въ его великаго государя указѣ изъ Розряду въ Аптекарской приказъ за приписью дьяка Ѳедора Замятнина писано велѣно стольника Якова Григорьева сына Порошина въ Аптекарскомъ приказѣ дохтуромъ осмотрѣть какою онъ болѣзнью боленъ и сколь давно и полковая служба служить ему мочно ль, да тотъ осмотръ за дьячьею приписью и за дохтурскою рукою прислать въ Розрядъ. И по тому его великаго государя указу вышеименованнаго стольника Якова Порошина осматривали дохтуръ Лаврентій молодой Блюментростъ да лекарь иноземецъ Болдвинъ Андресовъ, и тотъ осмотръ за дьячьею приписью и за ихъ дохтурскою и лекарскою руками изъ Аптекарскаго приказу въ Розрядъ къ тебѣ боярину къ Тихону Никитичу Стрешневу съ товарищи посланъ подъ симъ его велкаго государя указомъ.

1704 г. іюля въ 31 день по указу великаго государя дохтуръ Лаврентій молодой Блюментростъ да лекарь иноземецъ Бондвинъ Андресовъ стольника Якова Григорьева сына Порошина въ Аптекарскомъ приказѣ осматривали, а по осмотру ихъ болѣзнь у него Якова животная и временемъ харкаетъ кровью и отъ той болѣзни

[1]) Моск. Арх. Мин. Юст. Рáзр. вяз. №. 32, д. 93.

въ лицѣ худъ, а по его Яковлевѣ сказкѣ та-де животная болѣзнь учинилась ему Якову отъ многихъ убоевъ тому нынѣ лѣтъ съ восемь, да у него жъ Якова на правой ногѣ были водяные пузыри и тѣ пузыри прорвались и отъ того учинились язвы небольшія и мокнетъ, и отъ того въ той ногѣ ломъ, и покамѣстъ онъ отъ тѣхъ болѣзней не излѣчится, и ему Якову полковой службы служить нынѣ невозможно,—сіе свидѣтельствуютъ они вышеименованные дохтуръ и лекарь подписаніемъ рукъ своихъ.

Laurentias Christoporus Blumentrost. m. p. Bondewyn Stelling—Andrews.

Лѣта 1704 іюня въ 5 день по указу великаго государя дьяку Ивану Невѣжину. Великій государь указалъ жильца Ефима Петрова сына Епишкова въ Аптекарскомъ приказѣ дохтурамъ осмотрить какою онъ болѣзнью боленъ и полковая служба служить ему мочно ль, да тотъ досмотръ ты Иванъ за своею приписью и за дохтурскою рукою прислал в Розрядъ къ боярину къ Тихону Никитичу Стрешневу съ товарищи. И по указу его великаго государя дьяку Ивану Невѣжину учинить о томъ по его великаго государя указу [1]).

Въ нынѣшнемъ 706 году марта въ 6 й день по указу великаго государя царя и великаго князя Петра Алексѣевича всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца и по осмотру въ Разрядѣ боярина Тихона Никитича Стрешнева съ товарищи надъ именемъ недоросля Василья Григорьева сына Нефедьева помѣчено осмотрить. И по тому великаго государя указу онъ Василій для осмотру посланъ изъ Разряду въ Аптекарской приказъ съ памятью, а въ указѣ великаго государя и въ дохтурскомъ осмотрѣ въ Разрядъ изъ Аптекарскаго приказу за приписью дьяка Ивана Невѣжина пишетъ.

Лѣта 1706 марта въ 23 день по указу великаго государя царя и великаго князя Петра Алексѣевича всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца боярину Тихону Никитичу Стрешневу съ товарищи. Въ указѣ великаго государя изъ Разряду въ Аптекарской приказъ къ Роберту Арескину архіатеру этфизикусъ при-

---

[1]) Разр., вяз. №. 31, д. 53.

маріусъ да къ дьяку Ивану Невѣжину за приписью дьяка Ѳедора Замятнина писано велѣно въ Аптекарскомъ приказѣ дохтуромъ осмотрить драгуна Василья Григорьева сына Нефедьева, какою онъ болѣзнью боленъ и драгунская служба ему нынѣ и впредь служить мочноль, да тотъ осмотръ за дьячьею приписью и за дохтурскими руками прислать въ Розрядъ. И по тому его великаго государя указу вышеименованнаго драгуна Василья Нефедьева осматривалъ дохтуръ Матвѣй Миніатъ, и тотъ осмотръ за дьячьею приписью и за его дохтурскою рукою изъ Аптекарскаго приказу въ Розрядъ къ тебѣ бояриму къ Тихону Никитичу Стрещневу съ товарищи посланъ подъ симъ его великаго государя указомъ.

1706 г. марта въ 20 день по указу великаго государя дохтуръ Матвѣй Миніатъ драгуна Василья Григорьева сына Нефедьева въ Аптекарскокъ приказѣ осматривалъ, а по осмотру его болѣзнь у него Василья на лѣвой ногѣ на берцѣ язва великая и прогнила до самой кости и кость почернѣла и можетъ ему отъ того приключитис Антоновъ огонь, а по его Васильевѣ сказкѣ та-де болѣзнь учинилась ему Василью тому нынѣ съ годъ, и тое его застарѣлую болѣзнь въ совершенство вылечить и драгонской службы служить ему Василью невозможно. Сіе свидѣтельствуетъ онъ вышеименованный дохтуръ подписаніемъ руки своея.

И въ семъ осмотрѣ написано Дохтуръ Матвѣй Миніатъ драгуна Василья Григорьева сына Нефедьева въ Аптекарскомъ приказѣ осматривалъ, а по осмотру его болѣзнь у него Василья на лѣвой ногѣ на берцѣ язва великая и прогнила до самой кости и кость почернѣла, и можетъ ему отъ того приключитис Антоновъ огонь, а по его Васильевѣ сказкѣ та болѣзнь учинилась ему Василью тому нынѣ съ годъ, и тое его застарѣлую болѣзнь въ совершенство вылечить и драгунской службы служить ему невозможно.—1706 г. апрѣля въ 16 день написать съ городомъ и служить какъ выздоровѣетъ.

А у выписки въ Разрядѣ Василій Нефедьевъ сказалъ: отецъ-де его служилъ въ рейтарѣхъ и умре, братъ у него большой Лаврентій въ драгунѣхъ, помѣстье за нимъ въ Ярославскомъ уѣздѣ отцовское пустое, а сколько чети того не знаетъ, а опричь того нигдѣ нѣтъ.—Романовецъ городовой Савва Савельевъ сынъ Тазовъ вмѣсто Василья Нефедьева по его велѣнью руку приложилъ.

Написать по Ярославлю:

Въ нынѣшнемъ 706 [1]) году по указу великаго государя царя и великаго князя Петра Алексѣевича.... и по грамотамъ изъ Розряду высланы къ смотру въ Разрядъ другой статьи драгуны, которые отпущены были въ домы до указу, а по смотру въ Розрядѣ изъ нихъ явились: марта въ 10 день—Василій Григорьевъ сынъ Забусовъ, Иванъ Овдокимовъ сынъ Радіоновъ,—надъ имяны ихъ помѣчено велѣно осмотрить.—И по той помѣтѣ для осмотру они Василій и Иванъ изъ Разряду посыланы въ Аптекарской приказъ съ памятью. А въ указѣ великаго государя и въ дохтурскомъ осмотрѣ въ Розрядъ изъ Аптекарскаго приказу за приписью дьяка Ивана Невѣжина пишетъ:

Лѣта 1706 апрѣля въ 4-й день по указу великаго государя царя:... боярину Тихону Никитичу Стрешневу съ товарищи. Въ указѣ великаго государя изъ Разряду въ Аптекарской приказъ къ Роберту Арескину архіатеру и физикусу примаріусу да къ дьяку Ивану Невѣжину за приписью дьяка Өедора Замятнина писано велѣно въ Аптекарскомъ приказѣ дохтуру осмотрить драгунъ Василья Григорьева сына Забусова, Ивана Овдокимова сына Родіонова, какою болѣзнью они больны и драгунская служба имъ нынѣ и впредь служить мочноль да тотъ осмотръ за дьячьею приписью и за дохтурскою рукою прислать въ Розрядъ. И по тому его великаго государя указу вышеименованныхъ драгунъ Василья Забусова, Ивана Родіонова осматривалъ дохтуръ Матвѣй Миніатъ и тотъ осмотръ за дьячьею приписью и за его дохтурскою рукою изъ Аптекарскаго приказу въ Розрядъ къ тебѣ боярину къ Тихону Никитичу Стрешневу съ товарищи посланъ подъ симъ его великаго государя указомъ.

1706 апрѣля въ 3 день по указу великаго государя дохтуръ Матвѣй Миніатъ драгунъ Василья Григорьева сына Забусова, Ивана Овдокимова сына Родіонова въ Аптекарскомъ приказѣ осматривалъ, а по осмотру его у Василья Забусова на правой ногѣ ниже колѣна на берцѣ язвы и струпья, да у него жъ на лѣвой ногѣ выше колѣна близъ становыхъ жилъ язвы жъ и струпье большое съ гноемъ, и отъ того у него Василья жилы ведетъ и

[1]) Цыфра тысячъ въ рукописяхъ очень часто опускалась.

тою погою прихрамываетъ, у Ивана Родіонова на правой ногѣ выше колѣна и подъ колѣномъ язвы усъ и струпье и тѣ, ихъ болѣзни лечимыя, а покамѣсть они отъ тѣхъ язвъ въ совершенство не вылечатся и имъ нынѣ драгунской службы служить невозможно, и тѣхъ ради ихъ вышеупомянутыхъ болѣзней до излеченія на нѣсколько времени возможно имъ дать сроку; сіе свидѣтельствуетъ онъ вышеименованный дохтуръ подписаніемъ руки своея.—Подпись.

И въ семъ осмотрѣ написано:

По смотру дохтура Матвѣя Миніата у драгуна Василья Григорьева сына Забусова на правой ногѣ выше колѣна на берцѣ язвы и струпья, да у него жъ на лѣвой ногѣ выше колѣна близъ становыхъ жилъ язвы жъ и струпья большіе съ гноемъ, и отъ того у него Василья жилы ведетъ и тою погою прихрамываетъ.

У Ивана Евдокимова сына Родіонова на правой ногѣ выше колѣна и подъ колѣномъ язвы жъ и струпье, и тѣ ихъ болѣзни лечимыя, а покамѣсть они отъ тѣхъ язвъ въ совершенство не вылечатся и имъ нынѣ драгунской службы служить невозможно, и тѣхъ ради болѣзней до излеченія на нѣсколько времени возможно имъ дать сроку.—1706 г. апрѣля въ 16 день написать въ службу тогда какъ выздоровѣютъ.

А у выписки въ Разрядѣ Василій Забусовъ сказалъ: отецъ-де его служитъ въ копейщикахъ, помѣстье за отцомъ его пустое въ Перемышльскомъ уѣздѣ, а сколько чети не знаетъ, а опричь того за отцомъ его и за нимъ нигдѣ нѣтъ. Романовецъ городовой Савва Савельевъ сынъ Тазовъ вмѣсто Василья Забусова по его велѣнью руку приложилъ.—Написалъ по Перемышлю.

Иванъ Родіоновъ сказалъ: отецъ-де его служитъ въ рейтарехъ, помѣстья за отцомъ его въ Перемышльскомъ уѣздѣ пустое, а сколько чети, того не знаетъ, а опричъ того за отцомъ его и за нимъ нигдѣ нѣтъ.—Рамановецъ городовой Савва Савельевъ сынъ Тазовъ вмѣсто Ивана Радіонова по его велѣнью руку приложилъ.—Написать по тому жъ городу [1]).

Лѣта 1707 апрѣля въ 2 день по указу великаго государя царя и великаго князя Петра Алексѣевича всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца боярину Тихону Никитичу Стрешневу съ

---

[1]) Разр., вяз. № ч. 1 (ч. 2-я), д. 10.

товарища. Въ указѣ великаго государя изъ Разряду въ Аптекарской приказъ къ Роберту Карлусовичу Арескину архіатеру и физикусу примаріусу да къ комисару Павлу Яковлевичу Веселовскому за приписью дьяка Ивана Уланова писано велѣно бѣлогородскаго Саввина полку Айгустова солдата Ивана Калачева въ Аптекарскомъ приказѣ дохтуру и лекаремъ осмотрить какими болѣзньми онъ боленъ и нынѣ ему на службѣ быть и впредь ему служить мочноль да тотъ осмотръ за дохтурскою и за лекарскими руками прислать въ Разрядъ. И по тому его великаго государя указу вышеименованнаго солдата Ивана Калачева осматривали дохтуръ Матвѣй Миніатъ да лекарь Өаддей Тверитиновъ и тотъ осмотръ за приписью и за ихъ дохтурскою и лекарскою руками изъ Аптекарскаго приказу въ Разрядъ къ тебѣ боярину къ Тихону Никитичу Стрешневу съ товарищи посланъ подъ симъ его великаго государя указомъ.

1707 г. апрѣля въ 1 день по указу великаго государя дохтуръ Матвѣй Миніатъ да лекарь Өаддей Тверитиновъ Бѣлогородскаго Саввина полку Айгуста солдата Ивана Калачова въ Аптекарскомъ приказѣ осматривали, а по осмотру ихъ у него Ивана на шеѣ на правой сторонѣ фистуловая болячка и въ носу кости оголились для того, что отъ той фистуловой болячки хрящъ гніетъ, и покамѣстъ онъ отъ той болѣзни не освободится, службы служить ему невозможно. Сіе свидѣтельствуютъ они вышеименованные дохтуръ и лекарь подписаніемъ рукъ своихъ.—Подписи.—Записать къ отпуску и выписать.

А въ указѣ въ Розрядъ изъ Аптекарскаго приказу написано:

По осмотру дохтура Матвѣя Миніата у солдата Ивана Калачова, а по осмотру на шеѣ на правой сторонѣ фистуловая болячка и въ носу кости оголились для того, что отъ той фистуловой болячки хрящъ гніетъ, и покамѣстъ онъ отъ той болѣзни не освободится, службы служить ему невозможно. Сіе свидѣтельствуетъ онъ вышеименованный дохтуръ подписаніемъ руки своей.

Лекарь же Өаддей Тверитиновъ по допросу сказалъ: лечить мочно а вылечится ль про то невѣдомо, потому что въ носу хрящъ гніетъ, и о томъ де свидѣтельство ихъ дохтура и лекаря есть...

1707 г. апрѣля въ 28 день по указу великаго государя царя и великаго князя Петра Алексѣевича всея великія и малыя и бѣ-

лыя Россіи самодержца бояринъ Тихонъ Никитичъ Стрешневъ съ товарищи, слушавъ сей выписки приказами вышеписаннаго Саввина полку Айгустова солдата Ивана Калачева для леченія отослать въ Аптеку съ памятью, а какъ вылечится и его прислать въ Разрядъ попрежнему, а Илью Алексѣева и Якима Микитина отослать въ Военной приказъ съ памятью для того, что они въ тотъ полкъ отданы въ дополнку изъ сбору солдатъ Военнаго приказу [1]).

Лѣта 1707 марта въ 19 день по указу великаго государя царя и великаго князя Петра Алексѣевича всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца Роберту Карлусовичу Арескину архіатеру и физикусу примаріусу съ товарищи. Великій государь царь и великій князь Петръ Алексѣевичъ всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержецъ указалъ Бѣлогородскаго Саввина полку Айгустова солдата Ивана Ростовцева въ Аптекарскомъ приказѣ дохтуру осмотрить какими болѣзньми онъ боленъ и нынѣ ему на службѣ быть и впредь ему служить мочно ль да тотъ осмотръ за дохтурскою рукою прислать въ Разрядъ къ боярину къ Тихону Никитичу Стрешневу съ товарищи. И по указу великаго государя... Роберту Карлусовичу Арескину архіатеру и физикусу примаріусу съ товарищи учинить о томъ по его великаго государя указу.

Лѣта 1707 апрѣля въ 9 день по указу великаго государя... боярину Тихону Никичу Стрешневу съ товарищи. Сего жъ апрѣля въ 3-й день въ его великаго государя указѣ изъ Разряду въ Аптекарской приказъ къ Роберту Карлусовичу Арескину архіатеру и физикусу примаріусу да къ комисару Павлу Яковлевичу Веселовскому за приписью дьяка Ивана Уланова писано велѣно въ Аптекарскомъ приказѣ дохтурамъ осмотрить жильца Семена Пахомова сына Исакова, какою онъ болѣзнью боленъ и мочно ль ему полковая конная или пѣшая служба служить, да тотъ осмотръ за дохтурскою рукою прислать въ Розрядъ. И по тому его великаго государя указу того вышеписаннаго жильца Семена Исакова въ Аптекарскомъ приказѣ осматривалъ дохтуръ Лаврентій Блюментростъ, и тотъ осмотръ за его дохтурскою рукою изъ

[1]) Разр., вяз. № ч. 42, д. 47.

Аптекарскаго приказу въ Розрядъ къ тебѣ боярину Тихону Никитичу Стрешневу съ товарищи посланъ подъ симъ его великаго государя указомъ.

1707 г. апрѣля въ 7 день по указу великаго государя дохтуръ Лаврентій Блюментростъ жильца Семена Пахомова сына Исакова осматривалъ, а по осмотру его у него Семена въ обѣихъ рукахъ жилы ослабѣли и руки трясутся и кисти и пальцы зѣло слабы и держать ему крѣпко ружья и иного въ рукахъ немочно, а учинилось ему то ослабленіе и трясеніе по его сказкѣ тому де лѣтъ съ восемь, какъ онъ былъ одержимъ огневицею, и того ради онъ Семенъ нынѣ въ конной и пѣшей службѣ быть негоденъ, по коихъ мѣстъ будетъ свободно владѣть руками, сіе для вѣрности свидѣтельствуетъ онъ вышеименованный дохтуръ подписаніемъ руки своея. Laurentius Christophorus Blumentrost.

Лѣта 1707 г. мая въ 31 день по указу великаго государя Роберту Карлусовичу Арескину архіатеру и физикусу примаріусу съ товарищи. Великій государь указалъ Бѣлогородскаго Саввина полку Айгустова солдата Ивана Калачева для лѣченія отослать въ Аптекарской приказъ, а какъ вылечится и его прислать въ Розрядъ по прежнему. И по указу великаго государя Роберту Карлусовичу Арескину архіатеру и физикусу примаріусу съ товарищи учинитъ о томъ по его великаго государя указу [1]).

Лѣта 1707 октября въ 4 день по указу великаго государя... Роберту Карлусовичу Арескину архіатеру и физикусу примаріусу да комисару Павлу Яковлевичу Веселовскому. Сего жъ году августа въ 2-мъ числѣ по его великаго государя указу отосланы въ Аптекарской приказъ для леченія больные московскихъ чиновъ люди, а кто имены, тому подъ симъ великаго государя указомъ роспись, а какъ они вылечутся велѣно прислать ихъ въ Розрядъ по прежнему, и тѣ москвичи вылечены ль, о томъ изъ того Приказу не отписано и тѣ москвичи въ Розрядъ не присланы. И великій государь... указомъ отписать въ Розрядъ къ боярину Тихону Никитичу Стрешневу съ товарищи изъ Аптекарскаго приказу тѣхъ москвичь которые вылечены прислать въ Розрядъ, а кото-

---

[1]) Разр., вяз. № ч. 45, д. 54.

рые не вылечены и вскорѣ ль вылечатся или кого изъ нихъ вылечить немочно и за чѣмъ, о томъ въ Розрядъ къ боярину къ Тихону Никитичу Стрешневу съ товарищи для вѣдома отписать. И по указу великаго государя Роберту Карлусовичу архіатеру и физикусу примаріусу да комисару Павлу Яковлевичу Веселовскому учинить о томъ по его великаго государя указу.

Роспись москвичамъ, которые отосланы для леченія болѣзней въ Аптекарской приказъ:

Микита Нестеровъ, Гаврила Француженковъ, Дмитрій да Илья Козмины-Короваевы, Илья Сандыревъ; итого пять человѣкъ [1]).

Лѣта 1708 іюля въ 5 день по указу великаго государя... Роберту Карлусовичу Арескину архіатеру физикусу примаріусу да комисару Павлу Яковлевичу Веселовскому. Къ великому государю царю... писалъ фельдмаршалъ и военный кавалеръ мальтійской свидѣтельствованный Борисъ Петровичъ Шереметевъ (отпус)тилъ к Москвѣ Бѣлогородскаго... Саввина полку Айгустова урядниковъ и солдатъ Евдокима Данилова, Козьму Волкова, Якова Карпачкова, Андрея Налетова, что имъ за старостью и за увѣчьемъ его государевой службы служить немочно, а у смотру они въ Розрядѣ сказались больны: Евдокимъ Даниловъ животною болѣзнью, а у Козмы Волкова удушье да у нихъ же да у Якова Карпачкова въ ногахъ ломъ, а Андрей Налетовъ боленъ головою и ноги больны, а наружныхъ болѣзней у нихъ нѣтъ. И великій государь указалъ тѣхъ вышеписанныхъ урядниковъ и солдатъ въ Аптекарскомъ приказѣ отмотрѣть дохтуромъ, какими они болѣзньми кто боленъ и всѣмъ имъ солдатская служба служить мочно ль или немочно и за чѣмъ кому изъ нихъ служить немочно да тотъ осмотръ за дохтурскими руками отослать въ Розрядъ къ бояриву къ Тихону Никитичу Стрешневу съ товарищи.— И по указу великаго государя... Роберту Карлусовичу Арескину архіатеру примаріусу да комисару Павлу Яковлевичу Веселовскому учинить о томъ по его великаго государя указу [2]).

---

[1]) Разр., вяз. № ч. 41, д. 74.

[2]) Разр., вяз. № ч. 47, д. 28.

Такимъ образомъ мы видимъ, что реформы Петра В., обновившія всѣ стороны русской жизни, захватили также и сферу врачебную. Необходимость правильной военно-медицинской организаціи была сознана главнымъ образомъ послѣ того, какъ Петромъ В. были учреждены регулярныя войска по иноземному образцу, съ иностраннымъ оружіемъ и иностранными офицерами инструкторами. Но Петру В., какъ и его предшественникамъ, приходилось пополнять кадры военныхъ врачей почти исключительно иностранцами. Такъ, въ 1695 г. имъ было выписано изъ-за границы двадцать пять врачей, а два года спустя, въ 1697 году, снова пятьдесятъ врачей. Среди врачей иностранцевъ, пріѣзжавшихъ при Петрѣ Вел. на русскую службу, преобладали нѣмцы и французы. Изъ пятидесяти врачей, напр., принявшихъ приглашеніе поступить на русскую службу въ 1697 г., французовъ и нѣмцевъ было по четырнадцати, голландцевъ двѣнадцать, датчанъ четыре, шведовъ два и наконецъ австрійцевъ, итальянцевъ, бельгійцевъ и поляковъ только по одному [1]).

Однимъ изъ первыхъ правильно организованныхъ военно-медицинскихъ учрежденій въ Россіи была главная аптека. Полевыя аптеки стали основываться позднѣе. Онѣ открывались обыкновенно вблизи сосредоточенія войскъ. Полевыя аптеки являлись объединяющимъ хозяйственно-медицинскимъ центромъ военныхъ командъ. Такъ, при нихъ находились мастерскія для починки хирургическихъ инструментовъ, въ нихъ сосредоточивались денежныя суммы для пополненія медицинскихъ запасовъ и даже для уплаты жалованья врачамъ и т. д. Кромѣ того, полевыя аптеки служили практическими школами для моло-

---

[1]) *Купріяновъ*, Исторія Медицины Россіи въ царствованіе Петра В. Спб. 1872 г.

дыхъ фармацевтовъ и фармацевтическій персоналъ большихъ столичныхъ аптекъ пополнялся обыкновенно фармацевтами, прошедшими школу дѣятельности полевыхъ аптекъ. Первыя двѣ аптеки были устроены въ 1716 г., свѣдѣній относительно ихъ сохранилось очень мало. Въ 1720 г. указомъ Петра Великаго была открыта аптека для «Низоваго корпуса», предназначавшагося для войны съ Персіей. Въ 1733 г. были основаны четыре полевыя аптеки: въ С.-Петербургѣ, Москвѣ, Лубнахъ и въ Астрахани. По регламенту 1736 г. при каждой аптекѣ долженъ былъ находиться 1 аптекарь, 2 гезеля, 9 фурлейтовъ. Въ военное время штатъ могъ быть увеличенъ смотря по надобности. Въ военное время полевыя аптеки рѣдко выходили въ полномъ составѣ въ походъ, большею частью онѣ формировали походное отдѣленіе. Къ концу вѣка число полевыхъ аптекъ значительно возросло и нѣкоторыя изъ нихъ замѣняли постоянныя казенныя аптеки.

Какія лекарственныя вещества были въ ходу въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII вв. видно изъ двухъ слѣдующихъ документовъ.

Роспись лекарствамъ, которыя отпущены съ лекаремъ Семеномъ Рапкѣевымъ и съ ученикомъ къ прежнимъ въ прибавку (1703):

водки апоплектики 3 фунта;

духу виннаго, водки гуляфной по 6 фунтъ.

Пластыри:

Стиптикому простого 20 фунтъ.

Бѣлинного 4 фунта.

Головного четь фунта.

Мази:

Попилевой
Диантей
Раковои } всѣхъ по 3 фунта.

Масла перепускныя:

Ентарнаго бѣлаго
Ентарнаго жъ краснаго
Мятнаго
Пелыннаго
Анисчаго
} всѣхъ по 12 золотниковъ.

Деревяннаго 10 фунтъ.
Льняного 5 фунтъ.

Эликсиру пропріэтатисъ
Электуаріи Діапрунузи
} по 1-му фунту.

Спермацети
Конфекціи анкермесъ
} по чети фунта.

Порошки:

Пургацейнаго $^1/_2$ фунта.

Контроказумъ
Десентерикусъ
} по 1-му фунту.

Изъ раковыхъ глазъ $^1/_2$ фунта.
Стернататорисъ $^1/_4$ фунта.

Пилюль головныхъ
Духу изъ нашатыря
} по чети фунта.

Ядеръ миндальныхъ 5 фунтовъ.

Травъ:

Розмарину, маюрану, шалфеи, базилику, исюпу, тиміану, меллисы } всѣхъ по 6-ти горстей

Цвѣту самбуціева
» свороборинного
} по 3 пригоршни.

Корени фіалковаго, пеонного,
» цытварнаго, иру
Коры померанцевой
} всѣхъ по 1-му фунту.

Корицы $^1/_4$ фунта.
Бѣлилъ нѣмецкихъ 2 фунта.
Пузырьковъ стеклянныхъ 50.
Стклянокъ въ $^1/_4$ фунта 30.
Стопокъ мурамленыхъ средней и малой руки 100.
Свѣчъ сальныхъ 100.

Бумаги писчей 6 дестей.

Всего по сей росписи лекарствъ и припасовъ по цѣнѣ на 59 р. на 17 алтынъ, а съ прежними лекарствы на 132 рубли на 6 алтынъ [1]).

Великимъ государемъ царемъ и великимъ княземъ Іоанну Алексѣевичу Петру Алексѣевичу и великой государынѣ благовѣрной царевнѣ и великой княжнѣ Софіи Алексѣевнѣ всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержцемъ.

197 году декабря въ 31 день съ лекаремъ съ Артемьемъ Ефимовымъ.

«Выписать о томъ къ великимъ государемъ въ докладъ и поднесть тотчасъ».

Великимъ государемъ царемъ и великимъ княземъ Іоанну Алексѣевичу Петру Алексѣевичу и великой государынѣ благовѣрной царевнѣ и великой княжнѣ Софіи Алексѣевнѣ всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержцемъ холопи ваши Бориско Шереметевъ съ товарищи челомъ бьютъ. Въ нынѣшнемъ во 197 году декабря въ 11-й день въ Бѣлѣ-городѣ въ розрядной избѣ подалъ намъ холопемъ вашимъ лекарь Артемій Эрмасъ роспись нѣмецкаго письма, что надобно какихъ лекарствъ и къ лекарствамъ снастей и къ вамъ великимъ государемъ царемъ и великимъ княземъ Іоанну Алексѣевичу Петру Алексѣевичу и великой государынѣ благовѣрной царевнѣ и великой княжнѣ Софіи Алексѣевнѣ всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержцемъ къ Москвѣ мы холопи ваши ту роспись изъ Бѣлагорода послали подъ сею отпискою съ лекаремъ съ Артемьемъ Эрмасомъ декабря въ 12-й день и велѣли подать въ Розрядѣ думному дьяку Василью Григорьевичу Семенову съ товарыщи.

Register Ettiche Geschriebene Medicament: Gvelche Höchsl benötiget sindt auf Ihro Laar: Mäytt: Dienst nacher Bellegorot Gvie auch Instrumenten Lauh dieses.

Emplastr. Apodeld.

Diachl. C. Gum.......................... $\overline{aa}$. ℔ij

ad fractur.......................... ℔iiij

---

[1]) Разр., вяз. № 28, д. 118.

	Devensiv.		
	spermaranarum	aa.	℔iij
Ungv.	Rub'r: Gvürtzij		℥iij
	Potabil		℔j
	Martiat:		
	Alb: Camphorat:	aa.	℔ij
	Pulver Löcschung		℔j
Pulvis purgans.			
	Echel: Cancror	aa.	℥iij
	disenteria.		
	brem. $\underset{+}{II}$ nij	aa.	℔ß
	Sperm: Cactij		
Oleum	Menthae Distill:		℥ij
	Amigdal: Dulc.		
	Rosarum	aa.	℥iij
	Chamom:		
	Lumbric:		
	spicae et Cherbint:	aa.	℥sj
	Hyperie:		
Electvar:	Diaschord:		℔ß
	Hydragog		℥ij
Aloe.	Succ. tr:		℔ß
	Rhabarb:		℔j
	sena folior.		℔ß
	Aq: Apoplect		℔ij
	Mixt: Simpl:		℥iij
Gum	Apae faetidae		
	Mastix. Mirr: Oliban	aa.	℥iij
Sal:	Brunell:		
	Cardobenedict.		
	Absinthij	aa.	℥iij

Bluthstellung od. Capul Mort

Etticher Kreuter zum umbschlagen undt Cathaplasma etc.

Eine Reinsage mil zwey Bletter.

Ein Krum mesjer.

Lsvey Kugelschraube.

Ein schnabel Lange.

Ein Abbeisser.
Ein pilkan.
Ein Mundtschraube.
Eine mundt und Wundtspritze.
Ein Cautisier Eisen.
Einen Instrumenthöcher.
Undt etticho Lantzeten.
Undt lteft...

Нѣкоторый свѣтъ на способы тогдашняго леченія въ полковыхъ лазаретахъ проливаетъ указъ 17 сент. 1712 г., которымъ повелѣвается отпускать безденежно «сверхъ дохода» по 1000 ведеръ въ годъ для «водочнаго строенія».—Какъ велика была вѣра въ цѣлительныя свойства спирта явствуетъ изъ слѣдующаго оффиціальнаго донесенія гентера-маіора Гинтера, стоявшаго тогда съ артиллеріей въ Украйнѣ, генералу фельдцехмейстеру Брюсу:

„артилерских служителеи при полевои артилеріі больных всегда бываетъ многое число, а вина и пива, в чемъ лекарство давать, при артилеріі не бываетъ; а покупать ны на что, понеже на такія расходы денги из Приказу Ортилеріі не присылаютца; а без вина и бес пива лекарство хотя і давать, і в том пользы мало бывает, а лѣкарству только трата“ [1]) (1715 г.).

Къ 1711 году относится первый проэктъ личнаго состава военно-медицинскихъ чиновъ. Согласно этому проекту при каждомъ пѣхотномъ полку долженъ былъ находиться одинъ «лекарь иноземецъ» и десять «просто лѣкарей» т.-е. русскихъ лекарей [2]). При артиллеріи же два лекаря и семь цирюльниковъ [3]).—Воинскій уставъ 1716 г. гласитъ:

---

[1]) Хныковъ. Дѣло Артил. Арх. кн. № 23, л. 194.
[2]) П. С. З. Т. IV, № 72379.
[3]) Ibid. № 2480.

Гл. 33. „Надлежіть быть при всякой дівізіи одному доктору, одному штапъ лѣкарю, а во всякомъ полку полевому лѣкарю, такожъ въ каждѣ ротѣ по цылюріку“.

Но что всѣ эти «штапъ лѣкари» и «цылюріки» существовали только на бумагѣ видно изъ слѣдующихъ словъ указа сената отъ 8-го января 1713 года.

„А что положено въ опредѣленныхъ табеляхъ на аптекарскихъ служителей въ генералитетѣ и на полковыхъ лѣкарей, и тѣ деньги изъ губерній, по тому опредѣленію, присылать въ канцелярію Правительствующаго Сената, *потому что они лишнія*“ [1]).

Но уже въ царствованіе Анны Іоанновны военные врачи существовали при всѣхъ полкахъ, какъ это явствуетъ изъ слѣдующихъ словъ именно указа, даннаго военной коллегіи въ 1735 году.

„А понеже *во всѣхъ полкахъ имѣется* только *по одному лѣкарю* которые по должности своей всѣхъ больныхъ смотрѣть и пользовать не успѣваютъ, а когда кто изъ нихъ заболитъ или умретъ, тогда принуждены то дѣлать неискусные цирюльники и отъ недознанія ихъ многимъ болѣзни къ болѣзнямъ, а инымъ и смерть, нежели свобода приключается; того рода, по представленію Медицинской канцеляріи прибавить въ полевые полки по одному подлѣкарю и производить имъ жалованья въ годъ по 120 руб. человѣку [1]).

Матеріальное положеніе военныхъ врачей долгое время было далеко незавиднымъ. При Михаилѣ Өеодоровичѣ полковые лекаря получали жалованья по 3 руб. 25 алтынъ въ мѣсяцъ [3]). При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ заслуженные полковые врачи получали по 10 руб. въ мѣсяцъ (*Рихтеръ*). По проекту 1711 года лекарь иноземецъ долженъ былъ получать 12 руб. въ мѣсяцъ, лекарь изъ

---

[1]) Ibid. T. V, стр. 2.

[2]) Ibid. T. IX, стр. 571, № 6801.

[3]) Дополненія къ актамъ историческимъ, собранныя и изданныя археографической комиссіей. Спб. 1848. T. III, стр. 216.

русскихъ въ драгунскихъ полкахъ и артиллеріи также 12 руб. въ мѣсяцъ, въ армейскихъ же полкахъ только 10 руб., 32 алтына, 4 деньги, наконецъ, цирюльникъ получалъ 14 руб. 14 алт. 2 деньги въ годъ [1]). Въ 1712 г. сенатскимъ указомъ полковымъ лекарямъ было еще прибавлено по четыре раціона [2]). Въ «Табелѣ о полевой арміи» 1720 года назначено доктору 600 руб. въ годъ, лекарю 180—80 руб., цирюльнику 10—4 руб. [3]). Въ 1735 г. къ жалованію лекарей прибавлено «по 10 руб. по 3 копейки съ осьмою» на прислугу [4]).

Бѣдственное положеніе врача увеличивалось еще отъ того, что его скудное жалованье нерѣдко задерживалось цѣлыми мѣсяцами. Бывали, наконецъ, случаи, когда жалованье лекарямъ совсѣмъ не выдавалось; такъ, по указу Анны Іоанновны въ 1736 г. вслѣдствіе недостатка въ деньгахъ было предписано выдавать вмѣсто денегъ сибирскіе товары. По донесенію корпуснаго врача Нича нѣкоторымъ полковымъ лекарямъ грозила въ буквальномъ смыслѣ слова голодная смерть. Архіатеръ Лестокъ, видя крайнюю бѣдность медицинскаго персонала и не имѣя возможности помочь имъ денежными средствами, запретилъ подлекарямъ и «гезелямъ» (1741 г.) вступать въ бракъ [5]).

Врачи, ставшіе неспособными къ военной службѣ вслѣдствіе старости, болѣзни или какой нибудь другой причины, переходили обыкновенно на гражданскую службу въ «го-

---

[1]) Полн. Собр. Закон. Т. IV, стр. 794.

[2]) Ibid. Т. IV, стр. 877, № 2612.

[3]) Ibid. Книга Штатовъ. Отдѣленіе первое, стр. 17.

[4]) Ibid. Т. IX, стр. 541, № 6801.

[5]) Проф. Я Чистовичъ, Исторія первыхъ медицинскихъ школъ въ Россіи, Спб., 1883 г.

родовые врачи». Послѣдніе получали отъ города опредѣленно жалованье и готовую квартиру. Городская служба замѣняла врачамъ пенсію, которая въ то время хотя и существовала, но назначалась врачамъ очень рѣдко.

Указъ о назначеніи отставныхъ полковыхъ лекарей на городскую службу былъ данъ въ 1737 году въ отвѣтъ на донесеніе Медицинской канцеляріи, въ которомъ между прочимъ говорилось:

Въ губерніяхъ и провинціяхъ, для пользованія обывателей въ ихъ болѣзняхъ, понынѣ еще особливыхъ докторовъ и лекарей несодержано, но токмо въ городѣ Москвѣ содержится при Ратушѣ особливой лекарь, которому жалованье производится отъ оной же Ратуши.... и Медицинская канцелярія представляетъ, дабы указомъ повелѣно было отъ Медицинской канцеляріи для пользованія обывателей въ ихъ болѣзняхъ, до времени въ городахъ, лежащихъ по близости отъ Санктпетербурга и Москвы опредѣлить лишь по особому лѣкарю, и онымъ лѣкарямъ (которыхъ Медицинская канцелярія изъ старыхъ бывшихъ на службѣ лѣкарей, которые хотя къ полевымъ службамъ не въ состояніи, по точію къ пользованію больныхъ еще способны, опредѣлять будетъ) жалованья производить отъ обывателей или отъ Ратушъ противъ наполненныхъ полковъ лѣкарей и при томъ давать имъ въ тѣхъ городахъ квартиры; а требуемые для пользованія оныхъ обывателей медикаменты таковые лѣкари содержать могутъ отъ себя и за оные отъ тѣхъ обывателей, которымъ оные въ болѣзняхъ потребны брать плату“ [1]).

Изъ приведеннаго свидѣтельства явствуетъ, 1) что еще въ 1737 г. не существовало другихъ хирурговъ (лекарей), кромѣ полевыхъ и, 2) что въ серединѣ XVIII в. врачи сами приготовляли и продавали назначаемыя ими больнымъ лекарства.

Положеніе городскихъ врачей было не лучше военныхъ. Такъ какъ обществомъ еще недостаточно сознавалась

---

[1]) Полн. Собр. Зак. Росс. Имп. Т. X, стр. 136. № 7245.

вся важность врачебной дѣятельности, то городъ очень часто отказывалъ присылаемымъ правительствомъ врачамъ, какъ въ жалованьи, такъ и въ квартирѣ, мотивируя свой отказъ отсутствіемъ свободныхъ средствъ и помѣщеній.

Въ общемъ матеріальное благосостояніе врачей опредѣлялось не столько ихъ служебнымъ положеніемъ, знаніями и заслугами, сколько благоволеніемъ къ нимъ людей вліятельныхъ и сильныхъ.

Общественное положеніе полковыхъ врачей было не лучше матеріальнаго.

Въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича полковые лекаря писались въ спискахъ между писарями и сержантами т.-е. унтеръ-офицерами [1]).

Въ артикулахъ Воинскаго Устава 1716 года при перечисленіи обязанностей лекаря между прочимъ сказано: «полковника, подполковника и маіоровъ бороды онъ брѣетъ» (Den Obristen, Obrist-Lieytenant und Majorn muss er barbieren) [2]).

Въ табели о рангахъ 1722 г. упоминаются только архіатръ, причисленный къ V кл., и «доктора всякихъ факультетовъ, которые на службѣ обрѣтаются», причисленные къ IX кл., о лекаряхъ же не говорится ничего [3]).

Въ 1728 г., въ царствованіе Петра II, штабъ лекарь получилъ «рангъ капитанъ-поручицкій», лекарь «подпоручицкій», но только въ сухопутныхъ войскахъ, во флотѣ же лекаря по прежнему оставались внѣ ранговъ [4]).

---

[1]) Дополненіе къ актамъ историческимъ, собраннымъ и изданнымъ археографическою комиссіею 1848. Т. III. № 58.

[2]) Полн. Собр. Зак. Т. V, стр. 452. О полковомъ лекарѣ.

[3]) Табель о рангахъ всѣхъ чиновъ. Полн. Собр. Закон. Т. VI, стр. 587, 588.

[4]) Полн. Собр. Закон. Т. VIII, стр. 59, № 5298.

Что̀ значило въ тѣ времена не принадлежать ни къ какому рангу, видно изъ того безправнаго положенія, въ какомъ находились флотскіе офицеры. Такъ, въ 1743 г. адмиралтейская коллегія доносила сенату, что

„желающихъ во флотъ лѣкарей изыскивать, а паче изъ чужихъ краевъ выписывать невозможно, для того, что имѣющіеся во флотѣ лѣкари и подлѣкари ранговъ не имѣютъ и затѣмъ отъ морскихъ офицеровъ несутъ обиды“ [1]).

Изъ жалобъ, приносимыхъ врачами медицинской канцеляріи, видно, что бывали даже случаи, когда несчастные врачи подвергались ударамъ палки и не рѣдко требовалось энергичное вмѣшательство властей для укрощенія расходившихся служителей Марса. Такъ, въ 1742 г. по поводу одной грубой расправы капитана судна съ лекаремъ, архіятеръ Лестокъ писалъ адмиралтейской коллегіи, что, если ею не будутъ приняты мѣры для огражденія врачей отъ насилій со стороны офицеровъ, онъ прекратитъ дальнѣйшее назначеніе лекарей во флотъ (*Я. Чистовичъ*).

Только въ 1744 г. флотскимъ лекарямъ былъ данъ чинъ подпоручика.

Но не лучше было подчасъ общественное положеніе и привилегированныхъ представителей военной медицины, лекарей сухопутныхъ войскъ. Такъ, 17 янв. 1737 г. Медицинская канцелярія доносила «Кабинетъ-Министрамъ»:

.... Штабъ - офицеры оныхъ лѣкарей хотятъ имѣть во всемъ въ своей командѣ; понеже де оные штабы не токмо ихъ, какъ лѣкарей содержать, но многихъ какъ камердинеровъ употребляютъ, заставляютъ ихъ и парики направлять, а которые лѣкаря предъ штабами своими не похотятъ излишнюю услужливость и раболѣпство несть, на такихъ нападаютъ, и ихъ по своимъ изволамъ штрафуютъ и безчестятъ [2]).

---

[1]) Ibid. T. XII, стр. 187, № 9007.

[2]) Ibid. T. X, стр. 28—29, № 7162.

Въ царствованіе Елизаветы Петровны благодаря заступничеству генералъ-директора Медицинской канцеляріи, лейбъ-медика Императрицы, Іогана Германа Лестока, въ сухопутныхъ войскахъ лекари были возведены въ чинъ капитана, а подлекари прапорщика [1]).

Наконецъ, въ 1798 году подъ вліяніемъ нѣсколько измѣнившихся взглядовъ на врачей, цесаревичемъ Александромъ Павловичемъ былъ изданъ указъ, которымъ предписывалось подвергать самымъ строгимъ взысканіямъ офицеровъ, позволяющихъ себѣ грубыя выходки по отношенію къ врачамъ.

Жалобы отовсюду на недостатокъ въ искусныхъ врачахъ, трудность подысканія таковыхъ за границей, дороговизна платы имъ и наконецъ полное незнакомство ихъ съ русскимъ языкомъ, все это вмѣстѣ всегда заставляло русское правительство думать о принятіи мѣръ къ подготовленію врачей изъ русскихъ. Съ этою цѣлью еще въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича посылались въ заграничныя школы молодые люди.

Первый русскій, получившій за границей степень доктора медицины, былъ Петръ Васильевичъ Постниковъ, именующійся въ спеціальной исторіи медицины прямо, безъ ограниченій, «первымъ русскимъ докторомъ» [2]).

Но находить людей достаточно подготовленныхъ для посылки за границу было не легко. Въ 1738 г., напр., правительствомъ было рѣшено послать въ Парижъ шесть лекарей или подлекарей, чтобы они «тамъ въ хирургіи и анатоміи такъ утвердились, дабы при четырехъ главныхъ госпиталяхъ въ Россійскомъ государствѣ для обу-

---

[1]) Ibid. T. XI, стр. 554, № 8491.

[2]) *Цвѣтаевъ*, Медики въ Московской Россіи и первый докторъ. Варшава, 1896.

ченія подлѣкарей и учениковъ могли употреблены быть»[1]). Въ теченіе трехъ лѣтъ Медицинская канцелярія не могла выполнить возложеннаго на нея порученія и только въ 1741 году вмѣсто шести лекарей въ Парижъ были посланы трое.

„А нынѣ изъ представленныхъ ко оной посылкѣ въ Парижъ здѣшнихъ урожденцевъ, по экзамену и свидѣтельству ихъ способности и по имѣющимся о ихъ удостоинствѣ аттестатомъ, явились токмо три человѣка, ко оной посылкѣ быть достойными". (Ibid.).

Посланные за границу обязаны были.

„По прошествіи каждыхъ трехъ мѣсяцевъ прислать рапорты въ Медицинскую канцелярію, и во оныхъ объявить: 1) науки, чего именно какъ за деньги такъ и безденежно учатся; 2) профессоровъ, кто именно имъ оныхъ наукъ толкують; 3) автора, которой для основанія въ толкованіи употребляется; 4) которые пункты именно въ наукахъ имъ толкуются и 5) сколько какихъ пунктовъ оныхъ наукъ изъ онаго автора совершенно толкованіемъ окончены. И таковаго рапорта прислать имъ всегда за ихъ всѣхъ руками"[2]).

Такъ какъ посылки заграницу не давали нужнаго числа врачей, и кромѣ того обходились казнѣ также очень дорого, то русское правительство издавна дѣлало попытки къ подготовленію врачей въ самой Россіи. 23 мая 1719 г., напр., былъ данъ именной указъ Президенту Штатсъ-Конторъ-Коллегіи объ отсылкѣ архіатру Блюментросту, преемнику Арескина, 30 учениковъ «для обученія лѣкарскаго»[3]).

Врачи, вновь принимавшіеся на русскую службу, стали обязываться подписывать такое условіе. «За то его государево жалованье служити мнѣ вѣрно городскую, полковую службу и гдѣ великій государь укажетъ, и учениковъ, которые мнѣ для ученья даны будутъ, учить съ великимъ прилежаніемъ» (*Цвѣтаевъ*).

---

[1]) Полн. Собр. Закон. Т. XI, стр. 465, № 8425.

[2]) Ibid. Т. XI, стр. 468, № 8425.

[3]) Ibid. Т. V., стр. 699, № 3375.

Къ исходу XVII вѣка русскіе лекаря, подлекаря и аптекаря упоминаются уже постоянно въ числѣ лицъ, подвѣдомственныхъ Аптекарскому Приказу.

Въ началѣ XVIII в. при госпиталяхъ были учреждены специальныя медицинскія школы для подготовленія врачей. Но долгое время школьное медицинское образованіе въ Россіи было крайне элементарнымъ: школъ было мало, число учениковъ въ нихъ ограничено, а время прохожденія медицинскаго курса сравнительно очень продолжительно. Только въ концѣ XVIII в. подготовка полевыхъ врачей получила правильное рѣшеніе съ основаніемъ, въ 1798 г., Военно-Медицинской Академіи *(проф. Г. Г. Скориченко).*

Въ концѣ XVIII в. весь военно-медицинскій персоналъ состоялъ изъ четырехъ слѣдующихъ категорій: подъ-лекарей, лекарей, штабъ лекарей и докторовъ медицины.

Подлекарь не имѣетъ права заниматься вольной практикой. Но для него не была закрыта дорога къ дальнѣйшему повышенію. Прослуживъ не менѣе шести лѣтъ подлекаремъ, онъ могъ, сдавъ установленный экзаменъ, получить право лекаря. Экзаменъ производился всюду, гдѣ находился хотя бы одинъ докторъ медицины и нѣсколько лекарей, которые и являлись экзаменаторами. Званіе подлекаря упразднено въ арміи и во флотѣ въ 1799 г. послѣ учрежденія двухъ медико-хирургическихъ академій взамѣнъ медико-хирургическихъ училищъ при госпиталяхъ.

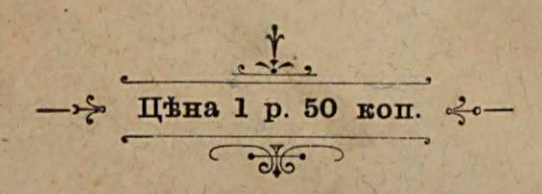
Несравненно болѣе высокое служебное положеніе занимали штабъ-лекаря. Степень эта давалась безъ всякаго экзамена за какія либо заслуги. Въ первой половинѣ столѣтія штабъ-лекарей было очень немного и они занимали наиболѣе отвѣтственныя мѣста. Позднѣе, когда управленіе медицинскою канцеляріею находилось въ рукахъ штадтъ-физика доктора Я. Лерхе, степень штабъ-лекаря

потеряла вское значеніе, она не давала никакихъ правъ и привилегій и даже продавалась за деньги; штабъ-лекарей стало такъ много, что нѣкоторые изъ нихъ занимали «подлекарскія вакансіи». Но въ концѣ вѣка медицинскою канцеляріей снова была слѣлана попытка поднять престижъ штабъ-лекарей и степень эта стала даваться только за напечатаніе какихъ-либо трудовъ или за выслугу извѣстнаго числа лѣтъ.

Высшую ученую степень составляла степень доктора медицины. Долгое время степенью этою обладали только иностранцы. Чтобы получить въ Россіи соотвѣтствущія права, они должны были представить дипломъ заграничнаго университета и кромѣ того сдать еще особый провѣрочный экзаменъ. Если экзаменующійся обнаруживалъ недостаточныя свѣдѣнія, онъ зачислялся подлекаремъ въ одинъ изъ генеральныхъ госпиталей, съ правомъ держать экзаменъ черезъ годъ. Доктора медицины, несмотря на полное незнаніе русскаго языка, занимали обыкновенно должнос не ниже дивизіоннаго врача.

Такимъ образомъ, подводя итогъ всему вышесказанному, мы должны признать, что въ отечественной исторіи имѣла мѣсто та же самая послѣдовательность событій, что и на западѣ, т.-е. и здѣсь совершался постепенный переходъ отъ полной разрозненности военныхъ дѣйствій и отсутствія всякой заботливости о больныхъ и раненыхъ къ регулярнымъ войскамъ съ правильно организованной медицинской помощью. Процессъ этотъ завершился основаніемъ въ 1798 г. Военно-Медицинской Академіи.

ФОНД
Инв. 69…4
30

М. Лахтинъ. Большія операціи въ исторіи хирургіи. Москва. 1901. Ц. **1** р. **50** коп.

ПЕЧАТАЕТСЯ:

М. Лахтинъ. Краткій біографическій словарь знаменитыхъ врачей всѣхъ временъ.

2011146690